

32.7 44(2)
4.64 Т.Р.Кондратков

кардинальная проблема современности

Т.Р.Кондратков

**кардинальная
проблема
современности**

*Идеологическое противоборство
по вопросам войны и мира*

Москва
Издательство
политической
литературы
1985

Кондратков Т. Р.

К64 Кардинальная проблема современности: Идеолог. противоборство по вопросам войны и мира.— М.: Политиздат, 1985.— 207 с.

В книге доктора философских наук Т. Р. Кондраткова освещается современная идеологическая борьба по проблемам войны и мира: о сущности войны и мира в ядерный век, о путях сохранения мира и предотвращения войны, о моральной оценке войны и мира, об источниках угрозы миру.

Привлекая новые материалы, автор дает критику буржуазных, реформистских концепций, искажающих сущность марксистско-ленинской теории, политики КПСС по рассматриваемым вопросам.

Рассчитана на пропагандистов, лекторов, преподавателей, слушателей партийной учебы, всех читателей, интересующихся данной проблемой.

К $\frac{0302030105-125}{079(02)-85}$ 115—85

66.4(0)

327

Предотвращение войны и упрочение мира — проблема, многие века волновавшая умы людей, превратилась в наше время в самую жгучую проблему мировой политики, требующую своего безотлагательного решения. Военная опасность, которая несколько уменьшилась в середине прошлого десятилетия, резко возросла в начале 80-х годов по вине агрессивных кругов империализма. Озлобленные успехами реального социализма, они ведут безудержную гонку вооружений, создают все более совершенную военную технику, готовят новую мировую войну.

Империализм, прежде всего американский, объявивший едва ли не весь мир сферой своих жизненных интересов, поставил человечество перед грозной ситуацией, не имеющей аналога во всей прошлой истории: либо народы и государства мобилизуют и приведут в действие все материальные и духовные силы и резервы для сохранения мира, либо империалистические авантюристы ввергнут их в пропасть истребительной ядерной войны, грозящей уничтожить человеческую цивилизацию. С ростом ядерной опасности, исходящей от империализма, роковой вопрос шекспировского Гамлета «быть или не быть?» из области философско-психологических переживаний литературного персонажа превратился в проблему самого существования человечества, сохранения жизни на земле.

Напряженное положение в мире приобрело особую остроту в связи с развертыванием в странах Западной Европы оружия первого удара — американских ядерных ракет «Першинг-2» и крылатых, способных достигать целей на территории СССР и других европейских социалистических стран. Американская администрация усиленно нагнетает истерию, выдвигает планы милитаризации космоса. Подобные акции ведут к новому и особо опасному витку гонки вооружений, к возрастанию угрозы как для Европы, так и для всего мира. Это вынудило Советский Союз, социалистические государства предпринять ряд ответных мер, чтобы не нарушалось военное равновесие между противоположными социальными системами.

История уже преподавала человечеству свой суровый, жестокий урок. Народы заплатили дорогую цену за то, что им не удалось предотвратить первую и вторую мировые войны, а также многочисленные локальные войны, развязанные империализмом. Нельзя допустить новой трагедии, перед которой померкли бы все ужасы прошлых войн. Главный урок истории учит: против войны надо бороться, пока она не началась. Это возлагает на миролюбивые народы огромную ответственность, обязывает их осознать всю глубину нависшей грозной опасности и требует безотлагательного сплочения их сил в национальном и международном масштабах для борьбы за сохранение мира, за жизнь нынешнего и грядущих поколений людей, за спасение современной цивилизации.

Борьба за мир, против угрозы новой мировой войны ширится, набирает силу, приобретает массовый характер. Она охватила миллионы людей на планете. Формы проявления ее многообразны и распространяются на различные сферы социальной действительности — политическую, идеологическую, экономическую, научно-техническую, военную. Участников борьбы, придерживающихся различных политических и идеологических взглядов, объединяет

общая благородная цель — устранить угрозу ядерной войны, уберечь мир. /

Воинственно настроенные идеологи, политические и военные деятели империализма, ослепленные классовой ненавистью, объявили «крестовый поход» против СССР, провозгласили преступную цель — «уничтожение социализма как мировой системы». Не гнушаясь ложью и клеветой, они предпринимают массированные атаки на социализм, на марксистско-ленинскую идеологию, оправдывают самые бесчеловечные, жестокие формы вооруженного насилия.

В условиях острой борьбы двух противоположных социальных систем теоретическая разработка и освещение проблемы войны и мира, как и других кардинальных социально-политических проблем, с одной стороны, и разоблачение буржуазных фальсификаций этих проблем, с другой стороны, есть единая задача, имеющая два аспекта, две взаимосвязанные стороны. Позитивное рассмотрение вопросов на основе диалектико-материалистического мировоззрения и методологии неотделимо от критики враждебных нападок и извращений, от борьбы против буржуазных их искажений.

Действенным инструментом глубокого познания социальных явлений, в том числе войны и мира, своеобразным компасом, позволяющим определить пути укрепления мира и предотвращения войны, является марксизм-ленинизм. Опираясь на марксистско-ленинскую науку, на глубокий анализ закономерностей и основных тенденций мирового общественного развития, всестороннюю оценку соотношения сил между двумя социальными системами, КПСС, братские партии сделали фундаментальный вывод об отсутствии фатальной неизбежности войны. Они отвергли мрачный, пронизанный безысходным пессимизмом взгляд, будто у человечества нет иной перспективы, кроме наращивания вооружений, подготовки ядерной катастрофы. Вывод КПСС, братских партий, базирующийся

на философии исторического оптимизма, имеет огромное значение для судеб человечества, для мобилизации народных масс на борьбу с грозной опасностью. Он опровергает милитаристские концепции и доктрины о неотвратимости ядерной войны.

Марксисты-ленинцы решительно осуждают ядерную войну, расценивают ее как чудовищное преступление против человечества. Такая война нанесла бы непоправимый урон прогрессивному развитию общества, привела бы к разрушению цивилизации. О ядерной войне мечтают лишь безумцы, страшящиеся социализма больше, чем гибели всего человечества. Марксисты-ленинцы выступают за реальное разоружение, и прежде всего за полное запрещение и уничтожение средств массового поражения, за предотвращение ядерной катастрофы, сохранение всеобщего мира, за общую безопасность. Они и впредь будут давать отпор врагам мира, разоблачать и срывать любые их идеологические диверсии, как зеницу ока беречь мир. Вместе с тем марксисты-ленинцы ведут конструктивный диалог и сотрудничество в деле защиты мира и разоружения со всеми людьми независимо от их взглядов и убеждений.

Достижение прочного мира — не благое пожелание, а вполне реальная задача. Но для этого необходима величайшая бдительность народов, их упорная и последовательная борьба против врагов мира и разрядки. Борьба за мир, против угрозы ядерной опасности — дело всех и каждого. Советский народ, переживший самую губительную из всех войн, какую когда-либо знала история, и потерявший в ней более 20 миллионов человек и третью часть своего национального достояния, особенно хорошо знает, что такое война.

Поэтому генеральным направлением внешнеполитической деятельности нашей партии и государства, как определил XXVI съезд КПСС, была и остается борьба против гонки вооружений, за устранение угрозы ядерной вой-

ны, за сохранение и упрочение мира. Исходя из этого, Советский Союз выдвинул конкретную программу мер в области взаимного замораживания ядерных арсеналов — первого шага на пути их сокращения вплоть до полной ликвидации. Она включает целый комплекс эффективных взаимодополняющих шагов: незамедлительно договориться о прекращении количественного наращивания всех компонентов ядерных арсеналов, отказаться от развертывания ядерных вооружений новых видов и типов, установить мораторий на все испытания ядерных боеприпасов, запретить нейтронное, химическое и бактериологическое оружие, сократить обычные вооружения, не допустить милитаризации космоса, отказаться от пропаганды ядерной войны в любом ее варианте и другие. Предотвращение войны должно стать главной целью, обязательной нормой поведения всех ядерных держав независимо от размеров их ядерных арсеналов. Оздоровлению политического климата в мире содействовало бы принятие всеми ядерными державами обязательства не применять ядерное оружие первыми. Советский Союз взял на себя в одностороннем порядке такое обязательство. }

Никогда прежде над человечеством не нависала столь страшная угроза, как в наши дни. Единственный разумный выход из создавшегося положения — это договоренность противостоящих сил о немедленном прекращении гонки вооружений — прежде всего ядерных — на Земле и недопущении ее в космосе. } Договоренность на честной и равноправной основе, без попыток «переиграть» другую сторону и диктовать ей свои условия. { Договоренность, которая поможет всем продвинуться к желанной цели — полному уничтожению и запрещению навсегда ядерного оружия, к полному устранению угрозы ядерной войны. Советский Союз сделает все от него зависящее для претворения в жизнь этой цели. Такова ясная и последовательная генеральная линия внешней политики КПСС и Советского государства.

Борьбу за мир ведут могучие силы современности: государства социалистического содружества — главная опора мира на земле, международное коммунистическое и рабочее движение, освободившиеся от колониального гнета страны, общедемократическое, антиядерное движение, миллионы борцов за мир во всех уголках нашей планеты. Эти силы более могущественны, чем силы войны. Своими активными и целеустремленными действиями они способны обуздать империалистических агрессоров, сорвать их преступные замыслы, отстоять мир — решающую предпосылку прогресса в любой сфере социальной действительности. **Поднять борьбу за мир на качественно новую ступень, удесятерить энергию в битве против ядерной угрозы, направить ход событий по пути упрочения мира — такова сегодня главная цель миролюбивых сил.**

Проблема войны и мира имеет исторический, философский, социологический, экономический, военный и иные аспекты, по каждому из которых ведется острая идеологическая борьба. В предлагаемой книге сделана попытка на основе марксистско-ленинской методологии раскрыть сложную диалектику соотношения политики, войны и мира в ядерный век, проанализировать классово-политическую сущность этих социальных явлений. Наряду с этим в книге разоблачаются буржуазные фальсификаторы марксистско-ленинского учения о политике, войне и мире, в ней показывается огромное значение коммунистической идеологии в борьбе за мир, против ядерной опасности.

В книге раскрывается великая историческая миссия социализма, утверждающего новый, высший тип мира между народами, который по своей сущности, характеру и функциям принципиально отличается от всех прежних и современных его состояний. Это — самый справедливый, демократический, самый прочный, устойчивый мир на нашей планете, которому принадлежит будущее, это — мир для всех народов, больших и малых.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОЛИТИКИ, ВОЙНЫ И МИРА

1. Война — продолжение политики насиельственными средствами

Глубокая взаимосвязь войны и политики была установлена уже домарксистскими идеологами, стремившимися раскрыть природу этого грозного явления, его обусловленность социальными причинами, политическими отношениями. Однако всесторонний и глубокий анализ сущности войны, ее сложной взаимосвязи с политикой стал возможен только на базе научного мировоззрения и методологии марксизма-ленинизма.

Война в марксистско-ленинском понимании — сложное, противоречивое явление. Она имеет множество признаков, граней, тысячами нитей связана с различными сторонами жизни антагонистического общества, с его частнособственнической экономикой, с политикой и идеологией господствующих классов и т. д. Каждая война имеет причины своего возникновения, свой особый, социальный облик, присущие ей классово-политические черты, отличающие ее от других войн, свою морально-правовую характеристику, свои специфические средства борьбы и способы достижения политических целей. Все это затрудняет понимание войны. И для того чтобы преодолеть подобного рода трудность, не затеряться в огромном количестве войн, в калейдоскопическом многообразии их проявлений,

необходимо раскрыть их сущность, выявить их общую основу, коренные черты и признаки, найти главное в них.

Сущность войн, как и сущность любой вещи, предмета, процесса, представляет собой самое важное, решающее в ней, внутреннюю, устойчивую, общую основу, коренную связь, выражающую ее природу, своеобразие, специфику, качественное отличие от других общественных явлений и процессов. Сущность войны не есть «вещь в себе», недоступная нашему познанию. Она постигается через многообразные явления — способы ее обнаружения и раскрытия.

Марксистско-ленинское определение сущности войны основано на диалектико-материалистическом, классовом понимании политики. «Как же найти «действительную сущность» войны, как определить ее? — спрашивал В. И. Ленин и отвечал: — Война есть продолжение политики. Надо изучить политику перед войной, политику, ведущую и приведшую к войне»¹. Ленинские положения имеют важнейшее мировоззренческо-методологическое значение. Они дают ключ для познания сущности прошлых и современных войн.

Сущность войны невозможно понять обособленно от всего спектра социальных отношений, от политики классов и государств, без изучения политики в целом, всей системы политических отношений, сложившихся задолго до войны и приведших к ней. «Разве войну можно объяснять, — подчеркивал В. И. Ленин, — не ставя ее в связь с предшествовавшей политикой данного государства, данной системы государств, данных классов?.. Это — основной вопрос...»² Он служит руководящей нитью в познании сущности войны.

В. И. Ленин высмеивал тех, кто полагал, что с началом войны прекращаются исторически сложившиеся по-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 82.

² Там же, т. 32, с. 82.

литические отношения. При анализе войны и определении ее сущности, отмечает В. И. Ленин, надо разобраться, из каких исторических условий данная война вытекла, с каким политическим строем она связана, какой политикой она порождена, какие классы ее ведут, во имя чего. Класс, который господствует, определяет и продолжает политику в войне, переменяя форму действия. Раскрывая классовую сущность и характер войны, В. И. Ленин писал: «...главное, что обыкновенно забывают в вопросе о войне, на что обращают недостаточно внимания, главное, из-за чего ведется так много споров и, пожалуй, я бы сказал, пустых, безнадежных, бесцельных споров,— это забвение основного вопроса о том, какой классовый характер война носит, из-за чего эта война разразилась, какие классы ее ведут, какие исторические и историко-экономические условия ее вызвали»¹.

Война, следовательно, не обособленное от политики классов и государств явление. Война насквозь есть политика, глубоко политическое явление. Политика пронизывает все стороны войны. Политика, по оценке В. И. Ленина, является «фактором решающим, побеждающим»². Война подчиняется политике, служит интересам политики, контролируется политикой, осуществляет ее цели. В силу этого сущность войны невозможно понять вне связи с политикой, накладывающей на войну свой отпечаток и придающей ей черты специфического социально-политического явления.

Но, подчеркивая определяющее значение политики классов и государств для понимания сущности войны, нельзя, разумеется, целиком сводить сущность войны к сущности политики, ставить знак равенства между первой и второй, а вооруженное насилие, применяемое в войне, рассматривать только как форму проявления сути

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 77.

² Там же, т. 40, с. 249.

политики. Политика — более обширная область общественной жизни, более емкое явление, чем война. Наряду с войной политика может, во-первых, принять другую, качественно отличную от войны форму — мира. Во-вторых, в самом ходе войны кроме вооруженного насилия политика, политическое руководство располагает целым арсеналом невоенных средств — дипломатических, экономических, идеологических, научно-технических, разведывательных, — применяемых для достижения политических целей. Если сущность войны отождествить с сущностью политики, тогда война утрачивает свои специфические черты, качественное своеобразие, приравнивается к собственно политическим, в том числе мирным, невоенным формам борьбы. С этим нельзя согласиться, так как в данном случае затушевывается принципиальное различие между политикой, осуществляемой с помощью насильственных способов, и политикой, проводимой посредством мирных средств и методов.

Война неразрывно связана с политикой. Это аксиома. Но война — не обычная политика, а политика, осуществляемая с помощью особого средства — военного насилия, применения вооруженных сил. И без анализа специфики вооруженного насилия как средства политики нельзя разобраться в сущности войны, дать ее верное определение. В. И. Ленин, обобщая марксистские положения о войне, указывал, что «всякая война состоит в насилии...»¹. В применении к войнам основное положение диалектики, подчеркивал он, состоит в том, что «*война есть просто продолжение политики другими*» (именно насильственными) «*средствами*»... Именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, *каждую* войну рассматривавших как *продолжение* политики данных, заинтересованных держав — и *разных классов* внутри них — в данное время»². Это — классическое определение сущности вой-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 296.

² Там же, т. 26, с. 224.

ны как продолжения политики насильственными средствами.

В ленинских положениях содержатся два взаимосвязанных элемента, характеризующих сущность всякой войны: во-первых, война есть продолжение политики классов и государств, их группировок; во-вторых, война вместе с тем есть применение насильственных средств в интересах политики. Первый элемент раскрывает черты и признаки войны как социально-политического явления, второй — ее специфические черты и признаки как особого насильственного орудия политики, качественно отличного от мирных способов ее осуществления. Лишь в неразрывном единстве и диалектическом взаимодействии оба элемента дают верное представление о сущности войны и ее социальном характере, коренном ее отличии от других общественных явлений.

По своей сущности война — это глубокий политический кризис, обострившийся и вылившийся в формы военного столкновения сторон. В. И. Ленин писал: «Война=величайший кризис»¹. С началом военных действий происходит качественный переход от мирной политики к политике, осуществляемой с помощью применения вооруженных сил. Военные действия приобретают роль главного средства политики, способа ее реализации. Вооруженная борьба, преследующая политические цели враждующих сторон, обладает относительной самостоятельностью, подчинена особым законам, изучаемым военной наукой. Для ее ведения создается особая организация — вооруженные силы, которые оснащаются специфическими средствами — оружием и боевой техникой.

Организованное применение вооруженных сил противниками придает войне особый характер, превращает ее в крайний способ разрешения политических конфликтов, делает ее грозным судьей и жестоким арбитром в отно-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 372.

шениях между классами, народами, нациями, государствами и их группировками. Например, Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 годов явилась смертельной вооруженной схваткой с фашистской Германией и ее сателлитами, ожесточенным противоборством между ударными силами империализма и социализма. В ней с помощью оружия решалась судьба первого в мире социалистического государства, будущее мировой цивилизации. Война, закончившаяся полной победой над фашизмом, разгромом его вооруженных сил, оказала огромное влияние на характер международной политики, на все послевоенное развитие человечества, на жизнь миллионов людей во всех частях земного шара.

Таким образом, война, с одной стороны, испытывает на себе воздействие политики, является ее продолжением и орудием, а с другой стороны, она сама накладывает глубочайший отпечаток на политику, политические отношения и все другие стороны жизни государств, влечет за собой глубокие социальные последствия. С окончанием военных действий, вооруженной борьбы совершается переход от войны к миру, к осуществлению политики ненасильственными средствами.

При глубочайшем воздействии войны, ее хода и результатов на политику ошибочно сводить войну, ее сущность, как поступают многие буржуазные социологи и военные теоретики, к специфике применяемых средств и методов, к военным действиям, к вооруженной борьбе, обособлять ее от других многообразных форм борьбы. С началом войны резко меняется соотношение между насильственными, военными, и ненасильственными, мирными, формами, на первый план выдвигаются боевые действия, вооруженная борьба, являющаяся главным, определяющим способом разрешения кризиса — разгромом врага. Тем не менее вооруженная борьба не исключает, не устаревает, а предполагает и требует для своего успешного хода и исхода развертывания невоенных форм борьбы —

экономической, дипломатической, идеологической, научно-технической, разведывательной и т. д., подчиненных требованиям военного времени.

Вооруженную борьбу В. И. Ленин характеризовал как *«исключительную форму социальной борьбы...»*¹. Он подчеркивал, что эта борьба ведется в самых ужасных, самых тяжелых, самых кровавых формах и она требует «жертв во сто раз больше, чем та или другая политическая борьба...»². Вместе с тем В. И. Ленин рассматривал военные действия, вооруженную борьбу в неразрывной связи с другими формами борьбы, указывая на их подвижность, на переходы одних форм борьбы в другие. «...Гражданская война,— писал он,— есть наиболее острая форма классовой борьбы, когда ряд столкновений и битв экономических и политических, повторяясь, накапливаясь, расширяясь, заостряясь, доходит до превращения этих столкновений в борьбу с оружием в руках...»³. В свою очередь, военные формы борьбы могут перерасти в невоенные. По определению В. И. Ленина, «война кровавая» может перерасти в войну «на фронте бескровном»⁴. Эти положения, раскрывающие взаимосвязь и взаимопереходы форм борьбы, сохраняют свое мировоззренческо-методологическое значение для понимания сущности войны.

Таким образом, война неразрывно связана с политической и подвластными ей многообразными формами борьбы. Но война — это политика, осуществляемая с помощью особых, насильственных средств, посредством военных действий, вооруженной борьбы. Поэтому самой главной, существенной связью в войне, составляющей ее сущность, является связь политики и насильственных средств, политики и вооруженного насилия, определяю-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 4.

² Там же, т. 39, с. 351.

³ Там же, т. 34, с. 215.

⁴ См. там же, т. 40, с. 185, 244.

660870

шая все иные связи и отношения в этом социальном явлении.

Теоретики буржуазии много внимания уделяют рассмотрению сущности войны. Но при раскрытии сущности войны, ее связи с политикой они, не владея научной методологией, выдвигают на первый план вооруженное насилие, абсолютизируют его роль, маскируют его связь с политикой классов и государств. Такого рода подход к войне, несомненно, является одной из самых распространенных форм фальсификации ее сущности. Прямо или косвенно это выражается в обособлении войны от политики, политических отношений, сведении войны к непосредственному процессу истребления и разрушения. Американские социологи А. Брайтон и С. Ландвер в работе «Политика войны и мира» фактически сводят войну к физическому насилию¹. Другой американский социолог — С. Хантингтон в книге «Солдат и государство» утверждает, что сущность войны — «в насилии». По его мнению, война по своей сущности не допускает никакого ограничения насилия². А политика, в свою очередь, толкуется им как «сила против силы». Это попытка смазать качественное различие между политикой и войной, свести сущность той и другой к насилию, снять всякие ограничения с последнего.

Тенденция к подобной «деполитизации» проявляется и в тех определениях сущности войны, которые даются ей другими буржуазными идеологами. Например, американский социолог и правовед К. Райт определяет войну как «конфликт между двумя или более враждующими группами», разрешаемый с помощью войск, «насчитывающий более 50 000 человек»³. Война как явление, разумеется,

¹ *Brayton A., Landwehr S. The Politics of War and Peace. Washington, 1981, p. 1.*

² *Huntington S. The Soldier and State. Cambridge (Mass.) etc., 1981, p. 56.*

³ *UNESCO Yearbook on Peace and Conflict Studies. Paris etc., 1981, p. 145.*

имеет свои количественные определенности, позволяющие отличить ее от других, менее значительных по масштабам вооруженных конфликтов. Но такого рода границы установлены К. Райтом совершенно произвольно.

Аналогичное определение сущности войны, основанное на количественном подходе, дает канадский социолог Г. Кёлер, толкуя ее только как «вооруженный конфликт». При этом Г. Кёлер солидаризируется со взглядами английского социолога и математика Л. Ричардсона, который характеризует сущность войны как убийства в больших размерах. Войной он называет вооруженный конфликт, в котором количество жертв превышает 1000 человек¹.

Австралийский политолог Я. Кларк определяет войну как «поле битвы», область «риска, страдания и разрушения»², а австрийский правовед Е. Менцель как «состояние насилия между двумя и более государствами при нарушении мирных отношений»³, по мнению же нидерландского политолога Г. Деннена, война — это «род насилия»⁴ коллективного, организованного, санкционированного и регулируемого. Такого рода определения, ограничиваясь поверхностной констатацией отдельных, самих по себе верных положений о тех или иных реальных сторонах феномена войны, фактически маскируют главное — подлинную сущность войны, ее связь с политикой классов и государств. Война в таком понимании — это обособленная от политики, не поддающаяся ее контролю стихия вооруженного насилия.

Изолируя войну от политики, буржуазные идеологи тем самым создают идейную основу для «деполитизации» военной стратегии, отождествления ее с процессом истребления и разрушения, не подвластным контролю и ог-

¹ UNESCO Yearbook on Peace and Conflict Studies. Paris etc., 1981, p. 134—135.

² Clark J. Limited Nuclear War. Oxford, 1982, p. 29.

³ UNESCO Yearbook on Peace and Conflict Studies, p. 139.

⁴ Ibid., p. 128.

раничению со стороны политических инстанций. Во многих работах ясно выражена идея сведения военной стратегии к искусству тотального разрушения и массового истребления людей. Она — явный показатель безысходного тупика буржуазного военно-политического мышления. Этого не могут не замечать некоторые буржуазные идеологи. Так, западногерманские социологи И. Штрассер и К. Траубе резко критикуют военную стратегию США и НАТО, называют ее «стратегическим безумием»¹. Эта стратегия, по их мнению, кажется «рациональной» лишь для США, а не для Западной Европы, которой она грозит гибелью. Английский военный деятель лорд Л. Маунтбеттен также заявил, что гонка вооружений лишена всякого военного смысла. Вера в то, что с ее помощью можно упрочить безопасность, — это, по его словам, «роковое заблуждение»². В приведенных высказываниях раскрывается абсурдность внешнеполитических и стратегических установок, основанных на абсолютизации насилия, гонке ядерных, космических и обычных вооружений, их опасность для всеобщего мира.

Другая форма ошибочного понимания сущности войны проявляется в непомерном преувеличении роли политики, ее средств и методов, в затушевывании качественного различия между собственно политическими и военными формами борьбы. Так, по мнению Р. Арона, в ядерный век формула о том, что война есть продолжение политики иными средствами, превратилась в свою противоположность: «Политика есть продолжение войны иными средствами». Обе эти формулы, заявляет он, эквивалентны³. Иными словами, Р. Арон не видит различия между политикой, осуществляемой военными, насильственными, средствами, и политикой, проводимой с помощью мир-

¹ *Strasser J., Traube K. Die Zukunft der Fortschritt. Hamburg etc., 1981, S. 374.*

² *Koch P. Wahnsinn Rüstung. Hamburg, 1981, S. 95.*

³ *Aron R. Peace and War. London, 1966, p. 162.*

ных, ненасильственных, средств. В соответствии с этим он определяет мир как «продолжение войны иными средствами»¹. Такое манипулирование определениями, по существу, стирает разграничительную линию между двумя качественно различными социально-политическими явлениями — войной и миром и потому сбивает с толку народные массы, борющиеся за мир, против империалистических агрессоров.

С абсолютизацией роли политики связано положение о «политической войне», поднимаемой на щит буржуазными идеологами. Эту войну империалистические агрессоры ведут прежде всего против социалистических стран. Западногерманские социологи М. Коппик и Ю. Рот в книге «У ворот ада», характеризуя деятельность президента США Р. Рейгана, пишут, что для него политика в отношении социалистических стран — это «реальная война»², осуществляемая иными средствами.

О политических взглядах Р. Рейгана красноречиво свидетельствует и такой известный эпизод. Готовясь к записи своего радиообращения к стране, он произнес чудовищную фразу о том, что он «только что подписал законодательный акт, который навсегда ставит Россию вне закона, и что бомбардировка начинается через пять минут»³. Глава американской администрации, пытаясь оправдать перед встревоженной мировой общественностью свое безрассудство, уверял, что его слова в эфир не пошли. Но это не меняет сути дела. В этом эпизоде проявились те милитаристские умонастроения президента, которые нашли свое отражение в сформулированных ранее призывах к «крестовому походу» против коммунизма, в доктринах ограниченной и затяжной ядерной войны, в военно-политических планах завоевания господствующего положения США в мире.

¹ Freiheit ohne Krieg? S. 54.

² Coppik M., Roth J. Am Tor der Hölle, S. 198.

³ См.: Правда, 1984, 16 августа.

«Политическая война», разжигаемая империалистическими кругами, ведется с применением всех средств, находящихся в распоряжении политиков, и в первую очередь подрывных действий, провокаций, шантажа, обмана, шпионажа и т. п. Назначение такого рода войны — подрыв позиций социализма как общественно-политической системы.

Итак, при анализе сущности войны, ее связи с политикой буржуазные теоретики допускают искажения, обусловленные реакционными классовыми позициями и ненаучной методологией: с одной стороны, извращается сущность, содержание и истоки политики, которая изображается в гипертрофированном виде, наделяется демоническими чертами, средства и методы политической борьбы военизируются. Фальсификация сущности политики, метафизическая оценка роли политической борьбы, некритически зачисляемой в ранг войны, — все это ведет к деформации соотношения политики и войны, к размыванию качественных граней между ними, отождествлению войны с невоенными формами борьбы, к спекуляции понятием «война», к принижению ее опасных социальных последствий; с другой — фетишизируется военное насилие, его средства и методы, война отождествляется с вооруженной борьбой, обособленной от политической и других форм борьбы, вследствие чего маскируется классово-политическая сущность войны, которая сводится к физическому процессу истребления и разрушения. Таким путем империалистические агрессоры вводят в заблуждение трудящиеся массы относительно истинных целей подготавливаемых и развязываемых ими войн, выгораживают их зачинщиков, оправдывают вооруженное насилие, осуществляемое ими в интересах монополистического капитала.

Третья форма искажения сущности войны, используемая буржуазными теоретиками, проявляется в их попытках уравнивать ее с миром, поставить между ними знак

равенства. Английский военный писатель Б. Лиддел Гарт с известным основанием писал: «Хочешь мира, познай войну»¹. Однако произвольные, абстрактные определения сущности войны, даваемые ей буржуазными теоретиками, затушевывают связь вооруженного насилия с политикой классов и государств и дают искаженные представления не только о войне, но и о ее противоположности — мире.

Наиболее разительно это выражается в прямых попытках завуалировать качественное различие между миром и войной. Обострение политической и других форм борьбы, утверждают некоторые западные социологи, поколебало прежние представления о мире и войне, размыло разграничительную линию между ними, превратило мир в способ подготовки войны. Американский адмирал Г. Эклс, например, утверждает, что «сущность войны изменилась», в результате «не существует более разграничительной линии между состоянием мира и состоянием войны»². По мнению австралийского политолога Г. Блейни, «война и мир не являются отдельными сферами. Мир зависит от угрозы и силы; часто мир выступает кристаллизацией силы»³. В таком же роде высказывается западногерманский политолог Г. Пихт, уверяя, что «классическое различие между войной и миром все более и более ставится под вопрос»⁴. Подобные абсурдные определения буржуазные социологи, в частности американский профессор Р. Хоббс, пытаются приписать и марксизму-ленинизму, для которого будто бы «мир и война являются синонимами»⁵. Отождествление войны и мира, разрушение качественной границы между ними — опасная форма фальсификации, облегчающая агрессивным импе-

¹ Hobbs R. The Myth of Victory. Boulder (Col.), 1979, p. 267.

² UNESCO Yearbook on Peace and Conflict Studies, p. 129.

³ Ibidem.

⁴ Picht G. Hier und jetzt. Bd. II, S. 167.

⁵ Hobbs P. Myth of Victory, p. 354.

риалистическим силам нарушать мир, развязывать вооруженные конфликты и войны.

Вместе с тем взаимосвязь между миром и войной искажается и тогда, когда абсолютизируют различия между ними, изображают их в виде «тотальных противоположностей», отделенных друг от друга непроходимой пропастью. При этом состояние мира независимо от его характера (справедливый, демократический, или несправедливый, империалистический) расценивается в качестве величайшего блага, а война, в том числе справедливая, освободительная, — величайшего зла. Доводы эти закрывают пути для верного понимания и мира, и войны, так как обособляют их от политики, образующей их общую основу и определяющей классовую сущность этих социальных явлений.

Наконец, распространенной формой искажения сущности войны буржуазными идеологами является отождествление ее с социальной революцией, затушевывание качественного различия между ними, характеристика войны как источника и орудия революции, а революции как непосредственного следствия войны. Так, западно-германский социолог Э. Циммерман в книге «Кризисы, государственные перевороты и революции», ссылаясь на многочисленные высказывания своих единомышленников, утверждает, что между войной и революцией существует «прямая связь». По его мнению, революция порождается либо «международной войной», либо осуществляется с помощью «интервенции иностранных коммунистических армий»¹. Эта клеветническая, враждебная марксизму-ленинизму концепция широко пропагандируется и другими буржуазными авторами, пытающимися опорочить революцию.

В действительности же связь между войной и революцией существует, но это социально-политические явления

¹ Zimmermann E. Kriesen, Staatsstreich und Revolutionen. Hamburg etc., 1981, S. 162—163.

разного порядка. Война не является ни причиной, ни обязательным условием революции. Революция имеет свои собственные истоки, свою сущность, содержание, цели, средства и способы их достижения, отличные от войны. Революционный переворот — это следствие и результат действия объективных законов исторического развития, антагонизмов эксплуататорской системы, классовой борьбы. Влияние войны на революцию может быть двояким: во-первых, война может затормозить социальный прогресс, задержать развитие революции, отсрочить ее; во-вторых, война может ускорить развитие революции.

Две мировые войны, подготовленные и развязанные империализмом, усилили обострение социальных противоречий, ускорили вызревание объективных и субъективных предпосылок, которые делают революцию необходимой и неизбежной. В ходе первой мировой войны участвовало более 30 стран, и только в одной из них — в России — победила социалистическая революция. Во второй мировой войне участвовало более 60 государств, а от империалистической системы отпало 11 стран, ставших на социалистический путь развития. «Враги марксизма, — пишет Б. Н. Пономарев, — приписывают коммунистам концепцию, согласно которой все революции вырастают из войны. Одновременно они утверждают, будто коммунисты отходят от своего учения, провозглашая отсутствие фатальной неизбежности мировой войны в наше время. Не говоря уже о том, что эта критика не сводит концы с концами, сама концепция, приписываемая марксизму-ленинизму, не имеет с ним ничего общего»¹.

Марксистско-ленинское мировоззрение и методология не допускают одностороннего подхода к явлениям общественной жизни, в том числе к войне, отвергают попытки сведения ее либо только к политике, к политиче-

¹ Пономарев Б. Н. Живое и действенное учение марксизма-ленинизма. М., 1983, с. 36—37.

ским формам борьбы, либо только к вооруженной борьбе, военным действиям, исключают вместе с тем разрыв двух взаимосвязанных сторон войны, составляющих ее главные признаки, коренные атрибуты. Качественно отличная от мира, война по своей сущности есть продолжение политики насильственными средствами, в ней находит выражение диалектическая взаимосвязь политики и насильственных средств. Ее нельзя также отождествлять с социальной революцией, ставить ту и другую в одну плоскость.

Марксистско-ленинский анализ сущности войны базируется: на диалектико-материалистическом, классовом понимании политики; на выявлении специфики достижения политических целей, на всестороннем анализе особенностей насильственных средств как крайнего способа реализации политики; на раскрытии глубокой внутренней взаимосвязи политики и насильственных средств; на проведении качественной границы между войной и миром, войной и революцией. Марксистско-ленинский анализ сущности войны, ее взаимосвязи с политикой — эффективное оружие разоблачения буржуазных, реформистских и ревизионистских фальсификаторов этой проблемы.

2. Социально-политическая сущность мира

Мир, как и война, — социально-историческое, классовое явление. В понятии мира содержится два значения: 1) мир как социальный процесс, как состояние общества без войны и 2) мир как соглашение между воюющими сторонами о прекращении военных действий (мирный договор). Подлинная сущность мира во всех его аспектах раскрыта марксизмом-ленинизмом на основе единства философского, экономического и социально-политического подходов, проникнутых глубокой верой в возможность

искоренения войны из жизни человеческого общества, обеспечения всеобщего мира. Это явилось качественно новым этапом в развитии научных знаний о мире, путях его перестройки, сохранения и упрочения.

Основоположники научного коммунизма отвергли идеалистическое абстрактное понимание мира и утопические проекты его обеспечения, утвердили в правах диалектико-материалистическое, классовое его понимание, связали его с борьбой пролетариата, трудящихся масс за свое социальное и национальное освобождение, за коренное переустройство общества, избавление людей от антагонистических конфликтов, кровопролитных войн. Они показали, что идеалу мира в наибольшей степени соответствуют социалистические и коммунистические общественные отношения, становление которых во всемирно-историческом масштабе дает полную гарантию мира между народами.

КПСС, братские партии творчески развивают и обогащают марксистско-ленинское учение о войне и мире, последовательно руководствуются им в своей многогранной деятельности по мобилизации масс на борьбу за сохранение мира, предотвращение ядерной катастрофы.

Коренное требование марксистско-ленинской методологии — рассматривать войну и мир в неразрывной связи с социально-экономическими условиями, с политикой, ее классовой природой. Война и мир не представляют собой абсолютных, совершенно не связанных между собой противоположностей. В. И. Ленин подчеркивал: «...война есть продолжение мирной политики, мир есть продолжение военной политики...»¹ Политика накладывает свою печать на социальный, классовый облик как войны, так и мира.

Мир как состояние общества — это определенная система социальных отношений между классами, народа-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 258.

ми, нациями, государствами, их группировками, различными общественными системами, основанная на проведении политики, исключающей вооруженное насилие. Мир выступает качественной противоположностью войне, в которой политика осуществляется путем вооруженного насилия. Мир — не просто отсутствие вооруженного насилия, войны, как его односторонне определяют многие западные политологи. Сущность мира характеризуется не одним признаком — отрицанием вооруженного насилия, а двумя коренными признаками: во-первых, природой политики классов и государств, решающим образом влияющей на сущность мира, и, во-вторых, мирными, невоенными, способами осуществления политики. В этом заключается принципиальное, качественное отличие мира от войны.

Познание мира не ограничивается определением его сущности, установлением его связи с политикой классов и государств, осуществляемой ненасильственными средствами. Это познание обогащается посредством раскрытия его социального характера, отражающего связь мира не только с политикой классов и государств, но и с иными сферами общественных отношений, а также его связь с общественным прогрессом. Такой всесторонний подход позволяет вскрыть материальную, экономическую основу мира, дать ему социально-политическую и морально-правовую оценку.

В зависимости от социального характера все многообразные состояния мира разделяются на два рода: мир справедливый, демократический и мир несправедливый, антидемократический, основанный на отношениях господства и подчинения, социальном и национальном угнетении. Такой мир характерен для стран капитала. Его В. И. Ленин называл империалистическим миром¹.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 258.

Диалектико-материалистический, классовый анализ характера мира, его положительная нравственная и правовая оценка как величайшей социальной ценности приобретают особо важное значение в современных условиях, когда по всей земле развернулось мощное антивоенное движение широких, многомиллионных масс против милитаризма и войны. Такая оценка усиливает моральную ответственность сторонников мира, мобилизует их на борьбу против ядерной катастрофы, умножает их энергию, вселяет уверенность в деле защиты мира.

Делением многообразных состояний мира на справедливый, демократический, прогрессивный и несправедливый, антидемократический не исчерпывается их характеристика. В процессе развития человеческого общества сложились не только различные роды, но и различные исторические типы мира. Первым типом является мир в первобытном обществе, который опирался на коллективную собственность на средства производства, на бесклассовую социальную структуру. Взаимоотношения социальных общностей были тогда не развиты, в силу этого не было выработано и политических форм, средств и способов его реализации. Вторым типом является мир в классовом, эксплуататорском обществе. По своей сущности и характеру он качественно отличается от предшествовавшего ему бесклассового мира. Этот мир становится одной из форм политики классов и государств, базирующейся на частной собственности на средства производства (другую форму политики обретает война — порождение эксплуататорского общества, его постоянный спутник). Классовый характер политики, порождением и выражением которой сделался мир, определяет его классовую сущность, его социальный характер.

Примером несправедливого мира, отражающего природу и цели эксплуататорского общества, является империалистический мир, основанный на военном насилии.

В. И. Ленин характеризовал его как своего рода передышку, перемирие между империалистическими войнами, подготовку и собирание сил для новой войны, сделку между монополистическими группами, ведущую к усилению эксплуатации слабых наций и стран монополистическим капиталом.

Высший тип мира связан со становлением коммунистической формации. Он опирается на качественно иную материальную, социальную и духовную основу и принципиально отличается от всех прежних состояний мира. Начало ему положила Великая Октябрьская социалистическая революция. Ленинский Декрет о мире объявил захватнические империалистические войны величайшим преступлением против человечества, выдвинул ясную и четкую программу борьбы за всеобщий справедливый, демократический мир, определил его принципы. С того времени наша страна последовательно и неустанно борется за мир на земле, за свободу и безопасность народов, за обуздание сил агрессии и милитаризма.

Реальным воплощением этого типа мира в современных условиях являются отношения между государствами социалистического содружества, играющего огромную и благотворную роль в международных делах, в обуздании гонки вооружений, оздоровлении международных отношений. Как отмечалось в материалах внеочередного февральского (1984 г.) Пленума ЦК КПСС, «успех дела сохранения и укрепления мира в значительной мере зависит от того, насколько велико будет влияние на мировой арене социалистических стран, насколько активны, целеустремленны и согласованны будут их действия»¹.

Другой чертой этого мира является солидарность сил социализма с народами, сбросившими ярмо колониальной зависимости и вступившими на путь самостоятель-

¹ Черненко К. У. Народ и партия едины, с. 419.

ного развития, а также с народами, борющимися против агрессивных сил империализма. В ней выражается важное направление советской внешней политики и политики других социалистических стран, яркое проявление миролюбия системы социализма.

И наконец, для этого типа мира существенно провозглашение и реализация принципов мирного сосуществования социалистических и капиталистических государств. Принципы мирного сосуществования — основа внешней политики СССР, других социалистических стран — получили широкое международное признание, включены во многие международные документы, легли в основу наиболее крупных решений ООН по вопросам упрочения мира и безопасности. Советский Союз искренне предлагает только один путь — путь мирного сосуществования, путь взаимовыгодного международного сотрудничества государств с различным социальным строем.

Политика Советского Союза, социалистических стран направлена против безумной гонки вооружений, в защиту мира. Государства социалистического содружества желают жить в мире со всеми странами. Их цели и устремления воплощаются в конкретных делах и предложениях, направленных на то, чтобы добиться решающего поворота к улучшению международной обстановки, к устранению опасности ядерной войны.

Проблема мира находится в центре острой политической и идеологической борьбы. В послевоенные годы в буржуазной социологии под влиянием ядерной опасности возникло особое направление, занявшееся «исследованием мира», а точнее, мира, конфликтов, войн. Среди его исследователей — философы и социологи, психологи и математики, представители естественных и технических наук. Для этих целей в 1957 году в США при Мичиганском университете был впервые создан специальный институт, а в 1981 году — «Академия мира». В начале 60-х годов образован Международный институт по исследо-

ванию мира в Осло, в 1966 году — Стокгольмский международный институт по исследованию мира, в 1967 году в Копенгагене на частной основе организован институт по исследованию мира и конфликтов, в 1969 году в Страсбурге (Франция) создан институт «полемологии» (от греч. *polemos* — война, *logos* — учение), цель работы которого выражает формула «Хочешь мира, познай войну». К настоящему времени в западных странах насчитывается более 300 таких институтов, объединенных в Международную ассоциацию по исследованию мира, издается 150 журналов. Вполне понятно, что исследования ведутся в рамках буржуазной социально-философской доктрины и не затрагивают основ капиталистического строя.

В основе этих исследований мира — идеалистические посылки. Авторы многих работ следуют кантовской традиции. Мир характеризуется в них как «априорная теоретическая идея», «дело разума и морали», «высшее благо», кроющееся «в доброй воле людей и всего человечества». Исследование мира, по мнению этих авторов, имеет «нейтральный характер»¹, и оно будто бы должно быть «независимым» от политики и идеологии, от «классового понимания»².

Методологическую основу исследования мира, как подчеркивает норвежский социолог Д. Галтунг, составляет прежде всего «плюрализм»³. Типичными в этом отношении являются также работы американского философа С. Хука «Возрождение плюрализма»⁴ и западно-германских политологов «Плюрализм»⁵. Как известно, плюрализм признает за любым из методов право на ис-

¹ *Ferdowski M.* Der positive Frieden. München, 1981, S. 87.

² *Ibid.*, S. 84.

³ *Galtung J.* The True Worlds. N. Y., 1980, p. XXIII.

⁴ *Portable Conservative Reader*, p. 648.

⁵ *Pluralism*. Köln, 1983, S. 33.

следование мира, не давая ни одному из них предпочтения.

Провозглашая «терпимость» по отношению к различным буржуазным воззрениям, их сосуществование в рамках плюрализма, его поборники вместе с тем нарушают этот принцип. Они проявляют крайнюю непримиримость к марксистско-ленинской философии, считая ее опасной для мира. Во всем этом раскрывается классовая сущность методологии плюрализма.

* * *

В процессе исследования мира, которое ведется в буржуазной социологии более четверти века, сложились определенные направления. По данным ЮНЕСКО, это: 1) позитивное, или теоретическое, 2) сциентистское, или прикладное, и 3) критическое. Каждое из этих направлений стремится дать свое толкование сущности мира и путей его сохранения.

Наиболее распространенным из них является **позитивное, или теоретическое, направление**. Своей главной задачей его сторонники считают выработку «науки о мире», которая бы отвечала требованиям ядерного века. Западногерманский исследователь мира Г. Пихт пишет, что наука о войне имеет длительную историю, достигла своего кульминационного пункта, но науки о мире, по его оценке, не существует. Лишь в ядерный век, подчеркивает он, возникло исследование, цель которого — установить, в каких рамках возможна «наука о мире»¹. В работах других западных исследователей также подчеркивается необходимость создания «науки о мире»², призванной объяснить, улучшить и упрочить его.

Приверженцы этого направления считают, что им удалось осуществить всесторонний анализ мира, выработать

¹ *Picht G. Hier und Jetzt. Bd. II. Stuttgart, 1981, S. 158.*

² *Doob L. The Pursuit of Peace. London, 1981, p. 16.*

о нем широкое понятие, составившее сердцевину новой теории, или «науки о мире». В западной литературе встречаются самые различные определения мира, являющиеся следствием плюралистической методологии. Эти определения можно свести к трем основным вариантам: обыденному, негативному и позитивному. Каждый из вариантов отражает различные этапы и уровни познания мира.

В повседневной жизни, в процессе взаимного общения у людей складывается обыденное понятие мира. Оно не имеет научно-теоретического обоснования и носит ограниченные рамки. В это понятие включаются мирные отношения между отдельными людьми, семьями, социальными группами. «Мир обыкновенно, — пишет западно-германский социолог Ф. Зайдель, — определяется как состояние ненарушаемого покоя в группе или — соответственно — между группами»¹. Такова характеристика обыденного понимания мира, даваемая ему западными исследователями.

Сущность «негативного» понимания, выдвинутого на первом этапе исследования мира, выражается в формуле: «Мир есть отсутствие насилия»², то есть войны между государствами, нациями. Это общая характеристика мира, опирающаяся на отрицание насилия, войны. В самом деле, мир существует только там, где нет войны, и, напротив, там, где ведется война, — нет мира. Но такое определение, как и всякое отрицательное определение, фиксируя отсутствие вооруженного насилия, войны в мирных условиях, не раскрывает действительной, классово-политической сущности мира, присущих ему положительных сторон, реальных черт, существенных признаков, отличающих его от войны. Если следовать логике западных исследователей мира, то, видимо, и войну правомер-

¹ *Seidel F. Krieg oder Frieden*, S. 9.

² *Galtung J. The True Worlds*, p. 72.

но определять по такому же принципу, а именно: «Война есть отсутствие мира». Данное определение, однако, не вскрывает истинной сущности войны, ее связи с политической классов и государств.

Ограниченность негативного определения мира очевидна, она отмечается в ряде международных документов, посвященных этой проблеме. Так, XVIII Генеральная Конференция ЮНЕСКО подчеркнула, что «мир не может состоять только в отсутствии вооруженного конфликта, но предполагает главным образом процесс, включающий в себя прогресс, справедливость и взаимное уважение между народами...»¹. Критика негативного определения мира дается и в иных работах, в которых отмечается его неполнота и односторонность.

Что касается «позитивного» определения мира, характерного для второго, нынешнего этапа его исследования, как «проявление гармонии, справедливости и любви между людьми»², то анализ этого понятия считается важнейшей заслугой теоретического направления. Преимущество такого понимания по сравнению с негативным, по мнению западных социологов, заключается в том, что оно будто бы обеспечивает «правовой порядок», облегчает регулирование конфликтов без применения вооруженного насилия и т. п. Американский социолог К. Боулдинг пишет, что «с позитивной стороны мир означает условия для положительной деятельности, благоприятное решение конфликтов, гармоническое следование природным отношениям, доброту и любовь»³. В свою очередь западногерманский политолог Р. Зейдельман утверждает, что понятие позитивного мира должно быть распространено не только на внешние, но и на все внутренние отношения

¹ Scientist, the Arms Race and Disarmament. A UNESCO — Pugwash Symposium. London etc., 1982, p. VI.

² Ferdowski M. Der positive Frieden, S. 37.

³ Boulding K. Stable Peace. London, 1978, p. 5.

между «общественными структурами»¹. Задача исследования мира, полагают многие западные социологи, заключается в том, чтобы «стабилизировать внутренний социальный мир», «внутренне пацифизировать общество»².

Такие определения мира и его целей не выходят за грани абстрактно-пацифистского, по философской сути идеалистического, надклассового истолкования. Для общества, разделенного на антагонистические классы, определения позитивного мира не соответствуют реальности. В конечном счете основное их назначение — апологетическое: сохранение эксплуататорских отношений внутри капиталистического общества.

К позитивной теории относится и концепция «структурной силы», выдвинутая норвежским социологом Д. Галтунгом. Выяснению сути мира он предпосылает анализ насилия, истоки которого, по его заявлениям, кроются не в социально-экономической и политической природе общества, основанного на частной собственности и эксплуатации, а в различных препятствиях для полной «физической и духовной реализации человека», «агрессивного по природе»³. Из всего многообразия форм насилия Галтунг выделяет, как он его называет, персональное, прямое и структурное, косвенное. Под последним понимается общественное насилие. В соответствии с этим Д. Галтунг определяет «негативный» мир как отсутствие персонального насилия, а «позитивный» мир как ликвидацию «структурного насилия». В работах Д. Галтунга и в послевоенной литературе, посвященной анализу мира, такого рода методу рассмотрения придается большое значение. По существу же, эта концепция не выявляет подлинные источники вооруженного насилия и не дает людям верной ориентировки в борьбе за мир.

¹ Neue Wege der Abrüstungsplanung. Baden-Baden, 1981, S. 228.

² Willke H. Entzauberung des Staates. Königstein/Ts. 1983, S. 98.

³ Galtung J. The True Worlds, p. 30, 67.

Концепция «негативного» и «позитивного» мира, получившая широкое распространение в западной социологической литературе, используется для одностороннего истолкования мирных отношений между государствами противоположных социальных систем. Например, западногерманский политолог Г. Веттиг в работе «Пути предотвращения войны и упрочения мира» пишет, что между «странами Востока и Запада» возможен лишь «негативный» мир как простое отсутствие войны. Что же касается «позитивного» мира, то он, по мнению автора, невозможен между ними, поскольку обе стороны «не имеют общих позитивных представлений»¹. Это одна из форм обоснования невозможности мирного разностороннего, взаимовыгодного сотрудничества социалистических и капиталистических государств, что, вполне понятно, не способствует упрочению всеобщего мира.

Важное место в исследовании мира отводится разработке различных планов его сохранения. Исследование мира, уверяют западные политологи, это прежде всего составление проектов или моделей мира. Все многочисленные проекты мира, выдвигаемые в буржуазной литературе, могут быть разделены на несколько основных групп. Представители первой из них в основу своих вариантов кладут **политическую идею** — создания под эгидой США мирового государства на базе самостоятельных национальных государств. Это государство призвано установить «мировой порядок», устранить войны. Эта космополитическая концепция обеспечения мира носит откровенно реакционный характер. Она, по сути дела, претендует на роль политического и идеологического противовеса пролетарскому социалистическому интернационализму, нашедшему свое реальное воплощение в содружестве социалистических государств — мощного фактора мира и безопасности народов.

¹ *Wettig G. Wege zur Kriegsverhütung und Friedenssicherung. Köln, 1983, S. 9, 24.*

Некоторые западные исследователи исходят из того, что всеобщий мир явится-де результатом изменений, которые произойдут в политике существующих как капиталистических, так и социалистических государств. По их мнению, по мере усложнения политических, экономических, технических, культурных, научных и иных связей и отношений якобы произойдет затухание противоречий между государствами различных социальных систем, усилится процесс конвергенции, что позволит в конце концов преодолеть разделение мира на противостоящие социальные системы, осуществить «всеобщую интеграцию»¹ и таким путем подготовить условия для всеобщего мира. Подобный вариант будущего мирового порядка создан без учета качественного различия между социализмом и капитализмом, и потому он утопичен.

Другая модель мира, выдвигаемая его исследователями,— **экономическая**. Ее авторы надеются подвести под здание всеобщего мира материальный фундамент — «глобальную экономику», основанную на частной собственности, свободном рынке, единой денежной системе и т. п. Г. Кан в книге «Грядущий бум» пророчит буржуазному обществу ничем не ограниченный научно-технический прогресс, непрерывное совершенствование технологии. Экономика, подкрепленная высоким уровнем технических достижений, пишет он, превратит капитализм в общество «всеобщего благоденствия»². Идеал Г. Кана — могущественные США, диктующие миру условия экономического и политического развития. Подобный вариант имеет реакционный апологетический характер, ибо оправдывает гегемонистские и экспансионистские устремления американского империализма. Кроме того, в нем просто игнорируется существование сил мирового социализма,

¹ *Wettig G. Konflikt und Kooperation zwischen Ost und West. Bonn, 1981, S. 37.*

² *Kahn H. The Coming Boom. London, 1983, p. 237.*

что делает его совершенно несостоятельным и неприемлемым.

Сторонники **идеологической модели** считают, что решающей предпосылкой сохранения всеобщего мира является выработка у людей «планетарного сознания»¹, освобожденного от классовых, национальных рамок, прекращение борьбы между различными идеологиями, сосуществование между ними. Идеологическая модель всеобщего мира, предлагаемая буржуазными социологами, также несостоятельна. В борьбе непримиримых идеологий не может быть компромиссов. Здесь нужна высокая политическая бдительность, своевременный отпор враждебным идеологическим диверсиям. Но острая борьба между марксистско-ленинской и буржуазной идеологиями не исключает необходимости мирного сосуществования капиталистических и социалистических государств. Важно, чтобы эта неизбежная борьба не переносилась на почву межгосударственных отношений, не переходила в русло, угрожающее опасными конфликтами и войнами. Нельзя допускать превращения идеологии в служанку военных штабов, а борьбу идей и идеалов — в психологическую войну. Люди не должны выяснять свои отношения по идеологическим и иным вопросам с помощью оружия на поле брани, а должны решать их мирными средствами.

Активно пропагандируется **религиозная модель мира**. Ее проповедники воскрешают взгляды на мир средневекового богослова Ф. Аквинского. Религиозные деятели, следуя принципам томизма, твердят, что проблема устранения ядерной угрозы и сохранения мира может быть решена лишь на основе «библейских канонов», последовательной «веры в бога». В книге «Мир», подготовленной католическими и протестантскими деятелями ФРГ, говорится: «Божественный мир на земле является не моральной и тем более не политической проблемой. Он есть то,

¹ Toffler A. Die Zukunftschance. München, 1980, S. 328.

что на религиозном языке называют «божьей благодатью»¹. Мир от бога, говорится в книге, предназначен для тех, «кого он любит». Президент США Р. Рейган, играя на религиозных чувствах людей, издал даже прокламацию, в которой провозгласил день 28 мая «днем молитвы за мир»². Что касается атеистов, то мир с ними считается недопустимым. В книге «Бегство от свободы?», подготовленной западногерманскими религиозными деятелями, решительно подчеркивается: «Никакого мира безбожникам!»³ Таков характер религиозной модели мира — наивной, лженаучной по содержанию и антикоммунистической по своей идейно-политической направленности, препятствующей объединению верующих и неверующих в борьбе за мир.

Основное назначение концепций и моделей мира, выдвигаемых его западными исследователями, — апологетика и консервирование капиталистических порядков. Подобные концепции и модели носят абстрактный характер, оторваны от современной реальности, не вскрывают подлинных истоков военной опасности. И именно в этом уязвимость буржуазных вариантов позитивного мира, их несостоятельность и практическая неосуществимость, их утопический характер.

* * *

Наряду с рассмотренным выше теоретическим получило также распространение и другое направление буржуазного исследования мира — **сциентистское, или прикладное**. Оно представлено широким спектром психологических, технократических, кибернетических и иных наукообразных трактовок проблемы. Это направление сосредоточивает внимание главным образом на эмпирико-аналитической стороне, на поисках более эффективной

¹ Frieden. Stuttgart, 1981, S. 153.

² См.: Правда, 1984, 17 апреля.

³ Flucht aus der Freiheit? Bad Neustadt, 1982, S. 22.

методологии, которая, по мнению ее последователей, должна способствовать определению путей и предпосылок разрешения социальных и политических конфликтов, установлению контроля над ними.

Методология эта характеризуется заимствованием методов конкретных естественных, технических и общественных наук и перенесением их в область познания мира, конфликтов, войн, игнорированием исторического подхода к этим явлениям. Все знания о мире, конфликтах, войнах, добытые в прошлом, по существу, отбрасываются. Вместе с тем принижается научная ценность общей теории в познании. Так, дирекция Стокгольмского международного института по исследованию мира провозгласила основные принципы изучения мира, и один из них гласит: «Никакой общей теории»¹. Позитивистский характер этого принципа — вне всякого сомнения. В книге «Современное исследование мира», в которой помещены работы наиболее известных западных социологов, метод позитивизма отождествляется «с самой сущностью научного метода»². Социально-политическая классовая природа мира авторами книги игнорируется, что перекрывает пути для познания его истинной сущности.

Широкое применение позитивистская эмпирико-аналитическая методология получила в работах сторонников так называемой **психологической школы** исследования мира, представленной двумя основными разновидностями: неофрейдистским, психоаналитическим, и поведенческим, бихевиористским. Ее последователи пытаются доказать, что истоки мира, как и конфликтов, войн, следует искать в глубинах психики людей, в их агрессивности, присущей им от природы.

Психоаналитическая школа, по оценкам ее последователей, за последние четыре десятилетия «расширилась

¹ *Brauch H. Entwicklungen und Ergebnisse der Friedensforschung. Haag etc., 1979, S. 96.*

² *Contemporary Peace Research. New Delhi, 1982, S. 49.*

и углубилась во многие сферы знания». Она усматривает источник агрессивности не только в психике отдельного человека, его инстинкте агрессивности, как это делала старая фрейдистская школа, но и в социальных факторах. Эти факторы истолковываются, однако, в духе идеализма.

Психоаналитики прибегают к заимствованию методов биологии, генетики, медицины, этологии, изучающей поведение животных, а также других методов естественных наук, пренебрегая методами наук общественных. Большую популярность на Западе приобрели, например, труды одного из основателей этологии, австрийского ученого К. Лоренца. В книге «Так называемое зло» он утверждает, что многие закономерности поведения высших животных имеют важное значение и для понимания мотивов действия человека. Внутренняя агрессивность у людей, заявляет К. Лоренц, представляет собой такое же самопроизвольное инстинктивное стремление, как и у других высших животных¹; агрессивность и территориальный инстинкт проявляются в склонности людей к массовому убийству себе подобных, к нарушению мирных отношений. Подобные рассуждения этологов антинаучны, так как основаны на поверхностной аналогии поведения животных и человека. По своему объективному смыслу они служат средством оправдания насилия.

Другая разновидность психологической концепции мира — поведенческая, бихевиористская — сводит человеческое сознание, психику и поведение к внешним реакциям организма на воздействие среды, к приобретенным в процессе жизни рефлексам, навыкам и привычкам. В отличие от психоаналитиков причиной международных конфликтов ее сторонники называют не врожденный агрессивный инстинкт, а «агрессивную привычку нападать», формирующуюся-де под воздействием внешних условий.

¹ Lorenz K. Das sogenannte Böse. München, 1974, S. 55.

По их утверждениям, конфликты — это ответная психологическая реакция на угрозу извне.

Примером может служить книга американского профессора психологии Л. Дооба «Поиск мира». Ее автор пишет, что человеческая натура — пластична: в ней заложена возможность как мирного, так и воинственного поведения. Корни и войны, и мира, полагает он, в одинаковой мере кроются в природе человека, в его психике. Л. Дооб, как и многие его коллеги, связывает возможность обеспечения всеобщего мира с качественной переделкой психологии людей, выкорчевыванием у них воли к борьбе, формированием «новой личности», свободной от агрессивности, — «*homo pacificus*»¹. Главная роль в этом отводится «педагогике мира», которая, по мнению западногерманского социолога Г.-Г. Асселя, призвана «изменить сознание и привычку действия людей и тем самым изменить их отношение к миру»². Таковы рецепты, предлагаемые для обуздания агрессивности человека, обеспечения мира.

Психологические концепции обеспечения мира страдают субъективизмом, подменой главного второстепенным, социально-экономических, классово-политических и идеологических факторов психологическими, игнорированием качественных особенностей общественных явлений, теоретической беспомощностью в определении путей сохранения мира, предотвращения вооруженных конфликтов, войн.

Односторонний, далекий от научного подход к проблеме мира свойствен и технократическому подходу. Некоторые из его сторонников считают современную науку и технику источником всех бед буржуазного общества, причиной отсутствия мира на земле. Американский социолог Л. Момфорд в двухтомной работе «Миф машины»

¹ Doob L. The Pursuit of Peace, p. 161.

² Assel H.-G. Über Hauptprobleme politischer Bildung in der Bundesrepublik Deutschland. Frankfurt am Main, 1983, S. 182.

заявляет, что в наше время осуществляется необузданная экспансия техники, разрушительные возможности которой растут пропорционально прогрессу технологии, вызывая «массовый процесс разложения в глубинных слоях психики людей»¹. Для подтверждения своих доводов он использует статистику роста преступлений, убийств, конфликтов, войн. Чтобы ограничить отрицательные последствия «технического гигантизма», автор предлагает современную технику, по его мнению, чуждую человеку, заменить новой техникой, которая должна отвечать его природе и помочь преодолеть социальные недуги капитализма.

Не менее резко оценивает технику и другой американский социолог — Ж. Эллюль. В книге «Технологическое общество» он категорически заявляет, что современная технология, являющаяся тотальным воплощением метода рационализации, превращает человека в техническое животное, в раба техники. Эта технология стала для буржуазного общества настоящим бедствием². Осуждая технику, технологию, автор в то же время не раскрывает социально-экономических и классово-политических причин конфликтов и войн и тем самым выгораживает империализм — подлинный источник угрозы всеобщему миру и безопасности народов.

Наряду с этим в буржуазной социологии имеет место оценка роли науки и техники как определяющего фактора общественного развития, средства сохранения мира. Некоторые западные политологи, уповая на научно-технический прогресс, пытаются нарисовать радужную картину будущего без кризисов и войн. Западногерманский политолог Г. Шельский предлагает создать «научно-техническую цивилизацию», при которой будто бы отношения между людьми, основанные при капитализме на на-

¹ Momford L. *Mythos der Maschine, Kultur, Technik, Macht*. Wien, 1974.

² Ellul J. *Interpretive Essays*. Chicago etc., 1981, p. 128.

сили, сойдут с общественной арены, место «политических законов» займут «деловые закономерности», мировоззрение утратит свою роль, демократия будет заменена «экспертократией», а «риск готовности к войне заменен риском готовности к миру»¹. Такова суть «научно-технической цивилизации», выставляемой ее поборниками в качестве противовеса цивилизации коммунистической, несущей человечеству подлинный мир, избавление от войн.

Проекты мира, создаваемые буржуазными социологами-технократами, маскируют истинные причины вооруженных конфликтов и войн, перекладывают вину за их возникновение всецело на науку и технику, рассматривают роль последних вне связи с классовой борьбой, характером социальных отношений. Эти проекты в конечном счете отвлекают внимание трудящихся масс от борьбы против реакционных милитаристских сил, за избавление от ига капитала, за использование научно-технического прогресса в интересах всего общества, за сохранение мира между народами.

К технократическим примыкает и кибернетическая модель мира. Один из ее творцов — американский политолог К. Дойч ратует за то, чтобы создать сверхнациональную автоматизированную систему управления, способную к саморегулированию. Эта система должна, по мысли автора, не только перерабатывать многообразные потоки внешне- и внутривнутриполитической и иной информации, но и вырабатывать с помощью «регулирующего центра»² соответствующие рекомендации преодоления социальных конфликтов, сохранения всеобщего мира. Разумеется, при исследовании проблем мира можно испробовать различные средства, в том числе электронно-вычислитель-

¹ Schelsky H. Auf der Suche nach Wirklichkeit. München, 1979, S. 465.

² Noack P. Was ist Politik? München etc., 1978, S. 97.

ную технику, учитывая при этом ее ограниченное, вспомогательное значение.

Но сводить проблему мира, имеющую многие философские, социально-политические, морально-правовые и иные аспекты, к кибернетическому аспекту — это односторонний, далекий от научного подход, порожден неопозитивистской методологией, маскирующей классово-политическую сущность мира.

В процессе исследования мира и разработке проектов его сохранения применяются и математические методы теории игр. В своей работе «Теория игр и социальная наука» американский математик М. Шубик настаивает на более широком использовании средств математики при анализе социальных явлений, называя теорию игр «методом решения конфликтных ситуаций»¹. По его мнению, теория игр с ее математическим аппаратом могла бы обеспечить более глубокое познание способов разрешения конфликтов, путей упрочения мира. Использование теории игр, несомненно, может оказаться полезным при исследовании отдельных проблем. Однако отождествлять мировую политику с бесконечной игрой сил, как это делают сторонники применения этой теории к международным отношениям, — шаткая позиция, обусловленная односторонней методологией, которая не может раскрыть сущность и социальный характер мира, обосновать программу борьбы за его сохранение.

* * *

Не удовлетворенная нынешним состоянием изучения мира и отдающая себе отчет в опасности усиливающейся гонки ядерных и обычных вооружений часть буржуазных социологов стала на путь его «критического исследования». Они настаивают на разработке стратегии мира,

¹ Schubik M. Spieltheorie und Sozialwissenschaft. Frankfurt am Main, 1965, S. 18.

на более глубоком изучении социальных конфликтов, могущих вызвать международные осложнения. В их трудах критикуются проекты упрочения мира, выдвинутые представителями теоретического и прикладного направлений. В качестве средства установления «международного миропорядка» предлагаются различные меры: установление «универсальной демократии», «принципиальной социальной справедливости»¹ и т. п. Такие меры они считают осуществимыми без революционной ломки буржуазных порядков, путем социальных реформ, призванных обеспечить мир в национальных, континентальных и глобальных масштабах. Наивность и утопизм этих установок, маскирующих несправедливый, антидемократический характер буржуазных отношений, основанных на частной собственности и вуалирующих агрессивную суть империалистической политики, раскрывают позиции их авторов как защитников капитализма.

Облеченные в наукообразную форму, сциентистские и «критические» концепции мира страдают теми же коренными методологическими пороками, что и теоретические, — игнорированием качественных особенностей общественных явлений, беспомощностью в раскрытии классовой сущности мира и определении реальных путей его сохранения. Примечательно, что сами буржуазные социологи дают весьма скептическую оценку эмпирико-аналитическому подходу к анализу мира. В книге «Исследование мира — решающая помощь против насилия», выпущенной в ФРГ, отмечается, что до сего времени это направление остается «суммой многочисленных эмпирико-аналитических данных исследования, признающего лишь эмпирические теории», не способные раскрыть «ценность мира»². Оценка эта близка к истине. В конечном итоге сциентистские и «критические» концепции, даже учиты-

¹ Theorie der internationalen Politik. Hamburg, 1975, S. 125.

² Friedensforschung — Entscheidungshilfe gegen Gewalt. Bonn, 1978, S. 56.

вая, что в них поставлены некоторые реальные проблемы, не могут внести существенный вклад в дело познания мира.

Среди многообразных моделей, выдвинутых западными политологами, самой распространенной и опасной является «военная модель». Приверженцы этой модели, тесно связанные с руководящими империалистическими кругами, считают, что путь к достижению мира лежит через наращивание военного потенциала США и НАТО, предназначенного для устрашения противника. По их мнению, мир может быть сохранен с помощью «равновесия страха» между ядерными державами. Основной лозунг поборников данной модели: «Лишь тот, кто вооружается, живет в мире»¹. И по звучанию, и по сути он совпадает с агрессивным императивом древнеримских воителей — «хочешь мира, готовься к войне». Этот лозунг стал абсурдным в наш ядерный век. Мир без оружия охаивается ими как пацифистская утопия, несбыточная мечта. Только мир, базирующийся на военной силе, на современном оружии, признается подлинным миром.

Подобного рода модель мира имеет резко выраженную антикоммунистическую направленность. Еще Б. Голдуотер в книге «Совесть консерватора» писал, что «мы хотим мира», но, по его словам, «приемлемый мир может быть лишь следствием победы над коммунизмом»². Голдуотеровский антикоммунистический вариант мира послужил основой избирательной платформы Р. Рейгана в 1976 и 1980 годах. И поныне президент США упорно твердит: «Мы поддерживаем мир с помощью нашей силы»³. Такова опаснейшая псевдомиролюбивая концепция, насаждаемая милитаристскими кругами США и их союзниками.

¹ Coppik M., Roth J. Am Tor der Hölle. Köln, 1982, S. 139.

² Goldwater B. Das Gewissen eines Konservativen. Göttingen, 1964, S. 120—121.

³ Europa — Archiv. Bonn, 1983, N 10, S. D — 267.

Развивая рейгановские взгляды на мир, министр обороны К. Уайнбергер в статье «Основные линии политики безопасности Соединенных Штатов» пишет, что администрация США должна неизменно и одновременно идти «двумя путями к миру — устрашения и наращивания вооружений, так как это два единственных пути, которые существуют»¹. В тон шефу Пентагона западногерманский генерал Л. Домрёзе заявил, что состояние мира, базирующегося на ядерном устрашении, единственно мыслимое и оно рассчитано «навсегда»². Это ничем не прикрытая апологетика ядерного милитаризма, агрессивной политики силы, проводимой американским империализмом и его партнерами, подталкивание человечества на грань ядерной катастрофы.

Агрессивная политика наращивания вооружений, проводимая США и НАТО, вызвала мощное антивоенное, антиядерное движение, которое охватило миллионы людей на европейском и других континентах. Это движение в пользу мира приобрело массовый характер. В него вовлечены крупнейшие политические партии и профсоюзы, молодежные и женские организации, виднейшие политические, общественные и религиозные деятели. Его участников, придерживающихся различных идейно-политических взглядов, объединяет общая благородная цель — уберечь мир на нашей планете от ядерных маньяков.

Антиядерное движение развернулось и в самих Соединенных Штатах. Его поддерживают многие видные деятели демократической и даже некоторые деятели республиканской партии. Особенно популярна среди участников движения идея замораживания ядерных арсеналов США и СССР. Это направлено против политики американского империализма и его партнеров. В книге «Мы победим», посвященной движению за мир в США, гово-

¹ Europa — Archiv. Bonn, 1983, N 12, S. 356.

² Aktive Friedenspolitik. München etc., 1982, S. 225.

рится: «Движение за мир в течение двух лет изменило политический климат в Соединенных Штатах»¹. Это вынуждает рейгановскую администрацию набрасывать на себя фальшивую маску «миролюбия», маскировать свой милитаристский курс миролюбивой риторикой.

Империалистические круги, напуганные огромным размахом движения за мир, пытаются всячески опорочить его, изобразить «пятой колонной Москвы», подрывающей будто бы обороноспособность атлантического альянса и несущей якобы «опасность миру». Западногерманский социолог Гюнтер Шмид в книге «Политика безопасности и движение за мир» утверждает, будто это движение основано не на теоретических посылах, а на страхе, эмоциях и преследует недостижимую цель — «мир без оружия»². Милитаристски настроенные натовские идеологи, политические и военные деятели стремятся подорвать движение за мир изнутри, разжечь среди его участников конфликты, ослабить его, создать организации, которые поддерживали бы США и НАТО и выступали бы против СССР и других социалистических стран. В кампанию клеветы против антиядерного движения включились буржуазные средства массовой информации и пропаганды, правительственные органы, лидеры натовских стран во главе с президентом США Р. Рейганом.

Агрессивные милитаристские круги усилили также нападки и на политологов, занимающихся исследованием мира. Они всячески пытаются опорочить этих ученых, изобразить их сторонниками «капитулянтской идеологии», называют их концепции пацифистским «опиумом» и «нищенским плюрализмом» и т. п. Против исследования мира заодно с милитаристами выступают и воинственно настроенные клерикалы и прочие недруги мира.

¹ We shall overcome. Der amerikanische Friedensbewegung in Selbstzeugen. Köln, 1983, S. 27.

² Schmidt G. Sicherheitspolitik und Friedensbewegung. München, 1983, S. 93.

Исследование мира, по оценке самих западных социологов, не смогло выйти за пределы «академической дисциплины», установить связь с политикой, с массовым антивоенным движением — важным фактором в пользу мира. Более того, часть западных исследователей мира пытается отгородиться от этого движения, ограничиться лишь теоретической деятельностью. Директор Гамбургского института исследования мира В. Баудиссин, например, пишет: «Наука о мире и движение за мир имеют различные функции, а также различные нормы. Во всяком случае, ученый не должен бесцеремонно переступать границы». «Научная логика», продолжает В. Баудиссин, побуждает ученого держаться на «дистанции» от движения за мир, указывать на его «определенную опасность», призывать к «благоразумию»¹. Это — попытка изолировать исследование мира от практической борьбы за его сохранение и упрочение. Те же исследователи мира, которые поддерживают антивоенное движение, подвергаются оголтелым нападкам со стороны реакционных, милитаристских сил, пытающихся расколоть ряды борцов за мир, ослабить их сопротивление милитаризму.

На пути исследования мира встречаются и немалые трудности мировоззренческо-методологического характера. Их корни в умозрительных концепциях и моделях мира, оторванных от реальной жизни. Г. Пихт в книге «Здесь и теперь» откровенно заявляет: «Исследование мира анализирует не то, что есть, но то, чего нет. Оно изучает жизненно необходимую утопию технического века для сохранения человеческого рода»². По его словам, вся история есть воплощение человеческого разума и только разум способен «сохранить мир». Автор не видит ни социальных сил, ни реальных путей предотвращения военных столкновений, обеспечения мира.

¹ *Baudissin W.* Nie wieder Sieg! München, 1982, S. 267.

² *Picht G.* Hier und Jetzt. Bd. II, S. 157.

Не менее серьезная опасность — это измельчание или «атомизация» теории и методологии самих исследователей мира, которые все более замыкаются в кругу абстрактных концепций и утопических моделей, не имеющих связи с практикой борьбы народных масс за мир, против ядерной опасности, уходят от реальной действительности, от злободневных проблем общественного развития.

В связи с усилением военной угрозы широкое распространение на Западе получили различные буржуазно-пацифистские концепции мира. Пацифисты придерживаются неодинаковых взглядов, но общим для них является осуждение вооруженного насилия как средства решения политических конфликтов. Проповедуя мир любой ценой, пацифисты выступают против всяких войн вообще, в том числе и справедливых. Тем самым пацифизм затушевывает подлинные источники войн, их классово-политическое содержание, идеологически обезоруживает народы перед лицом ядерной опасности, которую несет империализм.

Марксисты-ленинцы не приемлют пацифистскую идеологию, абстрактные проповеди мира. Но они поддерживают тех, кто не на словах, а на деле борется за мир. «...Нам не безразлично,— подчеркивал В. И. Ленин,— имеем ли мы дело с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к военному решению вопроса, или с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к пацифизму, будь он хотя самый плохенький и, с точки зрения коммунизма, не выдерживающий и тени критики»¹.

Стремление западных политологов к исследованию мира и условий его сохранения заслуживает положительной оценки. Вместе с тем марксисты-ленинцы решительно выступают против подчинения исследований мира ан-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 70.

тикоммунистическим целям, критикуют слабые и ошибочные стороны этого исследования, дают решительный отпор враждебным нападкам на диалектико-материалистическое учение о войне и мире. Они творчески развивают и обогащают это учение, руководствуются им в великой битве за всеобщий мир и безопасность народов, за сохранение жизни на нашей планете.

3. Две политики — два курса перед судом народов

В материалах XXVI съезда партии, июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС и в других партийных документах подчеркивается, что в современных условиях идет напряженная, поистине глобальная борьба двух идеологий, двух политических курсов. С одной стороны, курс на обуздание гонки вооружений, укрепление мира и разрядки, на защиту суверенных прав и свободы народов, проводимый Советским Союзом, социалистическими странами. С другой стороны, милитаристский курс, ориентированный на подрыв разрядки, взвинчивание гонки вооружений, неразрывно связанный с политикой угроз и вмешательства в дела других государств, с подавлением освободительной борьбы народов. Такой курс характерен для США и их военно-политических союзников, подталкивающих человечество на грань ядерной катастрофы.

Буржуазные идеологи, политические и военные деятели, которые утверждают, что причины сложной современной международной обстановки кроются в самом существовании двух «сверхдержав» — США и СССР, якобы в равной мере виновных за ее обострение, по существу, оправдывают агрессивную внешнюю политику империализма во главе с США, в ложном свете представляют миролюбивую внешнюю политику СССР и других стран социалистического содружества. Например, Г. Кан в ра-

боте о будущем мире утверждает, что главную опасность для человечества представляет политика двух «сверхдержав»¹. Западногерманский политолог Г.-Г. Ассель в свою очередь заявил: после второй мировой войны «ядерные державы создали потенциал сверхубийства, с помощью которого они могут сейчас превратить земной шар в хаос»².

Эти фальсификаторские рассуждения ставят знак равенства между политикой империалистических и социалистических государств, смазывают качественное различие между той и другой, затушевывают вопрос о подлинные причины грозной военной опасности, нависшей над человечеством, затемняют классово-политическое сознание народных масс. Не может быть одинакового отношения к принципиально противоположным по своей природе и социальной роли политическим направлениям — социалистическому курсу мира и империалистическому курсу подготовки войны.

Вздорные доводы о двух «сверхдержавках» как виновниках напряженности в современном мире распространяют и многие реформистские и ревизионистские идеологи. Тем самым они выгораживают империализм, оправдывают США, НАТО и источником военной опасности объявляют социалистические страны, прежде всего Советский Союз. Этот клеветнический домysel активно насаждается для того, чтобы запутать вопрос об истинных источниках опасности всеобщему миру, отождествить миролюбивую политику СССР и других государств — членов Варшавского Договора с агрессивной политикой США, стран НАТО, поставить между ними знак равенства.

Тем лжеидеологам и пропагандистам, которые пытаются переложить ответственность за возникновение опас-

¹ Kahn H. Die Welt von morgen braucht uns heute.— In: Die Erde wieder bewohnbar machen. Freiburg im Breisgau etc., 1982, S. 21.

² Assel H.-G. Über Hauptprobleme Politischer Bildung in der Bundesrepublik Deutschland, S. 170.

ной международной ситуации в равной степени на империалистические и социалистические страны, уместно напомнить, что первая мировая война возникла до появления социализма, ее породила империалистическая система. Вторая мировая война точно так же началась между самими империалистическими государствами — единственными виновниками ее подготовки и развязывания. Такова историческая истина, опровергающая домыслы буржуазных, реформистских и ревизионистских теоретиков о «равной ответственности».

Научный, диалектико-материалистический фундамент миролюбивой политики социалистических государств был разработан К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным. Марксистско-ленинская теория политики — неотъемлемая часть марксизма-ленинизма. Она сложилась не на голом месте и возникла не случайно. Ее появление, как и появление марксизма-ленинизма, было вызвано соответствующими социально-экономическими и классово-политическими условиями, подготовленными развитием капитализма и борьбой рабочего класса, а также накопленным идейно-политическим материалом.

В марксистско-ленинской теории обобщены огромный исторический, политический и военный опыт, практика борьбы трудящихся масс, пролетариата за революционное обновление общества, за прочный мир между народами, против кровопролитных опустошительных войн. Соединяя в себе строгую научность и практическую действительность, марксистско-ленинская теория явилась закономерным следствием тщательного изучения и критической переработки всей предшествующей прогрессивной общественно-политической мысли, ее качественно новым, высшим этапом. Эта теория отвергла как многочисленные реакционные политические доктрины, увековечивающие насилие, войну, так и пацифистские концепции, проповедующие абстрактный мир, утопические проекты его обеспечения.

Неоценимый вклад в научную теорию политики внес В. И. Ленин. Опираясь на основные положения классиков марксизма, он всесторонне развил эту теорию, обогатил ее ценными положениями и глубокими выводами в свете нового исторического опыта, связал ее с практическими задачами рабочего класса, трудящихся масс за коренное переустройство общества, за справедливый демократический всеобщий мир. Все это положило начало новому, ленинскому этапу в научной разработке теории политики, сущности войны и мира.

Формирование марксистско-ленинских взглядов на политику осуществлялось на основе критической переработки, оценки существовавших идей и концепций. Среди буржуазных исследований особое место занимают работы немецкого военного теоретика XIX века К. Клаузевица (1780—1831). Опираясь на гегелевскую диалектику и обобщая опыт наполеоновских войн, Клаузевиц в своих трудах (отметим прежде всего его книгу «О войне») установил связь между политикой и войной, выдвинул формулу о войне как продолжении политики насильственными средствами, проанализировал соотношение между политическим и военным искусством, показал приоритет первого над вторым. Эти положения явились вершиной буржуазной военно-политической мысли прошлого века.

Классики марксизма-ленинизма критически оценили основные положения теории Клаузевица, раскрытую им на диалектико-идеалистической основе связь политики и войны. К. Маркс писал, что у Клаузевица «есть известный здравый смысл, граничащий с остроумием»¹, а Ф. Энгельс называл его «признанным во всем мире авторитетом в своей области...»². В. И. Ленин позже также писал, что основные мысли Клаузевица сделались «безус-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 210.

² Там же, т. 11, с. 469.

ловным приобретением всякого мыслящего человека»¹, а самого Клаузевица характеризовал как одного из самых знаменитых писателей «по философии войны и по истории войн...»². При этом В. И. Ленин в замечаниях на книгу Клаузевица «О войне» указывал на слабые и ошибочные стороны его теории, особенно в понимании политики.

Оценки теоретического наследия Клаузевица, данные основоположниками научного коммунизма, тенденциозно используются современными буржуазными идеологами, политическими и военными деятелями против марксистско-ленинского понимания политики, войны и мира, для принижения и умаления его значения.

Современные приверженцы Клаузевица непомерно восхваляют его теорию. В. Шрамм в книге «Клаузевиц — жизнь и произведения» пишет, что теория Клаузевица «прошла пробу в огне не только первой, но и второй мировой войны, а также в огне всех последующих больших и малых, обычных и революционных войн. Она показала себя универсальной философией войны»³.

Безудержное восхваление Клаузевица — это не только следствие крайнего субъективизма и тенденциозности в оценке мыслителей прошлого. Это вместе с тем прием борьбы против марксистско-ленинской идеологии, чего не скрывают сами теоретики буржуазии. Западногерманский социолог К.-П. Граф в работе «Влияние технологии на стратегию НАТО» заявил, что необходимо «победить коммунистическую идеологию» с помощью политической стратегии Клаузевица, основанной на принципе уничтожения противника»⁴. Для достижения такой цели, поуча-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 79.

² Там же, с. 78.

³ Schramm W. Clausewitz — Leben und Werk. Eßlingen, 1976, S. 567—568.

⁴ Graf K.-P. Der Einfluss der Technologie auf die NATO — Strategie. Hannover, 1980, S. 465.

ет автор, нужно усиливать борьбу на идеологическом и технологическом фронтах, чтобы дестабилизировать социалистическое общество. Злобная антикоммунистическая направленность апологетики Клаузевица не подлежит ни малейшему сомнению.

Уместно напомнить, что в советской военно-политической литературе дается объективная оценка Клаузевица и его теории, опирающаяся на работы классиков марксизма-ленинизма. В ней выражается конкретно-исторический подход к идеям немецкого военного теоретика прошлого века, раскрываются как положительные, так и отрицательные, идеалистические стороны его концепции, избегается односторонность в подходе к ней, проводится четкая разграничительная линия между клаузевицским и марксистско-ленинским пониманием войны, ее взаимосвязи с политикой, дается критика взглядов «нео-клаузевицианцев»¹.

Поднимая на пьедестал Клаузевица, буржуазные идеологи не видят и не хотят видеть ошибочных сторон его теории. Известно, что немецкий военный теоретик идеалистически истолковывал общественные явления, прежде всего политику. В его понимании, политика — это «разум олицетворенного государства», «представительница всех интересов целого общества»². Содержание политики к тому же сводилось им к-внешним, межгосударственным отношениям. При таком понимании политики война оказывалась порождением и продолжением разума и воли правящих лиц — королей, императоров, результатом их внешнеполитической деятельности.

Клаузевиц не смог раскрыть и подлинную сущность

¹ См.: Марксизм-ленинизм о войне и армии. М., 1968, гл. I; Проблемы войны и мира. М., 1967, гл. IV; Методологические проблемы военной теории и практики. М., 1969, гл. IV; Философское наследие В. И. Ленина и проблемы современной войны. М., 1972, гл. III; Марксистско-ленинское учение о войне и армии. М., 1984, гл. I.

² См.: Клаузевиц К. О войне. М., 1941, т. 1, с. 45; т. 2, с. 336.

войны, глубинные причины ее возникновения, закономерности хода и исхода, поскольку не понимал истинной природы политики, ее классового характера, материальных основ. Идеалистическое понимание политики — самое слабое звено теории Клаузевица, ее «ахиллесова пята». Примечательно, что В. И. Ленин, воспроизведя в своих замечаниях на книгу «О войне» высказывания немецкого военного теоретика о политике, поставил против них вопрос: **«Что есть политика?»**¹ (подчеркнуто мною. — Т. К.). Однако решение вопроса о действительной сущности политики оказалось не по плечу не только Клаузевицу, но и современным его эпигонам.

На фоне беспримерной апологетики Клаузевица, провозглашения «ренессанса» его идей резким контрастом выглядят оценки, даваемые буржуазными идеологами роли основоположников научного коммунизма в разработке проблем политики, войны и мира. Эти идеологи пытаются всячески затушевать принципиальное, качественное отличие марксистско-ленинских воззрений от клаузевицских, изобразить первые как простое заимствование последних. Американский социолог Р. Гартгофф в работе о стратегии «взаимного устрашения» утверждает, будто В. И. Ленин «перенял положение Клаузевица о том, что война является продолжением политики иными средствами, и это положение действительно представляет естественную марксистско-ленинскую концепцию»². Английский антикоммунист П. Вигор в книге «Советская теория молниеносной войны» заявляет, будто взгляд на войну, развитый В. И. Лениным, в большой степени схож с западным, поскольку и первый и второй «обоснованы Клаузевицем»³. Западногерманский историк и философ В. Гальвег в работе «Ленин и Клаузевиц» пишет, что В. И. Ленин «штудировал книгу Клаузевица «О войне»,

¹ Ленинский сборник, т. XII, с. 437.

² Soviet Military Thinking. Boston etc., 1981, p. 93.

³ Vigor P. Soviet Blitzkrieg Theory. London, 1983, p. 29.

перенял его основные положения с критическим пониманием». Как утверждает этот автор, будто бы с помощью формулы Клаузевица «война есть продолжение политики» В. И. Ленин объяснил коренные вопросы революции, соотношение войны и мира, деление войн на справедливые и несправедливые и другие¹. Однако конкретные критические замечания В. И. Ленина по поводу ошибочных, идеалистических сторон во взглядах немецкого военного теоретика в упомянутой работе совершенно замалчиваются. Подлинный смысл такого рода оценок состоит в том, чтобы подвергнуть сомнению новизну марксистско-ленинских взглядов на политику, войну и мир, опорочить их в глазах масс.

Вопреки истине буржуазные идеологи стремятся приписать классикам марксизма-ленинизма то, что они будто бы перенесли военно-стратегические и тактические принципы, разработанные Клаузевицем, в область политических отношений, поменяли местами в его формуле войну и политику, преувеличив роль насильственного элемента в ней. Так, западногерманский социолог Р. Дирнекер в книге о советской внешней политике пишет, что «чрезмерное наращивание военного потенциала, имеющего наступательный характер, сочетается с военной доктриной, которая как прежде, так и теперь зиждется на перенятом Лениным у Клаузевица положении о «войне как продолжении политики иными средствами» и преобразованном в положение «война есть продолжение классовой борьбы насильственными средствами»². Это положение, утверждает автор, служит будто бы оправданием использования военной силы социалистическими государствами для достижения политических целей. Попытки приписать классикам марксизма-ленинизма пре-

¹ *Hahlweg* W. Lenin und Clausewitz.— In: Clausewitz in Perspektive, S. 594—595.

² *Dirnecker* R. Sowjetische Weltpolitik unter Breschnew, Berlin, 1981, S. 34.

увеличение роли вооруженного насилия в достижении целей политики несостоятельны. Они абсурдны, фальшивы, противоречат реальным фактам.

На самом деле не основоположники марксизма-ленинизма, а Клаузевиц преувеличивал роль вооруженного насилия, высказывался за неограниченное применение его в так называемой «абсолютной войне». За это его критикуют даже западные теоретики. В книге Я. Кларка «Ограниченная ядерная война» Клаузевиц именуется «апостолом тотальной войны»¹. В работе «Клаузевиц в перспективе», подготовленной европейскими и американскими авторами, также признается, что «тотальная война», возведенная фашизмом в ранг государственной доктрины, является вариантом «абсолютной войны» Клаузевица².

К тому же Клаузевиц упускал из виду то, что граница между войной и миром обуславливается не только спецификой средств осуществления политики, то есть военным насилием, но и характером самой политики. Политика придает своеобразие этим двум формам своего существования, накладывает на них свой классовый отпечаток. Она позволяет определить отличия не только войны от мира, но и отличия, присущие различным группам этих явлений. Однако этот вопрос остался вне поля зрения немецкого военного теоретика.

Критически переработав все ценное, что было у предшествовавших мыслителей, в том числе у Клаузевица, основоположники марксизма-ленинизма создали качественно новую теорию политики, войны и мира. Наиболее полно это проявилось в диалектико-материалистическом, классовом анализе сущности политики, которая была камнем преткновения для всех домарксистских мыслителей, включая и Клаузевица. В результате этого хаос и

¹ Clark J. Limited Nuclear War. Oxford, 1982, p. 76.

² Clausewitz in Perspektive, S. 458.

произвол, царившие во взглядах на политику, войну и мир, сменились стройной научной теорией, ставшей руководством к действию не узкого круга людей, а многомиллионных народных масс, марксистско-ленинских партий, получивших мощное идеологическое оружие в борьбе за мир, против несправедливых войн.

Суть политики заключается в том, что она является концентрированным выражением экономики. «...Самые глубокие корни и внутренней, и внешней политики,— отмечал В. И. Ленин,— ...определяются экономическими интересами, экономическим положением господствующих классов... Эти положения, которые являются основой всего миросозерцания марксистов... не следует ни на минуту упускать из виду, чтобы не потеряться в дебрях и в лабиринте дипломатических ухищрений...»¹ Тем самым было опровергнуто идеалистическое понимание политики, господствовавшее среди буржуазных социологов и военных теоретиков. Марксисты, подчеркивал В. И. Ленин, исходят из «материалистической теории политики»².

В политике как особой форме отношений, деятельности, сознания людей неразрывно связаны внутренняя и внешняя стороны. В. И. Ленин подчеркивал, что нет более ошибочной и более вредной идеи, чем отрывание внешней от внутренней политики³. В известные периоды внешняя политика может быть «выдвинута на первый план»⁴, приобрести решающее значение для внутренней⁵. Но определяющая роль все же остается за внутренней политикой. В. И. Ленин указывал, что «война есть отражение той внутренней политики, которую данная страна перед войной ведет»⁶. Подобная связь существует также

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 327—328.

² Там же, т. 21, с. 223.

³ См. там же, т. 32, с. 335.

⁴ Там же, т. 31, с. 152.

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 440.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 319.

между политикой и миром, при котором политика осуществляется невоенными средствами и методами.

В политике различается объективная и субъективная стороны. Объективная сторона воплощает в себе реальные отношения между классами, нациями, государствами, их группировками, социальными системами, складывающиеся помимо воли и желания людей. Субъективная сторона политики зависит от объективной, есть выражение и отражение последней. Она связана с деятельностью классов, партий, государств, политических и военных руководителей и выражается в политических теориях, программах, доктринах, декларациях, лозунгах и т. п. Эту сторону политики, верно отражающую объективные процессы, В. И. Ленин называл наукой и искусством.

Следовательно, политика, в диалектико-материалистическом ее понимании, выступает, с одной стороны, как система объективных социальных отношений и конкретно-практической деятельности, с другой — как теоретически осознанная форма этих отношений, их идеальное отражение и выражение. Она включает в себя, во-первых, отношения между классами, нациями, государствами, группировками государств, социально-политическими системами, формирующиеся в процессе борьбы за власть, за ее завоевание, сохранение, упрочение и использование в определенных интересах; во-вторых, особый вид общественной практики, проявляющейся прежде всего в деятельности политических партий и государств; в-третьих, определенную систему идей и теорий, а также социальных чувств, которые в совокупности образуют политическое сознание, отражающее экономические и политические отношения. В единстве и взаимодействии все перечисленные элементы составляют сущность и содержание политики, определяют ее характер, соотношение в ней материальной и идеальной сторон, образуют целостный процесс, специфическое социальное явление со своими качественными признаками, позволяющими отличить его

от других социальных явлений и отношений. Свое дальнейшее развитие диалектико-материалистическая теория политики получила в документах и решениях КПСС, коллективных форумов братских партий, в трудах деятелей международного коммунистического и рабочего движения.

Наряду с научным анализом политики классики марксизма-ленинизма раскрыли также сущность и материальные корни насилия, в том числе военного, определили его подлинную социальную роль, указали на связь с интересами эксплуататорских классов, развенчали «теорию насилия», в которой насилие признавалось первичным, доминирующим фактором истории. Они подходили к оценке насилия строго научно, конкретно-исторически, что позволило им провести четкую грань между реакционным и революционным насилием, показать их противоположную историческую роль, а также объяснить необходимость применения революционного насилия как вынужденного средства классовой борьбы, необходимость применения которого отпадает вместе с исчезновением классовых и национальных антагонизмов.

Диалектико-материалистический, классовый подход к политике позволил на научной основе перестроить всю систему знаний о войне и мире — двух самостоятельных формах существования политики, разработать принципиально новую теорию, качественно отличную от всех прежних и современных идеалистических теорий. Эта теория впитала в себя лучшие достижения человеческой мысли.

Для маскировки агрессивной сущности политики империализма, сокрытия ее экономических корней, реакционной направленности буржуазные идеологи прибегают к самым различным теоретическим приемам. Эти идеологи следуют за Клаузевицем, пропагандируют его ошибочные взгляды на сущность политических отношений. Так, бывший министр обороны ФРГ Г. Апель характери-

зует Клаузевица не только как создателя теории войны, но и как «классика политики»¹.

Аналогичным образом характеризует политические взгляды немецкого военного теоретика Р. Арон. «Политика,— в формулировке Р. Арона,— это глобальное рассмотрение всех обстоятельств государственными деятелями». Содержание политики сведено им к насилию, которое объявлено «высшим законом истории». Выступая адвокатом насилия, Р. Арон отстаивает ложное положение, будто война вызывается только политическими причинами и не имеет экономического основания. Он утверждает, что в наш век «государственная политика... невозможна без связи с теорией Клаузевица»². Подобные взгляды несостоятельны, имеют апологетический характер. Они направлены прежде всего против марксистско-ленинского понимания политики и войны.

Американские социологи, взгляды которых близки к взглядам милитаристских кругов США, также искажают суть политики. Политика, по их мнению, определяется неизменными законами, истоки которых кроются в человеческой природе. Всякая политика для них — это господство одних людей над другими, борьба за могущество, за его сохранение и расширение. Международные отношения, в их оценке,— «это баланс сил». Так, еще более четырех десятков лет назад американский социолог Н. Спикмэн в книге «Американская стратегия в мировой политике» настойчиво подчеркивал, что «политика США базируется на балансе сил»³. Спустя два десятилетия этот постулат отстаивал основатель американской школы «политического реализма» Г. Моргентхау, видевший

¹ Freiheit ohne Krieg? S. 13.

² Ibid., S. 51.

³ *Spykman N. America's Strategy in World Politics*. N. Y., 1942, p. 472.

смысл политики в борьбе за могущество¹. Эту же тенденцию продолжают и другие социологи — милитаристы, уверяя, что вооруженная сила является политическим инструментом, который «господствует над всем»². Между государствами, полагают они, невозможна никакая иная политика, кроме политики силы. Мир в международных отношениях означает не что иное, как равновесие силовых возможностей основных государств, их группировок. Эти социологи, как признал американский профессор Р. Фальк, основывают свои концепции на воззрениях Макиавелли и Гоббса³, увековечивают насилие, войну.

В таком же духе толкуется политика и американским философом С. Хуком в книге «Философия и публичная политика». В ней утверждается, что «физически сильный всегда более могуществен в социальной жизни». По отношению к Советскому Союзу, продолжает автор, США руководствуются методом «чикин» — добиваться односторонних уступок путем запугивания его «ядерным Пирл-Харбором»⁴. И подобный метод С. Хук кощунственно называет «аксиомой политической морали» США. Это откровенная проповедь силы, ведущаяся в угоду военно-промышленному комплексу США и их партнеров, попытка оправдать вооруженное насилие в межгосударственных отношениях.

Следуя Клаузевицу, его нынешние приверженцы признают связь войны лишь с государственной политикой, определяют войну как вооруженную борьбу между двумя или многими государствами. Американский социолог Чарльз Тилли пишет, что «война делает государство, а государство делает войну»⁵. Таких взглядов придержи-

¹ *Morgenthau H. Politics among Nations. 5-th ed. N. Y., 1978, p. 34.*

² *Soviet Power and Western Negotiating Politics. Vol. 1. Cambridge (Mass.), 1983, p. 128.*

³ *Falk R. The End of World Order. N. Y. etc., 1983, p. 3.*

⁴ *Hook S. Philosophy and Public Policy, p. 40.*

⁵ *Handbook of Political Conflict. N. Y. etc., 1980, p. 400.*

ваются и другие западные авторы, признающие правомерность лишь межгосударственных конфликтов и войн. «Под войной,— утверждает западногерманский политолог Г. Пихт,— понимают вооруженное противоборство между государствами»¹. Эти взгляды направлены прежде всего против правомерности гражданских и национально-освободительных войн, в которых одна из враждующих сторон не имеет государственной власти, борется за ее завоевание.

Милитаристское истолкование политики часто прикрывается религиозной мистикой. Особенно это характерно для консервативных политических партий и деятелей. Президент США Р. Рейган, например, фарисейски ссылаясь на Библию, заявляет, будто внешняя политика США основана на ее «принципах», и прежде всего на главном — «вере в бога»². Религиозно-идеалистическое истолкование политики несовместимо с ее научным пониманием, оно маскирует агрессивную направленность политики американского империализма и его партнеров.

В нынешней сложной и напряженной международной обстановке, когда империализм США и его союзники делают ставку на силовые методы решения спорных вопросов, возвели терроризм на уровень государственной политики, пытаются диктовать свою волю суверенным государствам, Советский Союз делает все возможное, чтобы сохранить и упрочить мир, уберечь человечество от угрозы ядерной войны, расширить и углубить взаимовыгодное международное сотрудничество. Наше государство действует на мировой арене вместе со своими надежными союзниками — братскими странами социалистического содружества. В борьбе за мирное будущее и прогресс человечества советские люди идут рука об руку с миллионами братьев по классу, с многочисленными отрядами мирового коммунистического и рабочего движения.

¹ Picht G. Hier und Jetzt. Bd. II, S. 161.

² Ronald Reagan. Washington, 1983, p. 736, 755.

Страна Советов солидарна с народами, сбросившими ярмо колониальной зависимости и вступившими на путь самостоятельного развития, особенно с теми из них, которым приходится отражать атаки агрессивных сил империализма. СССР неизменно верен ленинскому принципу мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

Вместе с тем Советский Союз дает решительный отпор агрессивной политике империализма, его попыткам сломать достигнутое военное равновесие в мире. В сложной международной обстановке, как никогда, важно поддерживать обороноспособность нашей Родины на таком уровне, чтобы потенциальные агрессоры хорошо знали: посягательство на безопасность Советской страны и ее союзников, на мирную жизнь советских людей будет встречено сокрушающим ответным ударом. Наши славные Вооруженные Силы будут и впредь располагать для этого всем необходимым.

В противоположность агрессивной политике империалистических государств СССР, социалистические страны проводят линию на упрочение мира и международной безопасности. И народы мира, осуждая агрессивную политику империализма, с надеждой смотрят на государства социалистического содружества, видят в нем главный оплот мира на земле. Жизнь убедительно подтверждает, что именно социализм выполняет великую миссию избавления человечества от ядерной катастрофы, сохранения мира и обеспечения дальнейшего прогресса человеческой цивилизации.

1. У ядерного порога

В связи с созданием ракетно-ядерного оружия, обладающего огромной истребительной и разрушительной силой, обострилась идейно-теоретическая борьба по вопросу о сущности войны, ее соотношения с политикой. И рассмотренные выше основные формы искажения буржуазными идеологами этой проблемыполнились более сложными, завуалированными.

Война, как известно, всегда таила в себе большую опасность для народов, стран, государств. Однако по мере развития производительных сил общества, обострения социально-политических и национальных антагонизмов, совершенствования оружия и боевой техники росла численность армий и флотов, расширялись границы применения военного насилия, повышалась интенсивность вооруженной борьбы, возрастала опасность последствий войны, материальных разрушений и людских потерь в ней.

Некоторое представление о росте человеческих жертв в войнах на европейском континенте могут дать следующие данные (миллион человек) ¹:

¹ *Buchholz A. Die grosse Transformation. Stuttgart, 1968, S. 140.*

XII век	2—2,9
XIII век	3—5
XIV век	6—9
XV век	8—11
XVI век	14—16
XVII век	45
XVIII век	40
XIX век	17

XX век, по определению В. И. Ленина, век «разнузданного империализма»¹, перекрыл в этом отношении все рекорды. Две мировые войны, подготовленные и связанные монополистическим капиталом, стоили человечеству более 60 миллионов жизней. Жертвы второй мировой войны в пять раз превышают жертвы первой мировой войны. Материальные потери также разительны: в первой мировой войне было разрушено около одной десятой мирового промышленного производства, во второй мировой войне — почти одна треть. Наша страна потеряла в этой войне около 30 процентов национального достояния. В огне войны погибли огромные материальные и духовные ценности, созданные трудом многих поколений.

Для современных войн характерно то, что они фактически стирают различие между фронтом и тылом, превращая тыл в объект ожесточенного противоборства. Вследствие этого число жертв в них возрастает не только за счет личного состава вооруженных сил, но и главным образом за счет гражданского населения. Так, в первую мировую войну людские потери составили 90 процентов солдат и 10 процентов гражданского населения; во вторую мировую войну потери гражданского населения превысили 50 процентов, а в войне во Вьетнаме потери гражданского населения достигли 90 процентов². Таковы

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 132.

² Koch P. Wahnsinn Rüstung, S. 17.

смертоносные последствия современной войны, не признающей различия между солдатом, сражающимся на поле боя, и тружеником глубокого тыла, между мужчинами и женщинами, стариками и детьми.

Руководствуясь научной методологией, классики марксизма-ленинизма уделяли много внимания анализу опасных последствий войны. Ф. Энгельс в 1887 году, почти на 30 лет вперед, определил характер, масштабы и социальные последствия первой мировой войны. Он характеризовал ее как всемирную войну невиданного раньше размаха и силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу. Война вызовет голод, эпидемии. Все кончится, по его словам, крахом старых государств, приведет к победе пролетариата. Это предсказание было названо В. И. Лениным «гениальным пророчеством»¹.

Вместе с тем Ф. Энгельс указывал на трудности локализации войны, подчеркивал, что «тот, кто выступил бы первым, спровоцировал бы всеобщую мировую войну»². По его мнению, всеобщую «грядущую войну, коль скоро она начнется, никоим образом не удастся локализовать...»³. Такая война вызывает страх у самих ее организаторов, в чем заключается гарантия мира⁴.

В. И. Ленин в свою очередь указывал на исключительную опасность и тяжелые последствия первой мировой войны, которая, по его мнению, могла привести «к подрыву самих условий существования человеческого общества»⁵. «Война привела все человечество *на край пропасти*, гибели всей культуры, одичания и гибели еще миллионов людей, миллионов без числа»⁶.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 472, 473.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 531.

³ Там же, т. 39, с. 23.

⁴ См. там же, т. 36, с. 531.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 396.

⁶ Там же, т. 31, с. 182.

С исключительной проницательностью В. И. Ленин предвидел возможность второй мировой войны, подчеркивал ее особо опасные последствия. Вопрос о войне с 1914 года, отмечал он, «стал краеугольным вопросом всей политики всех стран земного шара. Это вопрос жизни и смерти десятков миллионов людей. Это — вопрос о том... будет ли в этой неизбежной (если сохранится капитализм) грядущей войне искалечено 60 миллионов (вместо искалеченных в 1914—1918 годах 30 миллионов)»¹. Вторая мировая война, ее огромные жертвы и разрушения целиком и полностью подтвердили это ленинское предвидение.

По мере совершенствования оружия возрастала и опасность последствий войны, в которой оно применялось. Однако с появлением ракетно-ядерного оружия, ознаменовавшего подлинную революцию в военном деле, масштабы и глубина опасности намного возросли. По своей гигантской истребительной и разрушительной мощи это оружие не идет ни в какое сравнение с обычным оружием. Первые образцы нового оружия были созданы и применены американскими империалистами в конце второй мировой войны без всякой военной необходимости против мирных японских городов Хиросима и Нагасаки. Этот акт вандализма, совершенный по приказу тогдашнего президента США Г. Трумэна, преследовал главным образом политические цели — продемонстрировать мощь нового оружия перед Советским Союзом, чтобы оказать на него давление при решении послевоенных проблем, лишить его плодов победы над гитлеровским фашизмом и японским милитаризмом. От двух американских атомных бомб погибло более 300 тысяч человек. Трагический счет жертв продолжает увеличиваться и по настоящее время: умирают дети детей, подвергшихся облучению. С тех пор американские империалисты, создав-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 148.

шие мощный ядерный потенциал, неоднократно планировали применить новое оружие или угрожали им. И если бы они не утратили монополии на ядерное оружие, то, вполне вероятно, были бы и новые Хиросимы, и новые Нагасаки.

Особенность ядерного оружия состоит в том, что его губительного воздействия не могут избежать сами агрессоры. Это все отчетливее понимают буржуазные идеологи, политические и военные деятели. Например, вице-президент США Д. Буш в одном из своих интервью вынужден был заявить, что если обе стороны применят ядерное оружие, которым они располагают, то выживет не многим более 5 процентов населения¹. Американские сенаторы Э. Кеннеди и М. Хатфилд в книге «Заморозить!» пишут, что обмен ядерными ударами приведет к разрушению от 80 до 90 процентов индустриального потенциала США и страна превратится в «республику насекомых»². Западногерманский философ и физик К. Ф. Вайцзеккер, со своей стороны, заявил, что применение ядерного оружия в военных целях приведет ФРГ к «ядерному самоубийству»³. Аналогичным образом оценивают последствия ядерной войны и другие западные авторы, занимающие более или менее реалистические позиции в этом вопросе.

Вина за применение оружия массового поражения первыми всецело ложится на американских империалистов. Именно милитаристские круги США на протяжении всех послевоенных десятилетий были и остаются застрельщиками гонки ракетно-ядерных вооружений. Вместе со своими союзниками по агрессивному блоку НАТО они затрачивают колоссальные средства на наращивание, ка-

¹ Scheer R. Und brenned stürzen Vögel von Himmel. München, 1983, S. 53.

² Kennedy E., Hatfield M. Freeze! N. Y. etc., 1982, p. 67, 73.

³ Konflikte, Kriesen, Kriegsverhütung. Baden-Baden, 1981, S. 32—33.

чественное обновление и совершенствование стратегических ядерных сил, развертывание новых ракетно-ядерных средств средней дальности в Европе, на модернизацию обычных вооружений, переоснащение сухопутных, морских и военно-воздушных сил, делая ставку на военную мощь как главное средство достижения своих экспансионистских устремлений.

В ответ на ядерный вызов, брошенный США, Советский Союз добивался запрещения использования атомной энергии в военных целях. Но Соединенные Штаты воспрепятствовали принятию в Организации Объединенных Наций такого решения. СССР вынужден был принять подобный вызов. Вслед за тем в этот процесс включились и другие страны. Ядерное соперничество государств стало суровой реальностью, гонка вооружений приняла небывалый размах, угрожая перерасти в ядерную катастрофу.

В противоположность США создание ракетно-ядерного оружия в нашей стране было продиктовано внешней необходимостью, настоятельной потребностью самозащиты от ядерных провокаций американского империализма. Это была сугубо вынужденная, навязанная извне ответная мера, перечеркнувшая расчеты агрессивных военно-политических кругов США на неуязвимость их территории и безнаказанность в современной войне. Если бы это зависело только от Советского Союза, то на земле не было бы ядерного оружия, не разрабатывались бы новейшие варианты средств массового уничтожения.

Однако, когда над нашей страной нависла ядерная угроза, исходившая от американских империалистов, Коммунистическая партия и Советское правительство приняли решение о создании нового оружия, руководствуясь указаниями В. И. Ленина о том, что единственным средством спасения от ужасов военной техники агрессоров «являются те же самые силы техники»¹. Советские

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 358.

ученые и инженеры, рабочие и техники совершили настоящий подвиг, создав ядерное оружие и межконтинентальные ракеты. Тем самым они исключили возможность развязать безопасную для агрессора войну против нашей Родины. Это было событие исключительной важности, укрепившее обороноспособность нашей страны, позиции социализма, революционных, демократических сил во всем мире. Достигнутый в последние десятилетия военно-стратегический паритет лишил США возможности шантажировать Советский Союз ядерной угрозой.

Таким образом, надежды американских милитаристов, которые рассчитывали одним выстрелом убить двух зайцев — добиться над Советским Союзом военного превосходства и заодно развалить его экономику, — оказались несбыточными, иллюзорными. Используя преимущества социалистической системы хозяйства, СССР не позволил и не позволит ни разорить себя, ни нарушить военное равновесие — надежную гарантию мира в сложившейся международной обстановке.

КПСС, коммунистические и рабочие партии решительно заявили, что ядерная война несет смертельную угрозу для человечества, что ее допустить нельзя, ее нужно предотвратить, а затем исключить из жизни общества. Это положение содержится во всех коллективных документах коммунистического движения, разработанных в послевоенные годы. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий 1969 года подчеркнуло, что «мировой конфликт в нынешних условиях, когда ядерные бомбы могут в считанные минуты достигнуть любого континента и опустошить огромные территории, означал бы гибель сотен миллионов людей, превращение в руины и пепел сокровищ мировой цивилизации и культуры»¹. Ядерная война охарактеризована

¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969, с. 250.

в документах международных форумов коммунистов как величайшее преступление против человечества. Такая война таит в себе опасность не только уничтожения огромных масс населения, исчисляемых сотнями миллионов, разрушения городов, центров научно-технического прогресса, культуры, но и тяжелейшие последствия для будущих поколений, для всего живого на земле.

Однако воинственно настроенные идеологи, политические и военные деятели империалистической буржуазии, тесно связанные с руководящей верхушкой НАТО и других агрессивных блоков, сознательно игнорируют ядерную опасность и ее трагические последствия, пропагандируют культ грубой силы в отношениях между государствами, призывают к дальнейшему наращиванию гонки вооружений, созданию все более изощренной военной техники, выступают против разрядки международной напряженности, уповают на ядерную мощь.

Для обоснования своих милитаристских позиций эти идеологи стремятся опереться на авторитеты прошлых веков, возрождают и используют теорию Клаузевица, восхваляют разработанные им стратегические принципы. В упомянутой уже книге «Клаузевиц в перспективе», опубликованной европейскими и американскими «неоклаузевицианцами», говорится: «Со времени окончания второй мировой войны классические политико-военные принципы Клаузевица пережили ренессанс... Возникновение ядерного оружия сыграло при этом немалую роль». В книге подчеркивается, что «на различных фазах эволюции западной стратегии — от разработки стратегии массированного возмездия во времена Эйзенхауэра и распространения стратегии устрашения в условиях атомного пата до стратегии «гибкого реагирования» — опора на Клаузевица является бесспорной»¹. В книге, подготовленной «обществом» Клаузевица «Свобода без вой-

¹ Clausewitz in Perspektive, S. 720.

ны?» также констатируется, что все боевые и мобилизационные мероприятия блока НАТО, подготовка его вооруженных сил, разработка его стратегии, политические установки о применении ядерного оружия решаются в духе «воззрений Клаузевица», его идей, которые будто бы и «сегодня сохраняют свою силу»¹. Такого же рода оценки даются и в других работах буржуазных теоретиков.

«Неоклаузевицианцы», труды которых доминируют в современной стратегии империализма, расценивают войну с применением ядерного оружия в качестве вынужденного, но «рационального», «контролируемого», «управляемого» средства агрессивной политики, эффективного орудия борьбы против мирового социализма и коммунизма. В книге «О термоядерной войне» Г. Кан утверждает, что мировые войны будут происходить и в будущем. Он проанализировал восемь прошедших и возможных в будущем мировых войн: две из них уже имели место, а остальные шесть (к счастью для человечества, ни одна из них не состоялась) людям предстоит еще пережить. Каждой из таких войн, мрачно пророчествует футуролог-милитарист, будет предшествовать техническая революция, и государства будут вести эти войны с помощью более истребительных средств. Тезис о неотвратимости и приемлемости ядерной войны Г. Кан отстаивает и в книге «Мысли о немыслимом» и в других своих работах.

Составной частью теории «управляемой» войны является разработанная Г. Каном концепция «контролируемой эскалации», включающая в себя более четырех десятков ступеней, которые ведут от простого конфликта к малым войнам, а от них к мировой ядерной войне. По оценке американского профессора К. Грея, труды Г. Киссинджера и Г. Кана ознаменовали «золотой век» ядерной

¹ Freiheit ohne Krieg? S. 9, 108.

стратегии США¹. «Контролируемая эскалация» стала центральной концепцией в потоке стратегических доктрин Соединенных Штатов. Такое же значение она приобрела и для союзников США по агрессивному блоку НАТО и другим военно-политическим группировкам. В предисловии к немецкому изданию книги Г. Кана об эскалации бывший канцлер ФРГ Г. Шмидт признает, что образ мышления этого теоретика стал «школой применения чистой рациональности в политике и стратегии»². Странно и чудовищно — трудно иначе оценить утверждение этого известного политического деятеля, ибо подобная рациональность в условиях ядерного века представляет собой форму иррациональности, несущей смертельную опасность для всего человечества.

Человеческая история изображается идеологами ядерного милитаризма в форме сцепления войн, военных столкновений и конфликтов, в виде царства вооруженного насилия и разбоя. В войне — наиболее опасном насилии — эти идеологи стремятся обрести средство продления существования капитализма, противовес росту сил мира, демократии и социализма. Примером в данном отношении может служить книга Р. Арона «Перманентная война». В ней говорится, что «в войнах, как и при атомном распаде, имеет место цепная реакция»³. Одним из звеньев этой цепи, по мнению автора, была первая мировая война и Версальский мир, создавший предпосылки для второй мировой войны. В результате второй мировой войны возникла современная ситуация: две противоборствующие социально-политические системы, между которыми мир невозможен, а война неизбежна. Эту концепцию Р. Арон развивает также в книге «Мир и война».

¹ Gray C. Strategic Studies and Public Policy. Lexington, 1982, p. 18.

² Kahn H. Eskalation. Mit einer Einleitung von H. Schmidt. Frankfurt am Main, 1970, S. 14.

³ Aron R. Der permanente Krieg. Frankfurt am Main, 1948, p. 88.

Единственная мера, на которую согласен Р. Арон,— это ограничение ядерного конфликта, поскольку в глобальных масштабах он представляет исключительную опасность для обеих сторон.

Упование на войну как на средство реализации политических целей империализма нашло свое выражение в теории «ядерного выживания», обоснованной «отцом» водородной бомбы США физиком Э. Теллером. В своих работах он преуменьшает катастрофические последствия ядерной войны, призывает создать мощную противоракетную систему, перевести под землю крупные города, продолжать гонку вооружений, готовиться к нанесению ядерного удара по социалистическим странам. Отказ от такого опасного милитаристского курса, призывы заморозить американское ядерное оружие на современном его уровне означают, по словам Э. Теллера, «неизбежную гибель свободного мира»¹, то есть капиталистического строя.

Подобного рода взгляды на политику и войну опасны тем, что они не только формируют определенное общественное мнение, культивируют милитаристские настроения, но и создают идеологическую основу для агрессивных внешнеполитических и военно-стратегических доктрин империализма, ориентирующих империалистические государства и их блоки на подготовку и ведение мировой и локальных войн с применением как обычного, так и ядерного оружия. В этом наиболее полно проявляется агрессивная, человеконенавистническая суть воззрений поборников ядерного оружия, врагов мира и безопасности народов.

Наряду со взглядами ядерных милитаристов в буржуазной социальной философии получили распространение и концепции, для которых характерно нигилистическое отношение к опыту и теории прошлого, отбрасыва-

¹ Friedensbewegung in der USA. Schweiz, 1982, S. 43.

ние положений и выводов о политике, войне и мире, сложившихся в дядерный период, игнорирование преимущественности в развитии социально-политических знаний, релятивистское их истолкование. Это также не дает верного понимания соотношения политики, войны и мира в ядерный век.

Некоторые идеологи критикуют положение о войне как продолжении политики иными средствами. Например, западногерманский философ Б. Виллмс заявил, что «определение Клаузевицем войны как продолжения политики иными средствами утратило свое значение»¹. Сходные воззрения высказывает и английский профессор военной истории М. Говард. Он пишет, что «впервые клаузевицкий анализ поставлен под вопрос, ибо ядерная война, если она возникнет, может стать тотальной»². Американский сенатор А. Крэнстон также утверждает, что формула Клаузевица о войне как продолжении политики иными средствами с появлением ядерного оружия сделалась «опасной»³. В этих доводах, несомненно, отражается понимание гибельности ядерной войны, протест против ее подготовки агрессивными кругами империализма.

Тем не менее нельзя не отметить и то, что критика эта направлена не против действительно устаревших, ошибочных сторон теории Клаузевица, а в первую очередь против положения, устанавливающего связь между войной и политикой. В качестве основного довода против определения войны как продолжения политики насильственными средствами выдвигается то обстоятельство, что ядерная война представляет собой исключительную опасность, она стирает границу между фронтом и тылом, грозит катастрофическими последствиями для обеих враждующих сторон. Из этого делается вывод о

¹ *Willms B.* Politische Koexistenz. Paderborn, 1982, S. 58.

² *Howard M. (Ed.).* Restraints on War. London etc., 1979, p. 8.

³ We shall overcome, S. 294.

нарушении связи войны с политикой, превращении войны в обособленную от политических отношений силу, напоминающую дикого тигра, вырвавшегося из клетки и сокрушающего все на своем пути. По существу, это одна из завуалированных форм оправдания империализма, который не отказывается ни от политики, направленной на подготовку ядерной войны, ни от производства и применения ядерного оружия в интересах этой смертельно опасной для всего человечества политики ядерного милитаризма.

Критикуя определение войны как продолжения политики насильственными средствами, буржуазные социологи, политические и военные деятели, однако, не видят либо не хотят видеть качественного отличия марксистско-ленинских воззрений на сущность политики и войны от клаузевицских, отождествляют те и другие, объявляя их устаревшими для ядерного века. Если апологеты Клаузевица в целях дискредитации марксистско-ленинского понимания соотношения политики и войны объявляют клаузевицскую теорию пригодной для всех времен, в том числе для ядерного века, то критики взглядов немецкого военного теоретика выполняют, по существу, ту же идеологическую функцию. Под предлогом устарелости клаузевицской формулы они наносят удар и по марксистско-ленинским воззрениям на политику и войну, стремясь опорочить их, принизить теоретическую и практическую ценность.

Буржуазные социологи, политические и военные деятели, нападая на положение о войне как продолжении политики насильственными средствами, не дают положительного решения проблемы классовой сущности возможной ядерной войны, ее социально-политического характера, маскируют связь войны с агрессивной политикой империализма. При этом западные социологи, политические и военные деятели смешивают два тесно связанных между собой, но различных вопроса, а именно: теорети-

ческий вопрос о сущности ядерной войны, ее связи с политикой; и практически — политический вопрос о том, может ли такая война служить орудием, инструментом, средством осуществления политики. Смещая в одну плоскость разные грани проблемы, социологи, политические и военные деятели стран капитала демонстрируют свою классовую узость, проявляют методологическую односторонность в подходе к сложному и противоречивому характеру взаимосвязи политики и ядерной войны, обнаруживают неспособность сделать кардинальные выводы, решительно осуждающие ядерную войну как средство политики и агрессивную политику, нацеленную на подготовку подобного рода войны в глобальном и ограниченном масштабе.

Основной порок упомянутых доводов заключается в затушевывании роли агрессивной политики империализма в создании и развитии нового оружия. Ракетно-ядерное оружие — это не только результат милитаризации экономики, науки и техники США; это вместе с тем чудовищный плод их милитаристской политики, ее уродливое порождение и материальное воплощение. Научно-технический прогресс создал возможность изобретения ракетно-ядерного оружия, но решающую роль в превращении этой возможности в действительность сыграла империалистическая политика США. Именно агрессивная, антисоветская и антисоциалистическая политика американского империализма и корыстное использование им достижений науки и техники вызвали к жизни средства массового истребления, гонку ракетно-ядерных вооружений, обусловили направление послевоенного строительства вооруженных сил империализма, оснащение их новейшими видами боевой техники, определили характер империалистической политики и стратегии, рассчитанной на внезапное применение ядерного оружия против стран социализма.

Ошибочность и односторонность доводов идеологов,

отвергающих связь политики и войны, состоит в недооценке хищнической природы империализма, которая осталась прежней, в преуменьшении опасности его агрессивной политики. Возникнув на базе научно-технического прогресса при активном содействии политики, ракетно-ядерное оружие, в свою очередь, стало оказывать огромное влияние на политику правящих империалистических кругов, усилив в ней элементы авантюризма. В новейших видах боевой техники и оружия идеологи, политики и стратеги монополистического капитала, прежде всего американского, видят противовес росту сил социализма. Они рассчитывают посредством этого оружия разрешить в свою пользу противоречие между социализмом и империализмом, повернуть вспять ход исторического развития, утвердить свое владычество над миром.

Ставка империализма на новейшую боевую технику, на вооруженное насилие как основу внешней политики не случайна, она обусловлена глубокими социальными причинами: подрывом позиций капитализма, его общим кризисом, морально-политической дискредитацией в глазах широких народных масс. Путем наращивания научно-технического потенциала и новейших видов вооружений агрессивные силы империализма пытаются превзойти экономическую и оборонную мощь стран социалистического содружества, перечеркнуть достижения реального социализма, повернуть вспять развитие общественно-исторического процесса. Однако достигнутое за последние десятилетия военно-стратегическое равновесие служит фактором, сдерживающим агрессивные притязания американского империализма и его пособников. И попытки нарушить это равновесие являются несостоятельными, бесперспективными.

Более того, стремление к достижению военно-технического превосходства еще глубже загоняет Соединенные Штаты и их союзников в «ядерный тупик». Его суть, во-первых, раскрывается в наличии у США и НАТО

огромной, все возрастающей ядерной мощи и в исключительной опасности ее возможного применения для них самих; во-вторых, в желании одержать «тотальную» победу в ядерной войне и неизбежной гибели в ней, если она будет развязана. Это говорит о глубоком кризисе современного милитаризма, снижении его возможностей влиять на международные социально-политические процессы.

Анализируя сущность ядерной войны, буржуазные идеологи уверяют, что она не является более продолжением политики иными средствами. По их мнению, применение современной техники и оружия в войне исключает из нее политику. Американские социологи М. Бресслер и Л. Бресслер в книге «Мир или война» пишут, что динамика термоядерной войны потребует немедленных решений и вся ответственность за их принятие будет возложена на электронно-вычислительную технику, война будет вестись автоматически. «Компьютеры,— утверждают они,— выполняют любую программу, какой бы самоубийственной она ни была»¹. Благодаря компьютерам война и политика расплавились в одном «всеобъемлющем искусстве уничтожения». Будущая война характеризуется некоторыми западными идеологами в виде «ядерного армагеддона»², обособленного от политики и иных социальных отношений. В войнах будущего, утверждают они, люди станут беспомощными зрителями борьбы роботов авиации, ракетных войск и роботов космоса. Такая война, по мнению американского физика Чарльза Куппермана,— это не социально-политическая, а «физическая проблема»³.

Война с применением современного оружия, утверждают подобные теоретики, «из политического акта превратилась в чисто технический феномен», в «техническое

¹ *Bressler M., Bressler L. Peace or War. N. Y., 1977, p. 50.*

² *Andreas P. Was morgen wahr sein kann. Düsseldorf etc., 1982, S. 68.*

³ *Scheer R. With Enough Shovels. N. Y., 1982, p. 6.*

противоборство». В книге «Вооруженные силы в общественных преобразованиях», подготовленной военными деятелями бундесвера, говорится, что «тоталитарное направление развития техники» привело к «абсолютной технической войне», к превращению солдат в «техников уничтожения», а командиров в «технокомандос»¹. При подобном изображении войны, как это вполне очевидно, затушевываются ее классово-политические черты и особенности, маскируются социально-экономические источники, кроющиеся в системе империализма.

Тем самым предпринимается попытка ввести в заблуждение народные массы относительно классовой сущности и социального характера будущей войны, морально-политически обезоружить их, лишить верной ориентировки, ясной линии поведения, внушить идеи о том, что в случае мировой ядерной войны населению и личному составу вооруженных сил натовских стран и других агрессивных блоков предстоит бороться не за политические интересы и устремления монополистического капитала, а за собственную жизнь, за спасение от физического истребления. Они хотят скрыть действительные причины агрессии, снять ответственность с империалистических кругов за подготовку ядерной катастрофы.

Необходимо отметить, что намерение пересмотреть определение войны как продолжения политики насильственными средствами, предпринятое буржуазными социологами,— это не следствие глубокого понимания социально-политической сущности современной войны, а, скорее, реакция на революционные процессы, происходящие в мире и в военном деле; это идеологическая маскировка классовой сути и агрессивной направленности политики и стратегии США, НАТО и других империалистических группировок. Для политической и военной теории и практики одинаково опасны как догматизация

¹ Streitkräfte im gesellschaftlichen Wandel. Bonn, 1980, S. 74—75.

прошлого опыта, так и нигилистическое отношение к нему, обесценивание и отрицание его.

На деле милитаристские круги признают взаимосвязь между политикой и войной, придерживаются на практике формулы о войне как продолжении и орудии политики насильственными средствами, руководствуются ею в своей политической и военной деятельности. Они отнюдь не отказываются ни от агрессивной политики, ни от войны как средства достижения политических целей, ни от производства и применения ядерного оружия. Напротив, невиданные масштабы приняла гонка ядерных вооружений, их качественное совершенствование. Это оружие (наряду с обычным неядерным) составляет фундамент политики и стратегии американского империализма и его союзников по НАТО и другим блокам. Эта политика и стратегия направлены на подготовку истребительной войны против социалистических стран, на срыв разрядки международной напряженности, на дискредитацию принципов мирного сосуществования.

Фальсификация классово-политической сущности и социального характера ядерной мировой войны, как правило, сочетается с прямыми и открытыми нападками на марксистско-ленинское понимание современной войны, ее связи с политикой. Буржуазные идеологи заявляют, что марксистско-ленинский метод, рассматривающий войну как продолжение политики насильственными средствами, будто бы применяется в современных условиях для обоснования правомерности использования ядерной войны для достижения политических целей. Так, например, Р. Пайпс цинично заявил, что Советский Союз «рассматривает ядерную войну в качестве практического инструмента политики»¹. Аналогичные клеветнические утверждения исходят также от западногерманского социолога Г. Веттига, который утверждает, будто для Со-

¹ Soviet Strategy. N. Y. etc., 1981, p. 10.

ветского Союза любая война, в том числе с применением ядерного оружия, служит «рациональным средством» политики¹. В такого рода злостных, фальсификаторских доводах смешаются в одну плоскость две принципиально различные проблемы: во-первых, теоретико-методологическая проблема, которая может быть решена лишь на базе марксистско-ленинского понимания политики и войны, их соотношения; во-вторых, практическая военно-политическая проблема о том, может ли мировая ядерная война служить рациональным средством политики, ее орудием, инструментом.

Наша принципиальная позиция по этой проблеме зафиксирована в решениях съездов партии, в Конституции СССР и в других партийных и государственных документах. В них решительно осуждается ядерная война как средство политики и подчеркивается, что такая война не может и не должна служить методом разрешения политических конфликтов. Все это изобличает клевету наших идейных противников, безуспешно пытающихся извратить позицию Советского Союза в отношении ядерной войны, раздуть вздорный миф о «советской военной угрозе», используемый империалистической пропагандой для оправдания гонки вооружений, подготовки войны.

В подходе к сущности ядерной войны, ее связи с политикой марксистско-ленинская методология отвергает всякий догматизм, осуждает абсолютизацию выработанных в прошлом положений и формул, превращение их в самодовлеющие абстракции, оторванные от изменившихся реальных условий, от развивающейся практики. В то же время марксистско-ленинская методология не допускает, чтобы с помощью рассуждений о новых формах мышления, о новых категориях и принципах подверга-

¹ *Wettig G. Konflikt und Kooperation zwischen Ost und West. Bonn, 1981, S. 136.*

лись пересмотру основополагающие взгляды на взаимосвязь политики и войны, сохраняющие свое мировоззренчески-методологическое значение и по сей день и служащие идейно-теоретической основой упрочения обороноспособности СССР, всего социалистического содружества.

2. Кредо политической идеологии современного милитаризма

Теоретические концепции идеологов милитаризма, касающиеся соотношения политики и войны, получают свое конкретное воплощение во внешнеполитических и стратегических доктринах американского империализма и его партнеров. Эти доктрины представляют собой совокупность определенных идей, теорий, установок и решений, принятых империалистическими государствами в качестве официального руководства во внешнеполитической и военной деятельности. В них формулируются и обосновываются цели, принципы и направления внешней политики империалистических держав, определяют методы и средства осуществления последней.

Выработкой доктрин, являющихся ядром политической идеологии империализма, заняты президенты, премьер-министры, правительственные учреждения и специализированные корпорации. Но решающая роль в их создании принадлежит военным ведомствам. В США Пентагон стал фактическим центром формирования внешнеполитических и стратегических доктрин. Его генералы и адмиралы занимают многие высокие государственные посты, имеют большой вес в политических и дипломатических кругах. Военщина и агентура Центрального разведывательного управления оказывают определяющее влияние на характер политики США, на разработку внешнеполитического и стратегического кредо,

которое затем навязывается их партнерам, объявляется коллективной стратегией всего западного мира. В результате происходит стирание национальных черт и особенностей внешнеполитических и стратегических доктрин, известная их нивелировка и подчинение доктрине лидера НАТО — США. Этот процесс не устраняет противоречий во внешнеполитической и военно-стратегической области между буржуазными государствами и их группировками.

На протяжении послевоенных лет происходила неоднократная смена внешнеполитических и стратегических концепций США и их союзников. Это не означало отказа от агрессивных основ внешней политики, ее гегемонистских целей. Менялась пропагандистская внешность, форма доктрин, их идеологическая оболочка. В них вносились вынужденные коррективы в связи с динамикой событий, кризисом политики силы. Но все доктрины отличались и отличаются милитаристским характером. Они берут под защиту капиталистический строй, узаконивают вмешательство во внутренние дела других государств, легализуют насилие, оправдывают действия военщины. Они находятся в вопиющем противоречии с принципами морали и международного права, с общественным прогрессом, законами и потребностями поступательного развития человеческого общества.

Каждая из доктрин США и их партнеров служила определенной ступенью в усилении милитаризации, эскалации военных приготовлений, сколачивании военных блоков, расширении системы военных баз на чужих территориях, разжигании притязаний на мировое господство. О такого рода притязаниях открыто заявляли американские президенты от Г. Трумэна до Р. Рейгана. Главными атрибутами их политики, сформулированной в выдвинутых ими доктринах, стали антикоммунизм, антисоветизм, неоколониализм, непримиримая враждебность к социальному прогрессу. Американский социолог

С. Браун в книге «Облик силы» свидетельствует, что основу политики послевоенных американских президентов образует лозунг: «Лучше быть мертвым, чем красным». Эта примитивная формула, выражающая патологическую ненависть к коммунизму, и поныне определяет политический курс США и их союзников.

На рубеже 80-х годов появилась внешнеполитическая «доктрина Картера», которая вобрала в себя наиболее реакционные, агрессивные черты прежних милитаристских доктрин. По свидетельству З. Бжезинского, «доктрина Картера» была скопирована с «доктрины Трумэна»¹. Она была направлена на подрыв разрядки, на обострение международной обстановки, взвинчивание гонки вооружений, на подготовку ядерной войны.

Администрация Картера приступила к мобилизации как собственных усилий, так и усилий своих союзников на ускорение военных приготовлений. В мае 1978 года сессия совета НАТО в Вашингтоне одобрила дополнительную программу вооружений, ориентированную на многие годы вперед. Под нажимом США в декабре 1979 года Брюссельская сессия совета блока приняла решение, подтвержденное сессией совета НАТО в декабре 1982 года, о размещении в западноевропейских странах 572 американских ядерных ракет среднего радиуса действия — оружия первого удара, нацеленного против Советского Союза и других социалистических стран. Тем самым США превращают Западную Европу в плацдарм ядерной войны, надеясь при этом избежать разрушения собственных городов и истребления собственного населения.

Вместе с тем администрация Дж. Картера обнародовала долгосрочную программу дальнейшего наращивания военных усилий США и объявила о беспрецедентном увеличении ассигнований на военные цели. Особый упор

¹ Brzezinski Z. Power and Principle. London, 1983, p. 444.

делался на расширение и качественное совершенствование арсенала стратегического наступательного оружия, на наращивание количества ядерных боеголовок и увеличение их мощи. Действия администрации убедительно свидетельствовали об ее истинных намерениях в области сокращения стратегических вооружений: хотя советско-американский договор ОСВ-2 и был подписан, но позже Картер сорвал его ратификацию.

Большое значение администрация Дж. Картера придавала модернизации, качественному совершенствованию, увеличению численности сил общего назначения, дальнейшему усилению сухопутных войск, авиации и военно-морского флота, насыщению их тактическим ядерным и новейшими видами обычного оружия, повышению маневренности и эффективности, накоплению больших запасов боеприпасов, созданию интервенционистских «сил быстрого развертывания».

«Доктрина Картера» нацеливала на подготовку, ведение и победу в ядерной войне. Об этом свидетельствовала «новая ядерная стратегия», утвержденная в 1980 году директивой президента № 59. Эта стратегия — обновленный вариант обанкротившейся стратегии «массированного возмездия» и «реалистического устрашения». Она на правительственном уровне ориентировала на ускоренную подготовку ядерной войны. Ее назначение состояло в том, чтобы сделать идею ядерной войны более приемлемой для общественного мнения. Этому служили и рассуждения о якобы «ограниченном» применении ядерного оружия, которые не имеют ничего общего с реальностью и лишь вводят в заблуждение людей. Ясно, что подобная стратегия — серьезная угроза для всех народов, включая и американский. Этому не могли не понимать ее творцы. Г. Браун, министр обороны в администрации Дж. Картера, вынужден был признать, что «угроза полного уничтожения такого масштаба представляет собой нечто, не существовавшее ранее в миро-

вой истории»¹. Тем не менее стратегия была официально принята.

Общественность США и всего мира решительно осудила открытый курс президента Дж. Картера на подготовку ядерной войны. Появление директивы № 59, наряду с другими милитаристскими планами картеровской администрации, вызвало антивоенное, антиядерное движение на Западе и в самих Соединенных Штатах под лозунгами — предотвратить ядерную угрозу, сохранить всеобщий мир.

Борясь за место в Белом доме, республиканская партия в области милитаристских приготовлений не только не хотела отстать от демократической во главе с Дж. Картером, но и стремилась превзойти ее. Об этом убедительно свидетельствует милитаристская предвыборная платформа республиканцев, принятая ими в июне 1980 года в Детройте. Это же подтверждают и практические дела республиканской администрации во главе с Р. Рейганом, основным предвыборным лозунгом которого был — «мир посредством силы»². Он составляет основу рейгановской политики. «Мир на основе силы,— утверждает Р. Рейган,— это отнюдь не лозунг, а жизненный факт»³. По его словам, без силы не может быть эффективной дипломатии и переговоров, никакой надежной демократии и прочного мира.

Рейгановская администрация взяла курс на дальнейшее обострение международной обстановки, наращивание гонки вооружений, вмешательство в дела других стран, подавление национально-освободительных движений. Она развернула злобную кампанию против Советского Союза и других социалистических стран. Провозглашенная ею доктрина «прямого противоборства» меж-

¹ Brown H. Thinking about National Security. Boulder (Col.), 1983, p. 2.

² Europa — Archiv. Bonn, 1981, N 9, S. 275.

³ См.: Правда, 1984, 8 апреля.

ду США и СССР носит наиболее агрессивный, воинственный, опасный характер. Эта доктрина, пронизанная духом зоологического антисоветизма и антикоммунизма, ставит задачу дискредитировать и уничтожить социализм как общественную систему.

Что касается военной сферы, то администрация Р. Рейгана по примеру предшественников внесла свой вклад в ядерную стратегию США и НАТО, заменив картеровскую доктрину еще более враждебной делу мира. Ею разработана «новая военная стратегия» на 80-е годы. Как и стратегия прежней администрации, она делает упор на стратегическое и тактическое ядерное оружие, на подготовку и ведение как глобальной, так и «ограниченной», «затяжной» ядерной войны, требует от США быть готовыми вести одновременно большие, затяжные «неядерные войны», а также участвовать в конфликтах в любом районе земного шара. Первоочередной целью на ближайшие годы она ставит достижение военного превосходства США над Советским Союзом, НАТО над Варшавским Договором, форсирование подготовки материальной базы для развязывания войн различных масштабов.

Доктрина администрации Р. Рейгана предусматривает ускоренное создание качественно нового наступательного стратегического потенциала в дополнение к уже имеющемуся. Намечается прежде всего: модернизация и создание новых мобильных межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования — МХ, названных Р. Рейганом «стражами мира», разрабатывается и более легкая МБР с моноблочной головной частью «Миджитмен»; коренная реконструкция подводного ядерного флота США, пополнение его ракетоносцами типа «Огайо», оснащенными новой ракетой «Трайидент-2»; значительная модернизация авиационных систем и развертывание новых типов самолетов стратегической авиации — В-1В, параллельно разрабатывается бомбардиров-

щик «Стелт», невидимый для средств ПВО; создание крылатых ракет большой дальности; совершенствование обычных вооруженных сил. Арсенал США пополняется нейтронным, химическим, биологическим и иными новейшими видами оружия массового уничтожения. Все это дестабилизирует обстановку в мире, усиливает опасность возникновения войны.

Крайне опасная для мира акция милитаристов США и их партнеров — это развертывание в странах Западной Европы оружия первого удара — американских ядерных ракет «Першинг-2» и крылатых, способных достигать целей на территории СССР и других европейских социалистических стран. Подобная акция может привести лишь к новому и чрезвычайно опасному витку гонки вооружений, к возрастанию угрозы как для Европы, так и для всего мира.

В связи с этим Советский Союз вынужден был принять ответные меры: отменить взятый на себя в одностороннем порядке мораторий на развертывание советских ядерных средств средней дальности в европейской части СССР; ускорить подготовительные работы по размещению на территории ГДР и ЧССР оперативно-тактических ракет повышенной дальности; приступить к развертыванию соответствующих советских средств в океанских районах и морях, которые по своим характеристикам будут адекватны угрозе, создаваемой для СССР и его союзников размещением в Европе американских ракет. Эти и другие меры направлены на обеспечение безопасности стран социалистического содружества, на сохранение военного равновесия.

Нагромождая горы ядерного и обычного оружия на земле и опутав ее паутиной военных баз — опорных пунктов терроризма против свободолюбивых народов, американские ядерные ястребы устремили свои взоры в космос. Они пытаются милитаризовать космическое пространство, превратить его в плацдарм агрессии, в арену

объявленной Р. Рейганом «звездной войны». По мнению американской военщины, тот, кто контролирует космос, сможет держать под прицелом весь земной шар. «Фактически,— пишет американский генерал Д. Киген,— космос является сейчас ключом к выживанию западного мира или к его гибели»¹. Как заявил в сенате американский физик Ричард Гарвин, «мы находимся на грани войны в космосе». Война в космосе, по его словам, является «прелюдией к войне на земле»².

Для завоевания господства в космосе США стремятся создать крупный флот космических кораблей много-разового использования, способных с помощью космического противоспутникового и противоракетного оружия выводить из строя межконтинентальные ракеты и спутники противника.

В противоспутниковое оружие превращаются истребители F-15, оснащенные ракетами-перехватчиками для запуска в космическое пространство. Ведутся работы по созданию лазерного и пучкового оружия космического базирования. Для управления космическими средствами в военных целях создано космическое командование ВС США.

Воздвигая «космический щит» в виде широкомасштабной противоракетной обороны и сверхнового противоспутникового оружия, США планируют парализовать советские стратегические средства, лишить СССР способности нанести ответный удар возмездия. Но расчеты на то, что через космос можно проложить дорогу к военному превосходству, построены на иллюзиях. Имеющийся у Советского Союза экономический и научно-технический потенциал позволяет в кратчайшие сроки ответить соответствующим образом на любую угрозу его безопасности.

¹ Baker D. The Shape of Wars to Come. Foreword by Keegen G. Cambridge, 1981, p. 6.

² Controlling Space Weapons. Washington, 1983, p. 14.

Однако Советский Союз не сторонник милитаризации космического пространства. Он делает все для того, чтобы возвести заслон агрессивным планам США превратить космическое пространство в источник смертельной опасности для всего человечества, предотвратить перенесение гонки вооружений в космос. Еще в 1958 году Советский Союз внес в ООН предложение о запрещении использования космического пространства в военных целях. По его инициативе был разработан и в 1967 году вступил в силу договор, призванный предотвратить гонку ядерных вооружений в космосе. Новым важным шагом явилась инициатива, с которой СССР выступил на XXXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1981 г.). СССР внес в повестку дня сессии вопрос «О заключении Договора о запрещении размещения в космическом пространстве оружия любого рода». На рассмотрение XXXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1983 г.) Советский Союз предложил «Проект Договора о запрещении применения силы в космическом пространстве и из космоса в отношении Земли» и получивший там одобрение¹. Однако агрессивные силы США и их партнеры срывают принятие мер по недопущению милитаризации космоса.

«Новая военная стратегия» республиканской администрации носит воинственный, империалистический, неоколониалистский характер. Это кредо ядерного милитаризма, готового во имя своих корыстных целей поставить на карту жизненные интересы человечества, толкнуть его на грань катастрофы. Она усиливает опасность развязывания ядерной войны, делает заложниками те страны, на территории которых или в непосредственной близости от них размещено ядерное оружие, превращает европейский континент в арену ядерного противоборства.

¹ См.: Правда, 1983, 22 августа.

Руководствуясь установками стратегии «гибкого реагирования» и «новой военной стратегии», империалистические круги США, натовская военщина стремятся повернуть вспять позитивные процессы, происходящие на мировой арене, изменить военно-стратегическое равновесие в свою пользу. Основную ставку они делают на раздуваемую ими гонку вооружений, пополнение ядерного арсенала США и НАТО новыми варварскими средствами массового уничтожения людей. В натовских странах осуществляется долгосрочная программа наращивания вооружений, проводятся крупные учения, маневры, ведется интенсивная идеологическая и психологическая обработка населения и личного состава вооруженных сил, что создает реальную угрозу миру и безопасности народов.

Внешнеполитические и стратегические доктрины США и их союзников основной упор делают на то, чтобы путем наращивания научно-технического потенциала и новейших видов вооружений превзойти экономический и оборонный потенциал стран социалистического содружества и тем самым перечеркнуть достижения реального социализма, повернуть вспять развитие общественно-исторического процесса. Как подчеркнул XXVI съезд КПСС, военно-стратегическое равновесие между СССР и США, между Варшавским Договором и НАТО объективно служит сохранению мира на нашей планете и является фактором, сдерживающим агрессивные намерения американского империализма и его пособников.

Для послевоенных империалистических внешнеполитических и стратегических доктрин характерен поворот к военному насилию как главному инструменту внешней политики. Однако дальнейшее наращивание ядерной мощи США и НАТО не упрочивает их безопасности, а, наоборот, усиливает опасность собственного уничтожения, которая нарастает от одного витка гонки вооруже-

ний к другому. Это выводит внешнеполитические и стратегические доктрины империализма за границы разумного, рационального, накладывает на них печать иррационализма и антигуманизма. «Простая истина состоит в том,— говорится в новой программе компартии США,— что любой ядерный конфликт, если бы он произошел, неизбежно перерос бы в тотальную войну. Буквально в течение нескольких минут человеческая цивилизация, какой мы ее знаем, была бы уничтожена. Несмотря на это, американские стратеги все еще разрабатывают планы, согласно которым они смогли бы вести и выиграть ядерную войну. Все это свидетельствует об опасном безумии умирающего класса»¹.

Генеральная Ассамблея ООН 9 декабря 1981 года приняла по инициативе Советского Союза и других социалистических стран декларацию «Предотвратить ядерную катастрофу». В ней провозглашается несовместимость с законами человеческой морали любых доктрин, допускающих применение первыми ядерного оружия, подталкивающих мир к катастрофе².

Опасному курсу империализма и его пособников Советский Союз, другие социалистические страны противопоставляют политику мира и безопасности народов. Эта политика опирается на гранитный фундамент марксизма-ленинизма, пропизана духом солидарности с революционными, прогрессивными силами во всем мире. Это — последовательная политика мира, безопасности и дружбы народов.

КПСС и Советское государство, подчеркнул XXVI съезд партии, и впредь будут продолжать настойчивую борьбу за устранение военной угрозы, сохранение и углубление разрядки, за взаимовыгодное международное сотрудничество. Стремление к миру подкреплено кон-

¹ США. Экономика. Политика. Идеология. 1983, № 2, с. 121.

² См.: Правда, 1981, 13 декабря.

кретными предложениями, направленными на радикальное оздоровление международной обстановки. Эти инициативы служат органическим продолжением и развитием Программы мира, провозглашенной XXIV, XXV и XXVI съездами КПСС. Мироволюбие Советского государства с новой силой продемонстрировали июньский (1983 г.), декабрьский (1983 г.), внеочередной февральский (1984 г.), апрельский (1984 г.) и внеочередной мартовский (1985 г.) Пленумы ЦК КПСС. В постановлении июньского (1983 г.) Пленума «Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии» подчеркнуто, что «сохранение мира на Земле — это и сегодня, и в обозримом будущем стержневая проблема внешней политики нашей партии»¹.

Коренной противоположностью агрессивным стратегическим доктринам империализма выступает советская стратегическая доктрина. Эта доктрина — сугубо оборонительная, мирная, исключая концепцию «первого ядерного удара», «превентивной ядерной войны», составляющую ядро стратегических доктрин США и НАТО.

Наша доктрина предполагает военно-стратегическое равновесие между СССР и США, между Варшавским Договором и НАТО и ориентирует на снижение уровня военного противостояния на основе принципа взаимности и равной безопасности сторон.

Советский Союз не стремится к достижению односторонних преимуществ перед Соединенными Штатами, перед странами НАТО, к военному превосходству над ними. Наша страна выступает за прекращение, а не продолжение гонки вооружений. Именно поэтому Советский Союз предлагает заморозить ядерные арсеналы, прекратить дальнейшее развертывание ракет, борется за

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14—15 июня 1983 года. М., 1983, с. 73.

действительное и крупное сокращение накопленных вооружений, а не создание все новых систем оружия, будь то в космосе или на Земле¹.

Стратегическая доктрина стран социалистического содружества, следовательно, принципиально, качественно отличается от агрессивной стратегической доктрины США и НАТО. Поэтому несостоятельными, вздорными, клеветническими являются попытки буржуазной, реформистской и ревизионистской пропаганды отождествить их, смазать принципиальное различие между ними, поставить их на один уровень, возложить «равную ответственность» на Соединенные Штаты и Советский Союз за возрастание угрозы войны.

Внешнеполитические и стратегические доктрины империалистической реакции, образующие ядро ее политической идеологии, воплощают в себе бредовые планы завоевания мирового господства путем наращивания и использования вооруженных сил, прежде всего ядерной мощи. Подобные доктрины, узаконивающие войну в качестве приемлемого средства политики монополистического капитала,— подлинный источник угрозы миру во всем мире. Они подводят человечество к пропасти ядерной катастрофы, несут смертельную опасность его существованию. Вот почему решительное разоблачение такого рода доктрин, изобличение их каннибальской сущности, человеконенавистнической направленности — это одна из важных идейно-политических форм защиты всеобщего мира, его сохранения и упрочения.

3. Идеология и политика локального авантюризма

Одновременно с подготовкой мировой ядерной войны империализм во главе с США развязывает в различных районах мира «ограниченные» войны, инспирирует воен-

¹ См.: Материалы внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС 11 марта 1985 года, с. 12.

ные перевороты, организует заговоры и интервенции, ведет подрывную политическую и идеологическую борьбу против социалистических стран, международного коммунистического, рабочего и всего демократического движения. Для оправдания агрессивной политики монополистического капитала, политики глобального и локального авантюризма, буржуазные идеологи выдвинули и распространяют многочисленные военно-политические и стратегические концепции, направленные против мира. Одной из них является концепция «ограниченной» войны. Эта концепция представляет собой идеологическое оружие империалистической реакции, средство обмана масс, отвлечения их внимания от глобальной ядерной угрозы, от борьбы за мир.

Поборники концепции «ограниченной» войны, возникшей в конце 50-х годов, пытаются установить для мировой ядерной войны определенные границы, удержать ее в рамках «контролируемого» вооруженного конфликта. Эта концепция получила свое официальное признание и вошла во многие послевоенные внешнеполитические и стратегические доктрины США и НАТО, став тем самым руководством в деятельности агрессивных сил империализма. Швейцарский социолог У. Шварц в книге «Между миром и войной» писал: «Ограниченная» война в современном смысле является побочной ветвью ядерной стратегии. Она разделяет во многих отношениях ее абсурдность»¹.

Концепция «ограниченной» ядерной войны, вполне понятно, возникла отнюдь не по соображениям «гуманности», как ее лживо представляет буржуазная пропаганда. Она, несомненно, свидетельствует о страхе империалистических агрессоров перед возможной мировой ядерной войной, ее губительными последствиями. Осно-

¹ Schwarz U. Zwischen Frieden und Krieg. Düsseldorf etc., 1981, S. 92.

ванная на идее вечности, неизбежности и неустрашимости войны, концепция не отвергает и не осуждает вооруженное насилие, а утверждает и узаконивает его в уменьшенных масштабах, приспособливает его к нуждам агрессивной политики, придает ему видимость рациональности, целесообразности. По существу же, это одна из опаснейших форм идеологического оправдания войны, реабилитации ее в качестве орудия политики империализма. С ее помощью идеологи, политические и военные деятели империалистической буржуазии стремятся приучить людей рассматривать войну, в том числе ядерную, как обычное явление, допустимое в отношениях между народами и государствами.

«Ограниченная» война, по мнению буржуазных идеологов, характеризуется тем, что в процессе ее ведения противоборствующие стороны, обладая большими военными возможностями, ограничивают политические цели борьбы, масштабы применения оружия, театр военных действий, количество участников и т. д. Иными словами, «ограниченная» война рассматривается как «управляемый», «контролируемый» инструмент агрессивной внешней политики. Авантюристические же стороны политики империализма, не поддающиеся разумному контролю, либо замалчиваются, либо попросту игнорируются, хотя даже бывший министр обороны США Г. Браун вынужден был признать, что «слишком много иррациональных решений принималось в истории»¹. Но поклонников «ограниченной» ядерной войны, ослепленных ненавистью к социализму, это мало волнует, и они продолжают цепляться за опасную концепцию.

Понятие «ограниченная» война, полагают буржуазные идеологи, политические и военные деятели, распространяется только на те войны, в которых заложена возможность перерастания их в неограниченную войну.

¹ *Brown H. Thinking about National Security*, p. 2.

Американский военный теоретик Р. Осгуд подчеркивает, что «ограниченная» война мыслится как война, в которой сравнительно быстро завершается борьба за подчинение воли одного государства другому, а используемые в ней средства гораздо меньше «общих военных возможностей сражающихся»¹. Американский военный писатель Б. Броди со своей стороны утверждает, что понятие «ограниченная» война не применяется к тем конфликтам, в которых одна или обе сражающиеся стороны располагают недостаточными возможностями для превращения их во всеобщую войну. Другая часть буржуазных идеологов под «ограниченной» войной понимает только такую войну, в которой применяется лишь обычное оружие; третья — войну с применением ядерного оружия в лимитированных размерах.

Концепция «ограниченной» войны охватывает разнообразные виды войн, в том числе войну с использованием ядерного оружия. Это «доминирующая стратегическая концепция на 80-е годы»², подчеркивается в книге «Ограниченная ядерная война». Роль наиболее вероятного театра военных действий отводится Европе. Адмирал в отставке Д. Ларок свидетельствует, что «американцы исходят из того, что третья мировая война, так же как первая и вторая мировые войны, разразится в Европе»³. Такая война может быть начата США и НАТО с использования тактического ядерного оружия против вооруженных сил и иных важных объектов на территории социалистических стран. Предусматривается и другой вариант — война может начаться с военного столкновения между США и СССР, при этом с обеих сторон сразу же будут использованы стратегические ядерные силы, но цели для поражения будут «ограничены». Война может

¹ *Garnett J. Limited Conventional War in the Nuclear Age. London, 1981, p. 79.*

² *Clark J. Limited Nuclear War, p. 1.*

³ *Engelmann B. Weißbuch Frieden. Köln, 1982, S. 24.*

принять не только «ограниченный», но и «затяжной» характер.

Концепция «ограниченной» ядерной войны складывалась на протяжении ряда лет. Одним из звеньев ее формирования является концепция «контрсилы», выдвинутая в 1962 году тогдашним министром обороны США Р. Макнамарой и одобренная американским правительством. Она касалась определения объектов поражения ядерным оружием и представляла собой попытку ограничения всеобщей войны. В ней давались рекомендации наносить ядерные удары не по крупным городам и промышленным центрам, а по военным объектам противника, по его вооруженным силам, в первую очередь по местам расположения стратегических ядерных средств. Города и промышленные объекты оставались в качестве заложников для второго ядерного удара. Эта концепция предлагала договориться о «правилах» ведения ядерной войны, чтобы «ограничить» ущерб, который она может причинить, избежать губительных ее последствий для капиталистической системы.

Существенным дополнением этой стратегии явилась концепция «гарантированного уничтожения», предложенная также Р. Макнамарой. США, по этой концепции, должны обладать способностью после принятия на себя удара нанести ответный ядерный удар, чтобы уничтожить противника. «Гарантированным уничтожением» считалось такое, при котором истреблялась четвертая часть населения и разрушалась половина промышленных мощностей СССР¹. А для этого необходимы силы второго удара, состоящие из межконтинентальных баллистических ракет, ракет на атомных подводных лодках и стратегических бомбардировщиков. Концепция приписывала инициативу в нанесении первого удара социали-

¹ *Payne K. Nuclear Deterrence in U. S.—Soviet Relations. Boulder (Col.), 1982, p. 12.*

стическим странам, маскировала подлинные истоки ядерной опасности, исходившей от американского империализма, призывала к наращиванию сил «гарантированного уничтожения». Во всем этом раскрывались ее двуличность, коварство, опасность для человечества.

Бывший министр обороны США Д. Шлесинджер выдвинул в 1974 году концепцию «перенацеливания», пересмотра целей, подлежащих уничтожению стратегическими ядерными силами. Суть этой концепции состоит в том, чтобы наносить высокоточные «избирательные» ядерные удары по всему комплексу военных объектов, прежде всего по защищенным объектам ракетных сил СССР, а не по городам и промышленным центрам, которые сохраняются в качестве запасных мишеней для последующего «гарантированного уничтожения». Концепция «перенацеливания» требовала нового рывка в наращивании ядерного потенциала США. Она возрождала дискредитировавшую себя стратегию «контрсилы». Подобная концепция способна вызвать не ограничение ядерного конфликта, а его перерастание в мировую ядерную войну.

Крайне опасную форму концепция «ограниченной» ядерной войны приняла при администрации Дж. Картера, придавшей ей характер официальной военной доктрины — «новой ядерной стратегии». Сторонники этой стратегии рассчитывают регламентировать ядерную войну, превратить ее в приемлемое средство агрессивной политики американского империализма и его партнеров. Они делают ставку на первый упреждающий ядерный удар по военным объектам Советского Союза и других социалистических стран. Характерное признание в этом отношении содержится в статье политических и военных деятелей США М. Банди, Д. Кеннана, Р. Макнамары и Д. Смита «Ядерное оружие и атлантический союз». В ней говорится, что хотя в послевоенное время доктрина следовала за доктриной, но важнейшим элементом каждой

из них было объявление готовности Соединенных Штатов «первыми применить ядерное оружие». Эта установка, подтверждают авторы, получила воплощение в разработанных «реальных планах»¹. Подобная стратегия подталкивает человечество на грань ядерной катастрофы.

Концепция «ограниченной» ядерной войны получила официальную санкцию и при администрации Р. Рейгана, войдя в качестве важнейшей составной части доктрины «прямого противоборства». Для ее ведения предназначается прежде всего оружие первого удара — высокоточные ракеты «Першинг-2», а также крылатые ракеты наземного базирования, способные поражать объекты почти на всю глубину европейской части Советского Союза.

«Ограниченную» войну заокеанские стратеги намереваются вести в удаленных от США регионах, чтобы избежать разрушительных последствий ответного удара. Разработанные Пентагоном планы предусматривают многовариантное использование стратегических сил — от «ограниченных» ядерных ударов до массированного применения их по всему комплексу объектов на территории Советского Союза, прежде всего по военным объектам, органам политического, государственного и военного руководства, по важнейшим объектам промышленности, транспорта и связи, а также крупным административным центрам нашей страны. Стратегия ориентирует на ведение «длительной» ядерной войны. С этой целью предусматривается комплекс мер, направленных не только на создание качественно новых вооружений, но и на резкое количественное наращивание стратегического ядерного оружия².

Концепция «ограниченной» ядерной войны образует важнейшее звено агрессивной политики и стратегии американского империализма и его партнеров. Она с дья-

¹ Европа — Archiv. Bonn, 1982, N 7, S. 184.

² См.: Откуда исходит угроза миру. М., 1984, с. 64—68.

вольским цинизмом оправдывает применение оружия массового истребления людей, санкционирует его использование в преступных целях агрессивной политики и стратегии. Однако эта концепция является для ее поборников самообманом, ибо первый ядерный удар неизбежно вызовет цепную реакцию взрывов, станет прологом к мировой ядерной катастрофе. Милитаристам не удастся с помощью такого рода концепции сбить с толку многомиллионные народные массы, поднявшиеся на борьбу против политики подготовки империалистическими кругами ядерной войны мирового и ограниченного масштабов.

Наряду с ядерной стратегия США предусматривает ведение «ограниченных» войн с применением обычных вооружений. В эту категорию включаются: войны, ведущиеся ограниченными обычными силами и средствами; вооруженные конфликты, вспыхивающие на небольших, локальных территориях, и т. д. В этих войнах Пентагоном планируется так называемая «горизонтальная» («географическая») эскалация, то есть расширение США и их союзниками военных действий с переносом их на новые районы, не охваченные военным пожаром в начале конфликта,— на районы, «где противник наиболее уязвим». Предполагается также «вертикальная» эскалация — вплоть до использования ядерного, нейтронного и химического оружия.

Примечательно, что во многих западных изданиях все более признается опасность перерастания войны с применением обычного оружия в ядерную войну. Так, в «Белой книге» по вопросам обороны английского правительства подчеркивается, что «неядерная война между Востоком и Западом является вероятной предпосылкой для ядерной войны»¹. Как отмечают западногерманские публицисты М. Коппик и Ю. Рот, «ограниченная» война означала бы «глобальное разрушение и социальную ка-

¹ Europa — Archiv. Bonn, 1981, N 11, S. D. 281.

тастрофу для всего мира»¹. Эти оценки объективны в понимании опасности перерастания «ограниченной» войны в мировую.

Оправдывая «ограниченные» войны, буржуазные идеологи-милитаристы искажают их сущность, их социально-политическую, классовую природу, соотношение в них насильственного и политического элементов. Одной из форм извращения сущности «ограниченных» войн, как и мировых, является их характеристика лишь по количественным и военно-техническим признакам, рассматриваемым в отрыве от классово-политического облика этих войн. В такого рода войнах, утверждают буржуазные идеологи, лимитирован театр военных действий, ограничены объекты поражения, виды оружия, численный состав войск, цели, преследуемые противниками. Военно-технические, количественные параметры расцениваются в качестве определяющих критериев «ограниченных» войн, их отличия от иных вооруженных конфликтов. Подобный подход искажает сущность войны, превращает ее в военно-техническую операцию, лишенную классово-политического содержания. Целью такой операции, пишет американский милитарист У. О'Брайен, является «упреждающее уничтожение» противника². Именно таким физическим процессом уничтожения пытаются представить «ограниченную» войну буржуазные идеологи, маскируя ее классово-политическую суть и социальный характер.

Другая форма фальсификации сущности «ограниченных» войн, соотношения в них насильственного и политического элементов проявляется в сведении их к политическому акту, их политизации. Подобного рода война определяется как «тотальная политика»³. Политическому фактору в таких войнах отводится решающая, а воен-

¹ *Coppik M., Poth J.* Am Tor der Hölle, S. 82.

² *O'Brien W.* The Conduct of Just and Limited War. N. Y., 1981, p. 105.

³ *Heluani M.* Gewaltpolitik. München, 1982, S. 147.

ному — второстепенная роль. Этим маскируется истребительный и разрушительный характер «ограниченных» войн, их пагубные последствия. В послевоенные годы империалистические агрессоры подготовили и развязали более сотни «ограниченных» войн и вооруженных конфликтов в различных районах мира. В них погибло 25 миллионов человек¹, то есть более чем в два раза того числа жизней, которые унесла первая мировая война.

Марксистско-ленинская методология отвергает попытки абсолютизации либо роли политического, либо роли военного фактора в «ограниченных» войнах, противопоставления двух неразрывно связанных элементов, в своем единстве определяющих сущность любой войны. Наша методология требует прежде всего раскрытия социально-политической, классовой сущности как ограниченных, так и мировых войн, анализа особенностей применяемых в них сил и средств, способов и форм военных действий, а также выявления их общественно-исторической роли, опасных социальных последствий. Только такой подход обеспечивает всестороннее познание сущности любой войны и дает народным массам верную ориентировку в борьбе за мир, против ограниченных авантур империализма.

По своей сущности локальные войны представляют собой одну из форм продолжения политики империализма насильственными средствами. Небольшие пространственные рамки, лимитированное применение сил и средств, ограниченные цели не меняют классовой сущности локальных войн, их взаимосвязи с политикой. Как и всякие захватнические войны, они воплощают в себе агрессивную политику, осуществляемую насильственными средствами. Их сущность проявляется в «дозированных» масштабах военных действий, в многообразных формах борьбы, подчиненных интересам политики империалистических государств. Со стороны народов и стран, став-

¹ UNESCO Yearbook on Peace and Conflict Studies, p. 148.

ших жертвами агрессии, локальные войны являются продолжением их освободительной политики, вооруженным противодействием империалистическим захватчикам.

Современные локальные войны по своей сущности и социальному характеру во многом схожи с локальными войнами прошлого. Вместе с тем эти войны обладают рядом специфических черт, отличающих их от прежних войн. Современные локальные войны имеют более сложное политическое содержание, в котором переплетаются классовые и национальные интересы, сочетаются элементы гражданских и национально-освободительных войн, вооруженного противоборства между империализмом и социализмом. В них возрастает роль народных масс, их влияние на ход и исход вооруженной борьбы. В странах-агрессорах эти войны неизбежно порождают движение протеста, обостряют социальные противоречия. Острые локальных вооруженных атак империализма направляется против сил мирового революционного процесса, в том числе против отдельных социалистических стран.

В наше время локальные войны подготавливаются, развязываются и ведутся в обстановке изменившегося соотношения сил на международной арене, в условиях сложившегося военно-стратегического равновесия между двумя социальными системами. Это определяет безысходность для империализма большинства «ограниченных» войн в социально-политическом и военном отношениях.

Новое соотношение сил в мире приводит к тому, что «ограниченная» война, развязанная империалистической державой и ее партнерами, становится для них тяжелой, кровопролитной, бесперспективной. Именно такой для американских империалистов и их пособников была война в Корее (1950—1953 гг.) — одна из первых крупных, «ограниченных» войн, развязанных американским империализмом в послевоенное время. Основным итогом этой

войны явился крах планов заокеанских агрессоров по захвату всей Кореи.

Поражением для империалистов закончилась и объединенная англо-франко-израильская агрессия против Египта в 1956 году, предпринятая в ответ на национализацию Суэцкого канала египетским правительством. Англо-франко-израильская агрессия вызвала глубокое возмущение прогрессивных сил во всем мире. В защиту Египта выступили Советский Союз и другие социалистические страны.

Победой алжирского народа, боровшегося за свободу и независимость своей родины, завершилась война в Алжире (1954—1962 гг.) против французских колонизаторов. Несмотря на превосходство в силах и средствах, французские захватчики не смогли подавить волю алжирского народа к сопротивлению. Не помогла французским колонизаторам и помощь империалистов США, Англии и ФРГ.

Безрезультатно закончилась американская авантюра в Карибском море в 1962 году. Империалистам США не удалось ни путем экономической блокады, ни путем вооруженной агрессии сломить героическую Кубу — первый бастион социализма в Западном полушарии. Борьба кубинского народа по отражению агрессии с самого начала приняла всенародный характер. Кубинский народ вел справедливую, освободительную борьбу при поддержке Советского Союза и всего социалистического содружества, всех прогрессивных сил мира. И американские империалисты вынуждены были отступить. Однако агрессивные происки против социалистической Кубы они не оставили и по сей день.

Бесперспективной для США оказалась их наиболее крупная и самая грязная война — во Вьетнаме (1964—1975 гг.). Вмешиваясь в дела Вьетнама, США преследовали цель: ликвидировать Демократическую Республику Вьетнам как один из социалистических форпостов в Юго-

Восточной Азии; использовать Вьетнам в качестве плацдарма для борьбы с национально-освободительным движением в других азиатских странах; обеспечить надежную опору на континенте для своих военно-воздушных и военно-морских баз, окружающих азиатский материк.

Несмотря на использование всех видов вооруженных сил — сухопутных войск, авиации, флота, а также новейшей боевой техники и оружия, в том числе химического, агрессоры оказались не в силах расправиться с социалистическим государством, задушить национально-освободительное движение народов Индокитая. Героизм и самоотверженность вьетнамского народа, соединенные с решительной поддержкой его странами социализма и прогрессивной общественностью всего мира, оказались сильнее вооруженных до зубов армий интервентов и их пособников.

Крахом для империалистов, южно-африканских расистов закончилась интервенция в Анголе в 1975—1976 годах. Империалистические державы, в первую очередь США, стремились сохранить Анголу после провозглашения ее независимым государством в сфере своего влияния. Едва родившись, это прогрессивное государство стало объектом иностранной интервенции. Отстаивая независимость, правительство Анголы обратилось к Советскому Союзу и другим социалистическим странам с просьбой о помощи в борьбе с интервенцией и контрреволюцией. Социалистические страны откликнулись на эту просьбу. И ангольский народ одержал победу, в достижении которой важную роль сыграла интернациональная помощь социалистических стран.

Крупной войной локального масштаба является израильская агрессия против арабских государств в 1967 году, опиравшаяся на широкую помощь империалистических держав, прежде всего США, и сионистских кругов за границей. Израильские войска в ходе войны нанесли серьезное поражение Египту, Сирии и Иордании, окку-

пировали Синайский полуостров, сектор Газы, Голанские высоты и территорию западнее реки Иордан. Благодаря решительной позиции и энергичным мерам Советского Союза и других социалистических стран Израиль вынужден был прекратить агрессию.

В октябре 1973 года произошла самая крупная вспышка арабо-израильской войны. Военные действия в ней велись регулярными вооруженными силами, оснащенными современной боевой техникой и оружием. Они приняли огромный размах, достигли небывалой интенсивности, сопровождались большими потерями военной техники и оружия. Воюющие стороны потеряли не менее 50 процентов танков и самолетов¹. История локальных войн не знает примера такой напряженности борьбы и таких огромных потерь в короткие сроки, какие дала эта война.

Летом 1982 года израильские агрессоры, вооруженные и поддерживаемые американскими империалистами, поразбойничьи вторглись в Ливан. Под покровительством США они совершали массовые убийства палестинцев и ливанцев, нагло нарушая нормы международного права, решения Совета Безопасности ООН. После ухода из Бейрута палестинских воинских формирований израильская военщина учинила там кровавую резню, уничтожая мирных палестинских жителей — женщин, стариков, детей. Ответственность за кровавое преступление в Ливане ложится на Израиль и Соединенные Штаты, на их стратегическое сотрудничество.

Введя свои войска в Ливан, США использовали их против ливанцев, чтобы силой оружия подавить борьбу за независимость, против кабального соглашения, навязанного Ливану Израилем и Соединенными Штатами. Американская авиация бомбила ливанские города и селения; орудия линкора «Нью-Джерси» сметали с земли то, что уцелело после налетов авиации; морские пехотинцы до-

¹ См.: Локальные войны. М., 1981, с. 161.

вершали процесс уничтожения и разрушения. Это еще одно свидетельство гегемонистских, авантюристических планов американского империализма и его пособников.

Отвратительными актами политики локального авантюризма США являются: их бандитская вооруженная агрессия против суверенного, независимого государства Гренада, совершенная в октябре 1983 года, агрессивные акции против Никарагуа, необъявленная война против Афганистана. Подобные деяния американского империализма увеличивают опасность того, что ограниченные очаги агрессии могут перерасти в глобальный конфликт со всеми его губительными последствиями.

Как показывают приведенные факты, несмотря на возрастающие трудности и бесперспективность использования военной силы для достижения агрессивных политических целей, милитаристские круги империалистических государств, и прежде всего США, не отказываются от концепции «ограниченных» войн, а пытаются реализовать ее на практике. Это обязывает миролюбивые народы всегда быть начеку, проявлять высокую бдительность и постоянную готовность сорвать коварные замыслы империалистических агрессоров.

По применяемым силам и средствам, способам военных действий «ограниченные» войны многообразны. В тех войнах, в которых с обеих враждующих сторон принимали участие регулярные вооруженные силы, использовались крупные массы войск, все виды вооружения и боевой техники, военные действия велись в форме операций и боев, сходных с операциями и боями второй мировой войны. В тех же «ограниченных» войнах, в которых со стороны агрессора действовали регулярные вооруженные силы, а со стороны жертвы агрессии — иррегулярные формирования, партизанские отряды, в борьбе с агрессором сочетались боевые действия войск со всенародным отпором интервентам.

Важная особенность «ограниченных» войн — неравен-

ство в соотношении сил воюющих сторон. Война является «ограниченной» для империалистического государства или группы государств, обладающих мощным экономическим и военным потенциалом, но для страны, подвергшейся агрессии и располагающей небольшими экономическими и военными возможностями, она является неограниченной, истребительной и разрушительной. Такая война требует от страны — жертвы агрессии предельного напряжения всех материальных и духовных ресурсов, а также помощи всех прогрессивных сил. В результате этого даже страны со слабыми военно-экономическими возможностями могут иметь оружие и боевую технику на уровне высокоразвитых в индустриальном и научно-техническом отношении держав.

Основную ставку в «ограниченных» войнах агрессоры делают на внезапность нападения, на новейшие виды боевой техники и оружия. О средствах, способах и формах ведения «ограниченных» войн с применением обычного оружия можно судить на примерах войн американского империализма против вьетнамского народа, израильских агрессоров против арабских государств, английских колонизаторов, поддержанных США, против Аргентины из-за Фолклендских (Мальвинских) островов в Южной Атлантике и т. д.

Материальное, военно-техническое превосходство в локальных войнах, как правило, на стороне вооруженных сил империалистических агрессоров, однако морально-политическое превосходство на стороне вооруженных сил народов и стран, борющихся за справедливые цели, за свою свободу и независимость. Это дает возможность национально-освободительным и патриотическим силам, опирающимся на поддержку своих народов, на помощь социалистического содружества, успешно противостоять империалистическим армиям, моральный дух которых снижается в ходе первых крупных неудач на фронте. Подтверждением может служить моральное состояние

личного состава американских вооруженных сил во время войны в Корее, во Вьетнаме и в других интервенционистских акциях США.

Важнейшая особенность современных «ограниченных» войн состоит в возросшей опасности перерастания их во всеобщую мировую войну. «Ограниченная» война выступает не противоположностью мирового вооруженного конфликта, а своеобразной репетицией к нему, его подготовительным звеном. Исторический опыт показывает, что локальные войны в прошлом служили прелюдией к мировым, ускоряли развязывание последних. Известно, что первой и второй мировым войнам предшествовали местные конфликты и локальные войны. В современных условиях эта тенденция стала еще более опасной. При нынешней сложной системе взаимных договорных обязательств между государствами внутри каждой общественной системы и стремительном развитии ракетно-ядерной техники «ограниченная» война с применением обычного оружия, в случае ее возникновения, может перерасти в мировую войну с применением обычного оружия или средств массового уничтожения.

Марксисты-ленинцы являются решительными противниками мировых и локальных империалистических войн. Они дают отпор их зачинщикам, делают все для того, чтобы преградить дорогу агрессии. Но марксисты-ленинцы поддерживали и будут поддерживать законные, справедливые, революционные локальные войны, в которых народы с оружием в руках борются за свою свободу и независимость, за социализм.

МОРАЛЬ И ПРАВО ПРОТИВ АМОРАЛИЗМА И БЕСПРАВИЯ

1. Мораль и война

Познание войны как исторического, общественно-политического явления — многогранный диалектический процесс. Оно складывается из ряда моментов: прежде всего из постижения ее сущности, раскрытия взаимосвязи применяемых в ней насильственных средств с политикой классов и государств, из анализа причин ее возникновения, закономерностей хода и исхода, исторической роли, социальных последствий. Важным элементом этого познания является определение социального, классового характера войны, в котором детализируется и конкретизируется ее сущность.

В социальном характере воплощается широкий спектр черт, признаков, сторон войны. Он аккумулирует в себя ее связи не только с политикой классов и государств, осуществляемой насильственными средствами, но и с иными многообразными общественными отношениями — моральными, правовыми, идеологическими и т. п. Ими определяется также влияние войны на социально-исторический процесс, на его ускорение или замедление, ее роль в этом процессе.

Знание социального характера дает возможность рассматривать войну с точки зрения ее коренных, сущест-

венных атрибутов — связи политики и насильственных средств, а также связей и отношений, образующих ее политическое и военно-техническое содержание. «С марксистской точки зрения,— писал В. И. Ленин,— необходимо в каждом отдельном случае, для каждой войны особо, определить ее политическое содержание»¹. Политическое содержание — это объективно сложившиеся политические отношения между классами, нациями, государствами, их коалициями; реальные противоречия и борьба между ними; политические цели, которые преследуются в войне. Наряду с политическим война имеет и военно-техническое содержание — вытекающие из политических целей задачи вооруженных сил, их боевые действия, специфика применяемых средств и способов, деятельность командования по руководству боями, сражениями, операциями, вооруженная борьба народных масс и т. п.

В отличие от сущности содержание представляет собой всю совокупность элементов, образующих войну. Поэтому понятие содержания по объему шире, чем понятие сущности. Сущность отражает существенное, общее, присущее всем войнам; содержание включает в себя как общее, так и особенное. Сущность — это устойчивое, менее подвижное, содержание — менее устойчивое, более подвижное, изменяющееся. Сущность войны как продолжения политики классов и государств насильственными средствами остается устойчивой на протяжении всего ее хода, а характер может меняться: из несправедливой, реакционной по своему социальному характеру война может превратиться в справедливую, прогрессивную, и наоборот.

Социальный характер предполагает прежде всего моральную оценку (осуждение или одобрение) войны, ее политического содержания, целей, а также используемых средств и способов их достижения. Мораль как форма

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 262.

общественного сознания обладает той особенностью, что ее категории носят оценочный, аксиологический характер. С помощью морали, ее категорий и принципов мы оцениваем с классовых позиций явления, процессы, события, деятельность и поступки людей и определяем свое положительное или отрицательное отношение к ним. Особое место в системе моральных категорий занимают справедливость и ее противоположность — несправедливость. Эти категории позволяют придать моральную окраску как политике, проводимой насильственными средствами, так и использованию этих средств, установить их соответствие или несоответствие общечеловеческим нормам морали, определить справедливый или несправедливый характер войны, осудить или оправдать ее.

Марксистское понимание социального характера войны, ее моральной оценки, критически вобрав в себя лучшие достижения человеческой мысли прошлого, представляет собой глубоко научную теорию, основанную на диалектико-материалистическом, классовом истолковании морали, ее специфики, роли нравственных оценок общественных явлений, в том числе войны. Как отмечал К. Маркс, «цель, для которой требуются неправо́вые средства, не есть правая цель...»¹. Особенно это касается наиболее жестоких и варварских средств ведения войны, противоречащих правосознанию народов, нормам морали, «простым законам нравственности и справедливости»². К. Маркс осуждал злоупотребление военными средствами, в частности, огнем. «...В войне рабов против их угнетателей, в этой единственной правомерной войне, какую только знает история, такие меры считают совершенно недопустимыми!»³ По его словам, Парижская коммуна пользовалась огнем как средством обороны в самом строгом смысле слова.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 65.

² См. там же, т. 16, с. 11.

³ Там же, т. 17, с. 362.

Основываясь на марксистских положениях, В. И. Ленин систематизировал, развил и углубил проблему моральной оценки войны, связал ее с правовой и классово-политической оценкой, создал учение о двух родах войн: справедливых, прогрессивных и несправедливых, реакционных, занимающее важнейшее место в марксистско-ленинской теории войны и мира. Характер войны, ее оценка, по В. И. Ленину, не могут быть правильно поняты и определены без изучения особенностей эпохи, ее основных противоречий и направлений социального прогресса, а также тех общественно-политических сил, которые определяют этот прогресс. В. И. Ленин подчеркивал, что «нельзя понять данной войны, не поняв эпохи»¹. Это важнейшее требование ленинской методологии определения социального характера войны, раскрытия ее классово-политического и морально-правового облика. Оно в полной мере относится и к анализу характера мира, его связи с конкретно-исторической обстановкой, сказывающейся на его социально-классовом и морально-правовом облике.

Социальный характер войны, ее верная оценка определяются, по В. И. Ленину, не добрыми пожеланиями, не «доброй волей» отдельных лиц и групп, даже народов, а *«реальной действительной политикой»*², объективным положением *«командующих классов во всех воюющих державах»*³. Социальный характер войны зависит прежде всего от того, какая политика продолжается в войне, чьи интересы и цели она преследует, каких классов и государств.

Социальный характер войны, следовательно, формируется под воздействием конкретной исторической обстановки, объективных условий, в которых она зарождается, возникает и ведется, под влиянием политики классов и

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 287.

² Там же, т. 31, с. 154, 159.

³ Там же, т. 27, с. 304.

государств. Он отражает в себе действительные, реальные процессы, происходящие в войне, их определенную социально-политическую направленность. Ввиду этого социальный характер войны приобретает конкретные черты и особенности, которые получают свое отражение в его классово-политической и морально-правовой оценке.

Таким образом, чтобы определить социальный характер войны, необходимо проанализировать и дать социально-политическую, классовую оценку ее политического содержания, ее политических целей, установить их соответствие или несоответствие объективным потребностям поступательного развития общества, интересам рабочего класса, трудящихся масс, прогрессивных сил. Безусловно, социально-политическая, классовая оценка войны является определяющей.

Наряду с социально-политической следует дать моральную оценку войне, нравственно обосновать, оправдать (либо осудить) ее характер, политические цели, преследуемые в ней, привести их в соответствие с этическими категориями и принципами. Моральная оценка носит классовый характер и помогает выработать верное понимание войны.

Социальный характер войны включает в себя также правовую оценку. Классы, нации и государства, участвующие в войне, стремятся не только политически и морально, но и юридически обосновать преследуемые ими политические цели и применяемые средства, одобрить или осудить их, опираясь на соответствующие правовые принципы, нормы, распространить на войну правовые оценки, придать ей законный, дозволенный, или противозаконный, недозволенный, преступный характер. Правовая оценка, как и моральная, имеет классовый характер и служит важным средством борьбы против империалистических, преступных войн.

Империалистические государства и их вооруженные

силы нарушают общепризнанные нормы, относящиеся к средствам и способам ведения войны, совершают разбойничьи акции, несовместимые с международным правом и человеческой моралью¹. Преступные цели империалистических войн определяют противозаконные средства и методы их ведения. И это не может не учитываться при определении характера империалистических войн. В. И. Ленин называл первую мировую войну «преступной, разбойничьей войной»². В декабре 1919 года он указывал также, что империалистические страны «вели войну против России самыми зверскими средствами, без малейшей тени законности»³.

К началу второй мировой войны в международном праве были закреплены принципы, осуждавшие методы вооруженной агрессии. Эти принципы были развиты после второй мировой войны. В декабре 1946 года первая сессия Генеральной Ассамблеи ООН единогласно приняла резолюцию, подтверждавшую принципы международного права, выдвинутые в материалах Нюрнбергского и Токийского трибуналов, в которых содержался перечень действий, квалифицированных как преступления против мира. Эти положения нашли дальнейшее развитие как в договорной практике государств, так и в деятельности Генеральной Ассамблеи и других органов Организации Объединенных Наций.

Генеральная Ассамблея ООН 15 декабря 1978 года приняла Декларацию о воспитании народов в духе мира. В ней говорится, что агрессивные войны, их планирование, подготовка и развязывание являются преступлениями против мира, которые запрещены международным правом⁴. Декларация Генеральной Ассамблеи ООН о предотвращении ядерной катастрофы, принятая 9 декаб-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 80.

² См. там же, т. 31, с. 53.

³ Там же, т. 39, с. 345.

⁴ См.: Правда, 1979, 21 мая.

ря 1981 года по инициативе Советского Союза и других социалистических стран, провозгласила, что государства и государственные деятели, которые первыми прибегнут к использованию ядерного оружия, совершат тягчайшее преступление против человечества. В ней подчеркивается, что никогда не будет ни оправдания, ни прощения тем государственным деятелям, которые приняли бы решение применить первыми ядерное оружие¹. 15 декабря 1983 года Генеральная Ассамблея ООН одобрила большинством голосов предложенную Советским Союзом Декларацию об осуждении ядерной войны. В ней решительно, безоговорочно и навсегда осуждена такая война как самое чудовищное из преступлений, которые могут быть совершены против народов. Государства — члены ООН должны также объявить преступными актами разработку, выдвижение, распространение и пропаганду политических и военных доктрин и концепций, призванных обосновать «правомерность» применения первыми ядерного оружия и «допустимость» развязывания ядерной войны². Все это создает морально-правовую основу для осуждения применения варварских средств и методов вооруженного насилия в решении спорных политических вопросов между народами.

Вместе с социально-политической и морально-правовой оценкой политических целей, средств и способов их достижения социальный характер воплощает в себе также оценку общественно-исторической роли каждой войны. Справедливая, законная по своему характеру война есть вместе с тем прогрессивная, освободительная. Справедливая, законная война играет прогрессивную, освободительную роль. В свою очередь, прогрессивная война — законна и справедлива. Марксизм, писал В. И. Ленин, «требуется исторического анализа каждой отдельной

¹ См.: Правда, 1981, 13 декабря.

² См. там же, 1983, 17 декабря.

войны, чтобы разобравшись, можно ли считать *эту* войну прогрессивной, служащей интересам демократии или пролетариата, *в этом смысле* законной, справедливой и т. п.»¹. Разумеется, степень справедливости и прогрессивности и соотношение этих двух сторон войн различных эпох неодинакова. В то же время несправедливая, незаконная война играет реакционную, захватническую, преступную роль. Она тормозит общественно-исторический прогресс, поступательное развитие человечества. «Все войны,— говорил В. И. Ленин,— которые являлись результатом хищнических стремлений царей и капиталистов, мы считаем преступными...»². В ленинских положениях воплощается единство политической, моральной и правовой оценок войны.

Буржуазные идеологи искажают социальный характер войны, ее моральную оценку. Это искажение принимает самые различные формы. Основной из них является нигилистическое отрицание возможности моральной характеристики войн. Сторонники такой ориентации объявляют этические положения «бессмысленными». С их точки зрения, понятия этики — это мифические представления, которые менялись при переходе от одной культуры к другой и поэтому не имеют критерия, не могут быть применены к оценке политики, войны и мира. В этом суть «этического нигилизма», пытающегося перечеркнуть понятие справедливости и тем самым морально обезоружить массы в их борьбе за правое дело социального и национального освобождения, за мир, против несправедливых войн.

Другой формой фальсификации моральной оценки войны является «этический формализм», субъективистское ее истолкование, превращение в чистую формальность, совершаемую по прихоти каждой воюющей стороны. Следуя концепции справедливой войны, уверяют за-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 82.

² Там же, т. 37, с. 71.

падные социологи, ведущий войну сам определяет, что справедливо, а что — нет. По мнению этих социологов, понятия «справедливая» и «несправедливая» война ничего в себе не содержат, так как никакое правительство не признает, что его страна ведет несправедливую войну, и поэтому надо от этих понятий отказаться, отбросить их. Доводы такого рода подчинены вполне определенной цели — поколебать сами устои, на которых зиждется справедливость и законность, разрушить ее основу, насадить «моральный анархизм». И все это делается для того, чтобы смазать качественное различие между справедливыми и несправедливыми войнами, огульно зачислить их в один ряд и таким способом обелить захватнические, противозаконные войны, подготавливаемые и развязываемые империалистическими агрессорами.

Стремясь опорочить деление войн по их социально-политическим и морально-правовым признакам, буржуазные идеологи представляют иногда дело так, будто бы в войне оба противника могут вести в одинаковой мере справедливую борьбу. Это, по существу, попытка обесценить понятие справедливой войны, уравнивать ее с несправедливой. Справедливость войны не может в равной мере относиться к обеим сторонам, хотя, как свидетельствуют факты истории, обе враждующие стороны в равной мере могут вести несправедливую войну. Это имело место, например, на всем протяжении первой мировой войны.

Вместе с тем значительная часть западных социологов придает важное значение моральной оценке войны. Однако эта оценка основывается ими на произвольных, умозрительных критериях, затушевывании ее социально-политической, классовой сущности. В подтверждение сказанного можно сослаться на книгу американского социолога Д. Ранкела «Этика». «Война как таковая есть монументальное зло, она является трагедией»¹, — гово-

¹ *Runkel G. Ethics.* N. Y., Tokyo, 1982, p. 425.

рится в книге. Для того чтобы войну нации А против нации Б признать справедливой, необходимо, по мнению автора, придерживаться следующих принципов: «1. Нация А атакована нацией Б или пришла на помощь нации С, которая подверглась нападению со стороны нации Б. 2. Война справедлива, если она объявлена, как принято, законной конституционной властью нации А. 3. Цель нации А отразить в ходе войны атаки нации Б и установить мир, справедливый для всех. 4. Нация А имеет разумную надежду на успех в отражении атаки и в установлении справедливого мира. 5. Нация А не может считать себя в безопасности без окончания войны. 6. Справедливые действия нации А в ведении войны против нации Б должны превосходить зло, причиняемое ведением войны. 7. Нация А не использует или обещает не использовать те средства ведения войны, которые сами по себе являются аморальными...»¹. Изложив эти требования к справедливой войне, Д. Ранкел приходит к выводу, что «любая война сегодня воплощает в себе колоссальное зло» и поэтому является «несправедливой»². Морально осуждая войну, автор вместе с тем перечеркивает выдвинутые им критерии определения характера войны, ставит в один ряд войны справедливые и несправедливые. Тем самым он дезориентирует читателей в их борьбе за мир, против несправедливых, империалистических войн.

Социальный характер, как и сущность войны, изменяется, развивается. В связи с глубокими изменениями в процессе войны ее политического содержания, целей, борющихся сил, средств и способов преобразуется социальный характер войн: справедливая война может перерасти в несправедливую, и наоборот.

Изменение социального характера В. И. Ленин показал на примере войн времен французской революции,

¹ *Runkel G. Ethics*, p. 462.

² *Ibid.*, p. 475.

которые начались как справедливые, национальные войны против коалиции контрреволюционных монархий, а затем превратились в несправедливые¹.

Изменение социального характера можно также проследить на примере второй мировой войны². Вторая мировая война, подобно первой, началась между империалистическими государствами как несправедливая со стороны обеих группировок капиталистических государств, неспособных мирным путем разрешить свои острейшие противоречия. Подготовка и развязывание этих войн — тяжчайшее преступление международного империализма, виновного в гибели десятков миллионов людей.

Именно империализм создавал благоприятные условия для формирования и укрепления военной машины фашистской Германии, надеясь с ее помощью уничтожить первое в мире социалистическое государство. Однако реакционно настроенные руководящие политики Запада недооценили остроту межимпериалистических противоречий. В облике кровавого фашизма на волю были выпущены такие разрушительные силы, которые стали представлять прямую угрозу и для тех, кто рассчитывал использовать их в своих интересах. Германский фашизм намеревался ради создания «тысячелетнего рейха» поработить народы европейского и других континентов; итальянские фашисты мечтали воссоздать «великую Римскую империю», а японские милитаристы рассчитывали стать господами «великой восточноазиатской сферы процветания». Эти агрессивные замыслы нашли свое отражение в стратегических планах генштабов государств, объединившихся в «антикоминтерновский пакт», в частности в гитлеровском плане «Барбаросса».

Однако в отличие от первой мировой войны, носившей несправедливый характер со стороны всех ее участни-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 5—6.

² Подробно об этом см.: История второй мировой войны, 1939—1945. М., 1982, т. 12, гл. I, II.

ков (кроме Сербии) на всем ее протяжении, вторая мировая война лишь в начальный период приняла несправедливый, захватнический характер с обеих сторон: и со стороны фашистской коалиции во главе с Германией, несущей главную ответственность за ее непосредственное развязывание, и со стороны англо-французских и американских правящих кругов, потворствовавших фашистской агрессии, направлявших ее против Советского Союза.

Польский народ, ставший жертвой фашистской агрессии, с первых дней войны вел справедливую, национально-освободительную борьбу против гитлеровских поработителей; причем он вел эту борьбу вопреки политике тогдашнего реакционного польского правительства, трусливо бежавшего из страны. Но героическая борьба польского народа не могла изменить несправедливый, империалистический характер начавшейся мировой войны, внести коренные перемены в направление борьбы между двумя империалистическими группировками.

Подобным образом обстояло дело с Сербией в первой мировой войне. Сербия вела справедливую, национально-освободительную войну против Австрии. Однако Сербия не могла изменить империалистического характера общеевропейской войны. Для Сербии, указывал В. И. Ленин, то есть какой-нибудь сотой доли участников мировой войны, война является продолжением политики буржуазно-освободительного движения, но для девяноста девяти сотых война есть продолжение империалистической политики¹. Ввиду этого первая мировая война характеризовалась В. И. Лениным как империалистическая, несправедливая, преступная на всем ее протяжении.

Будучи несправедливой со стороны обеих враждующих империалистических группировок на первом этапе,

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 240—241.

вторая мировая война стала постепенно превращаться в справедливую, освободительную, в великую битву народов против фашизма, за социальный прогресс. Процесс изменения характера второй мировой войны происходил прежде всего под воздействием усиливавшейся освободительной борьбы народов оккупированных стран против Германии и других фашистских государств, со стороны которых война на всем ее протяжении была несправедливой, грабительской, империалистической.

Определяющим фактором изменения характера второй мировой войны явилось вступление в вооруженную борьбу Советского Союза после нападения на него гитлеровской Германии. Этим был завершен процесс формирования социального характера второй мировой войны, превращения ее из империалистической, захватнической, несправедливой в справедливую, освободительную, антифашистскую войну со стороны государств, противостоявших фашистскому блоку. С данного времени война приняла форму острейшего классового противоборства двух общественных систем — социализма и капитализма. Советско-германский фронт стал главным, решающим театром второй мировой войны. Характер войны стал определяться участием в ней первого в мире социалистического государства, сыгравшего главную, решающую роль в разгроме немецкого фашизма и японского милитаризма.

Таким образом, социальный характер второй мировой войны определялся, с одной стороны, в высшей мере несправедливыми, империалистическими, захватническими целями государств фашистского блока, варварскими, каннибальскими способами и средствами ее ведения; с другой стороны, он определялся справедливой, освободительной борьбой народов и стран антигитлеровской коалиции, во главе которой стояло социалистическое государство. Справедливый характер войны способствовал объединению противников фашизма в национальном и международном масштабе, мобилизации материальных и ду-

ховных сил антифашистской коалиции для борьбы с агрессором и победы над ним.

Социальный характер второй мировой войны, как и другие ее стороны, подвергается искажениям со стороны буржуазных философов, социологов и историков. В США выпущено свыше 100 томов, в Англии — свыше 80 томов, в Японии — 96 томов, в ФРГ — 10 томов официальной истории второй мировой войны¹. В этой литературе фальсификация ведется по следующим основным линиям. Во-первых, маскируются истоки второй мировой войны, всячески оправдывается предвоенная политика империалистических государств. В то же время извращается предвоенная политика Советского Союза. Вследствие этого подтачиваются объективные основы определения социального характера второй мировой войны. Во-вторых, искажается картина хода второй мировой войны: на первый план выдвигаются второстепенные операции, главные операции замалчиваются. Особенно преувеличивается значение второго фронта в Европе, начало созданию которого положила запоздалая высадка англо-американских войск во Франции 6 июня 1944 года. Дело изображается так, будто он явился решающим фактором победы. Тем самым принижается решающая роль советского народа и его армии в разгроме фашистской Германии и милитаристской Японии.

Однако фальсификаторам не удалось и не удастся извратить правду истории. Именно на советско-германском фронте происходили главные события второй мировой войны. Здесь до лета 1944 года действовало 92—95 процентов сухопутных войск фашистской Германии и ее сателлитов, а затем от 74 до 65 процентов. На советско-германском фронте враг понес три четверти всех своих людских потерь, была уничтожена основная масса его военной техники. Это привело к краху гитлеровской

¹ См.: История второй мировой войны. 1939—1945, т. 12, с. 415.

Германии, явилось концом бредовых планов и злодеяний фашистских маньяков на пути к мировому господству.

Таким образом, социальный, классовый характер войны — сложное, изменяющееся понятие, содержание которого нельзя свести ни к только социально-политической, ни к только морально-правовой оценкам. Это комплексная классово-политическая и морально-правовая характеристика войны, расширяющая границы познания ее сущности, форм проявления, исторической роли. Подобная характеристика не является произвольной, субъективной конструкцией. Она имеет объективное содержание.

Выявление социального характера войны и мира, классово-политическая и морально-правовая их оценка имеют важное теоретическое и практическое значение. В соответствии с этим вырабатывается стратегия и тактика марксистско-ленинских партий. Формируется отношение народных масс — вершителей судеб всех крупнейших общественно-политических событий — к каждой конкретной войне, намечается линия их поведения и действия, определяется программа борьбы за справедливый, демократический мир¹, против опасности новой мировой войны.

2. Справедливость в войне — побеждающий фактор

Раскрытие сущности и социального характера войны и мира позволяет сделать первый шаг в области классификации этих явлений, деления многочисленных войн и различных состояний мира на роды, типы и виды. Без подобной классификации бесчисленное количество войн, заполняющих историю эксплуататорского общества, а

¹ См.: В. И. Ленин, КПСС о борьбе за мир. М., 1980, с. 21, 30.

также многообразные состояния мира оказались бы трудно познаваемыми. С помощью же классификации войны и состояния мира располагаются в исторической последовательности, приводятся в определенную систему. Это облегчает их изучение. Попытки обоснования такого рода классификации предпринимались уже античными мыслителями, затем философами средневековья, позже — буржуазными идеологами нового времени и последующими поколениями домарксистских социологов. Но подлинно научный характер она приняла лишь в марксистско-ленинской теории войны и мира.

В качестве основания для научной классификации войн марксизмом-ленинизмом берутся не случайные, а существенные, коренные признаки, присущие войнам: обусловленность их эксплуататорским способом производства, основанном на частной собственности, их связью с характером эпохи, с политикой, моральными и правовыми отношениями классов и государств, с особенностью применяемых сил и средств, с общественным прогрессом и т. п. Именно эти признаки, в своей совокупности определяющие сущность и социальный характер войн, лежат в основе их классификации.

Социально-политические и морально-правовые критерии деления войн на справедливые, прогрессивные и несправедливые, реакционные определены В. И. Лениным. «Законность и справедливость с какой точки зрения? — писал он, имея в виду войну. — Только с точки зрения социалистического пролетариата и его борьбы за свое освобождение; другой точки зрения мы не признаем. Если войну ведет класс эксплуататоров в целях укрепления своего господства, как класса, это — преступная война... Если войну ведет пролетариат, победивший у себя буржуазию, ведет в интересах укрепления и развития социализма, тогда война законна и «священна»¹. В. И. Ле-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 292.

нин указывал также, что основой определения характера войны служат «интересы международного движения пролетариата...»¹.

В зависимости от сущности и социального характера войны подразделяются на два рода: войны справедливые, прогрессивные и войны несправедливые, реакционные. В. И. Ленин писал: «...бывают войны справедливые и несправедливые, прогрессивные и реакционные, войны передовых классов и войны отсталых классов, войны, служащие закреплению классового гнета, и войны, служащие к его свержению...»² Эта классификация сохраняет свое значение и для современности.

В высшей мере справедливый, прогрессивный характер имеют войны в защиту социалистических Отееств. Эти войны существенно отличаются от всех других справедливых, прогрессивных войн. Это — подлинно справедливые, законные, прогрессивные и революционные войны. Их цель — защита передового общественного и государственного строя, свободы и независимости социалистических Отееств. Наряду с классовыми и национальными они решают также интернациональные задачи, отвечающие коренным интересам трудящихся масс.

Именно такой, в высшей степени справедливой, прогрессивной, освободительной, была Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 годов против фашистской Германии и ее союзников, стремившихся лишить народы нашей страны свободы и независимости, поработить и истребить их, ликвидировать первое в мире социалистическое государство. Она является важнейшей частью второй мировой войны 1939—1945 годов. Великая Отечественная война была самым трудным и самым героическим периодом в истории СССР.

Нанеся сокрушительное поражение врагу, советский народ и его Вооруженные Силы под руководством Ком-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 195.

² Там же, т. 38, с. 337.

мунистической партии отстаивали свободу и независимость социалистической Родины, защитили дело Великого Октября. Они внесли решающий вклад в победу над фашистской Германией и ее союзниками, в освобождение народов Европы от фашистского рабства, в спасение мировой цивилизации, с честью выполнили свой патриотический и интернациональный долг. В этом их величайшая заслуга перед человечеством¹.

К справедливым, прогрессивным войнам современной эпохи относятся и гражданские войны со стороны пролетариата, трудящихся масс против буржуазии, за государственную власть. Они характеризуются крайней ожесточенностью и своеобразием способов и форм вооруженной борьбы. «...Гражданская война,— писал В. И. Ленин,— отличается от обыкновенной войны неизмеримо большей сложностью, неопределенностью и неопределимостью состава борющихся — в силу переходов из одного лагеря в другой... в силу невозможности провести грань между «комбатантами» и «некомбатантами», т. е. между числящимися в рядах воюющих и нечислящимися»².

В гражданскую войну нередко вмешиваются внешние силы. Например, во время гражданской войны в России 1918—1920 годов вмешательство внешних сил приняло форму открытой военной интервенции капиталистических государств под фальшивым предлогом защиты «законного порядка» — восстановления капитализма. Такого рода вмешательство внешних реакционных сил в ход гражданских войн имело место в других странах в предвоенные и послевоенные годы. В то же время народ, борющийся за свободу, не остается одиноким. Социалистические страны оказывают действенную помощь трудящимся мас-

¹ См.: Постановление ЦК КПСС «О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов». — Правда, 1984, 17 июня.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 72—73.

сам в их борьбе с внутренней реакцией и империализмом.

Основоположники научного коммунизма не раз указывали на то, что рабочий класс и его партии предпочитают мирные формы политической борьбы и взятия власти. Однако реакционные классы препятствуют мирному переустройству общества и вынуждают братья за оружие. Это означает, что победа нового общественного строя не связана раз и навсегда с какой-либо строго определенной формой борьбы. Такая победа зависит от конкретной исторической обстановки, соотношения сил внутри страны и на международной арене.

Справедливыми, прогрессивными являются также национально-освободительные войны народов колониальных, зависимых или освободившихся от колониального гнета стран против колонизаторов и внутренней реакции. Они ведутся народами Азии, Африки и Латинской Америки за государственный суверенитет, за свободное независимое развитие, а также против попыток империалистических агрессоров насадить неоколониалистские режимы в молодых национальных государствах. Национально-освободительные войны нередко переплетаются в нашу эпоху с национально-освободительными революциями. Справедливость и законность национально-освободительных войн определяются их политическими целями, направленностью против империалистического гнета.

Справедливые войны приводят к освобождению трудящихся от социального гнета, эксплуатации, а поработанных народов — от чужеземного ига, к завоеванию национальной независимости. Эти войны способствуют утверждению новых, более прогрессивных экономических, производственных отношений, более передовых, совершенных форм общественного и государственного устройства. Поэтому они играют прогрессивную роль в истории.

Прямой противоположностью справедливым являются несправедливые, империалистические войны, уходящие

корнями в капиталистическую систему. По своей сущности и социальному характеру это преступные, захватнические, грабительские войны за передел мира и установление над ним господства. Они глубоко реакционны, враждебны общественному прогрессу. Подобные войны нужны только монополистам для захвата чужих территорий, ограбления и порабощения народов.

Несправедливой, империалистической со стороны обеих враждующих группировок была на всем ее протяжении первая мировая война 1914—1918 годов. В. И. Ленин писал, что это «война между двумя группами разбойнических великих держав из-за дележа колоний, из-за порабощения других наций, из-за выгод и привилегий на мировом рынке»¹.

Марксистско-ленинские воззрения на социальный характер войны подвергаются злостным фальсификациям со стороны буржуазных, реформистских и ревизионистских идеологов. Эти идеологи искажают классово-политическую и морально-правовую оценку войн, деление их на справедливые, прогрессивные и несправедливые, реакционные. Они пытаются снять с несправедливых войн отрицательную классово-политическую и морально-правовую характеристику, затушевать их реакционную общественно-историческую роль, уравнивать их с войнами справедливыми, прогрессивными, оправдать таким приемом реакционное насилие.

Примером могут служить рассуждения американского военного писателя С. Поссони, содержащиеся в его работе о виновниках первой и второй мировых войн. В ней автор заявляет, что различие между справедливой и несправедливой войной будто бы «остается искусственным» и что с точки зрения морали и права вообще «не может быть справедливых войн». Этот идеолог милитаризма оспаривает ленинское учение об освободительной войне как

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 1.

справедливой по своему характеру. Вопрос о том, утверждает С. Поссони, какая война справедлива, решается в конечном счете «трибуналом оружия»¹. В обществе, по его милитаристской логике, господствует военная сила, а не справедливость. Подобного рода концепция превращает войну в зверскую вооруженную схватку, в которой аморализм возводится в норму поведения и действия.

Американский военный писатель Р. Такер в книге «Справедливая война» стремится обосновать «американскую» концепцию «справедливой войны», по сути своей сходную с другими агрессивными доктринами США. Ссылаясь на официальное объяснение причин атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, данное правительством Г. Трумэна, Р. Такер оправдывает этот акт вандализма необходимостью «возмездия», стремится морально реабилитировать подобные методы вооруженного насилия. «Моральный индифферентизм» в оценке войны, по мнению Р. Такера, является результатом «моральной уверенности»².

В этих высказываниях выражена человеконенавистническая суть «американской» концепции «справедливой войны», которая получила воплощение в официальных доктринах «прямого противоборства США и СССР», «ограниченной» ядерной войны и т. д. Эта концепция открыто проповедует ядерное насилие, аморализм и беззаконие в международных отношениях, подводит «этический фундамент» под агрессивную политику и стратегию США и их союзников по агрессивным блокам.

Ссылаясь на этический индифферентизм и релятивизм, идеологи-милитаристы призывают отбросить устаревшую «традиционную мораль» и перейти к «высшей морали», которая бы отвечала требованиям ядерного века. Эти идеологи насаждают взгляды, что любая война, ко-

¹ Rossony S. Zur Beweltigung der Kriegsschuldfrage. Köln etc., 1968, S. 38.

² Tucker R. The Just War. Baltimore, 1960, p. 48, 75.

тую готовят и ведут Соединенные Штаты и их партнеры, является будто бы «справедливой войной», войной добра, носителями которого предстают США, против зла, воплощенного якобы в Советском Союзе. Они усиленно рекламируют американскую концепцию «справедливой войны», признающую «справедливыми» и «законными» не только локальные войны с применением обычного оружия, но также мировую и «ограниченную», «затяжную» и «звездную» ядерную войну, подготавливаемую империализмом против СССР, социалистических стран, свободолюбивых народов.

Среди населения и личного состава вооруженных сил США и других натовских стран концепция «справедливой войны» насаждается как соответствующая религиозным представлениям этих людей. Только война, ведущаяся в интересах веры, в защиту «религиозных ценностей», объявляется морально оправданной, справедливой. Сторонники теологической концепции, тесно связанные с милитаристскими кругами НАТО, пытаются морально оправдать необходимость применения ядерного оружия для борьбы с безбожным коммунизмом и атеизмом.

С нападками на концепцию справедливой войны выступают пацифисты. Они осуждают всякую войну, не признают правомерности справедливых, освободительных войн. Главное средство предотвращения войн, утверждают пацифисты,— это осуждение их аморального характера. Американский социолог А. Макинтайер пишет: «...ни одна современная война не может быть справедливой, и все мы теперь должны быть пацифистами»¹. Подобных взглядов придерживаются и другие идеологи-пацифисты, прославляющие принцип ненасилия как единственный путь достижения всеобщего мира. Такие взгляды крайне противоречивы: положительным в них, несомненно, является осуждение вооруженного насилия, войны, но, от-

¹ MacIntyre A. *After Virtue*. Notre Dame, Indiana, 1981, p. 6.

вергая всякое насилие, в том числе революционное, сторонники этих взглядов, по существу, обезоруживают народные массы в их антивоенной борьбе, направленной против агрессивной политики империализма, против подготовки им ядерной войны.

Широко используется империалистической реакцией сионистская концепция «священной войны», базирующаяся на догмах Ветхого завета. Она предписывает воинам Израиля идти в бой и приносить себя в жертву богу Ягве, который будто бы ниспосылает войны и в завоевании победы способствует израильтянам — «избранному народу»¹. Опираясь на эту концепцию, израильская буржуазия ведет интенсивную идеологическую обработку солдат своей агрессивной армии, которая совершает кровавые преступления против соседних народов.

В последнее время буржуазные идеологи пытаются всеми способами дискредитировать марксистско-ленинское понимание справедливых и несправедливых войн. В книге «Справедливая война», подготовленной западно-германскими политологами, говорится об «опасности марксистско-ленинской теории справедливой войны»² и всячески искажается ее суть, ее значение. Работы других буржуазных идеологов, политических и военных деятелей точно так же изобилуют нападками на марксистско-ленинскую теорию, которая будто бы не признает «никаких моральных препятствий для достижения целей с помощью вооруженных сил». Это гнусная клевета, рассчитанная на то, чтобы очернить наше понимание справедливой войны, опорочить ее высокогуманные цели, переложить вину за военные преступления, совершаемые империалистическими агрессорами, на их противников.

Вместе с тем буржуазные идеологи для дискредитации морально-политической оценки войны используют

¹ *Swaim J.* War, Peace and Bible. N. Y., 1983, p. 16.

² *Der gerechte Krieg.* Frankfurt am Main, 1980. S. 173.

глубокие изменения, происшедшие в военном деле. Новая техника, уверяют они, «разрушила смысл войны», «лишила войну ее политического содержания», привела к освобождению оружия от опеки политики. И к такой войне, по мнению этих идеологов, неприменимы моральная и правовая ее оценки, деление войн на оборонительные и захватнические, на справедливые и несправедливые. Американский социолог М. Уалзер в книге «Справедливые и несправедливые войны» утверждает: «Ядерное оружие подорвало теорию справедливой войны»¹. С такими же доводами выступают и другие западные философы и социологи. Они согласны признать, что положение о войнах справедливых и несправедливых применимо к войнам, которые ведутся с помощью обычного оружия, но к ядерной войне это положение якобы неприменимо, так как справедливой такая война не может быть ни с чьей стороны ввиду ее разрушительного характера. В книге «Этика и ядерное устрашение» говорится, что «всеобщая ядерная война между Советским Союзом и Западом была бы аморальной...»². В этих доводах отражается понимание западными идеологами исключительной опасности мировой ядерной войны. Но сами эти доводы — односторонни и потому ошибочны, они маскируют различие между ядерным агрессором и силами, противодействующими агрессии, помогают империалистическим кругам обманывать массы, готовить их к ядерной войне локального и мирового масштабов.

Софизмы и построения идеологов буржуазии, специализирующихся на опровержении ленинского учения о справедливых и несправедливых войнах, рушатся при соприкосновении с реальными фактами, с действительностью. Ленинское учение, имеющее под собой незыблемую научную базу, играет исключительно важную

¹ Walzer M. Just and Unjust Wars. Penguin Books, 1980, p. 282.

² Ethics and Nuclear Deterrence. Ed. by G. Goodwin. London and Canberra, 1982, p. 94.

мировоззренческо-методологическую роль. Оно вооружает правильным пониманием социального характера прошлых и современных войн, дает верную ориентировку в практической деятельности народных масс, коммунистических и рабочих партий, направленной на предотвращение военной опасности, сохранение мира.

Выяснение социального характера войны, ее моральное осуждение или одобрение позволяют определить отношение народных масс к войне. Современные войны втягивают в свою кровавую орбиту многомиллионные людские контингенты, в них необычайно возросла роль морального фактора. Степень активности народных масс в тылу и на полях сражений зависит от социального, классового характера войны, ее справедливости или несправедливости. Если в несправедливых, реакционных войнах нельзя надеяться на энтузиазм народов и личного состава вооруженных сил, то в справедливых, освободительных войнах, напротив, воля к борьбе и моральная стойкость масс людей исключительно высока. Убеждение в справедливости войны, указывал В. И. Ленин, поднимает дух солдат и заставляет их переносить неслыханные тяготы¹. В. И. Ленин также подчеркивал, что в гражданской войне «наш пролетариат, слабый своей малочисленностью, измученный бедствиями и лишениями, победил, так как он силен своей моральной силой»². Эти силы пролетариат черпал в справедливых, прогрессивных целях борьбы.

Справедливый, освободительный характер Великой Отечественной войны Советского Союза против германского фашизма и японского милитаризма точно так же служил одним из могучих источников моральной мощи советских людей, проявивших себя богатырями духа в тылу и на полях сражений. Великая Отечественная война

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 121.

² Там же, т. 43, с. 135.

убедительно продемонстрировала монолитное единство партии и народа, нерушимость союза рабочего класса, колхозного крестьянства и трудовой интеллигенции, дружбы и братства народов СССР.

В соответствии с характером войны вырабатывается тактика марксистско-ленинских партий, которые осуждают войну между народами как варварское и зверское дело. «...Война,— говорил В. И. Ленин,— вообще противна стремлениям партии коммунистов»¹. Но отношение коммунистических и рабочих партий к войнам принципиально иное, чем буржуазных пацифистов.

Признавая законность справедливых, освободительных войн, марксисты-ленинцы поддерживают войны в защиту завоеваний народов от империалистической агрессии, за национальное освобождение, войны революционных классов, в то же время они решительно выступают против несправедливых, империалистических войн.

Раскрытие социального характера войн, деление их на справедливые и несправедливые приобретает особое значение для научного изучения истории, для определения позиций рабочего класса, трудящихся масс, марксистско-ленинских партий к прошлому, для формирования революционных и боевых традиций, для борьбы за социальный прогресс и справедливость, свободу и независимость народов.

Верное понимание социального характера войн в защиту социалистических Отечеств, осознание их справедливого, прогрессивного, освободительного характера обязывает советских людей относиться к защите своей Родины, укреплению обороноспособности, службе в Вооруженных Силах СССР как к священному долгу, первой гражданской обязанности. Советские люди, как постоянно подчеркивается в выступлениях руководителей КПСС и Советского государства, хотят не наращивания

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 470.

вооружений, а их сокращения с обеих сторон. Но это обязывает заботиться о достаточной безопасности своей страны, ее друзей и союзников. Это и делается. И пусть знают все, что никаким любителям военных авантур не удастся застать нас врасплох, никакой потенциальный агрессор не может надеяться избежать сокрушительного ответного удара.

Марксистско-ленинский анализ социального характера войн, их верная оценка являются важнейшим средством разоблачения современных буржуазных, реформистских и ревизионистских идеологов, фальсифицирующих социальный облик войн, их деление на справедливые и несправедливые и помогающих милитаристам обманывать народные массы, толкать их на путь вооруженной борьбы ради интересов монополистического капитала.

На мир, как и на войну, распространяются классово-политическая, моральная и правовая оценки, рассмотрение его с позиций социального прогресса. В зависимости от этого все многообразные состояния мира разделяются на мир справедливый, демократический, прогрессивный. Задачи борьбы за такой мир — мир без аннексий и контрибуций — были сформулированы в ленинском Декрете о мире. Этому роду мира противостоит несправедливый, антидемократический, реакционный мир, основанный на отношениях господства и подчинения, социальном и национальном угнетении. Подобный мир характерен для стран капитала.

Такое деление вооружает народные массы верным пониманием сути многообразных состояний мира, их качественного различия между собой и служит руководством в борьбе за справедливый, демократический, всеобщий мир на земле, против мира несправедливого, империалистического, насильственного, прерываемого кровопролитными войнами и вооруженными конфликтами.

3. Многообразие войн и состояний мира

Деление войн и различных состояний мира на справедливые, прогрессивные и несправедливые, реакционные — важнейшее звено их научной классификации. Это деление дополняется и углубляется определением типов войн. В. И. Ленин считал «ошибочным теоретически и вредным практически не различать типов войн»¹. Разделение войн по типам связано с известными трудностями. Дело в том, что каждая война имеет свои особенности, отличающие ее от других войн. Более того, войны одного типа часто переплетаются с войнами другого и редко выступают в чистом виде. Все это осложняет группировку войн по типам.

Под типом понимается определенная группа войн, сходных по некоторым общим для них специфическим признакам. Так, всей группе гражданских войн, происходящих внутри эксплуататорских государств, присущи некоторые общие существенные черты, которые позволяют отграничить их от войн другой группы (например, между империалистическими государствами) и объединить в один тип.

Эксплуататорские формации породили многообразные исторические типы войн. К ним относятся типы войн рабовладельческого общества: войны рабовладельческих государств против племен, находившихся на более низкой стадии общественного развития, войны между рабовладельческими государствами, восстания рабов. Для феодализма были характерны следующие типы: войны между феодальными государствами, крестовые походы, войны между феодалами, крестьянские войны, войны против иноземных захватчиков, войны — восстания городов.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 118.

В эпоху домонополистического капитализма существенное место занимали национально-освободительные войны, войны народов за свое освобождение и образование национальных государств. В эту эпоху «одним из типов войн,— писал В. И. Ленин,— были войны буржуазно-прогрессивного, национально-освободительного характера»¹. Главным содержанием и историческим назначением таких войн было свержение абсолютизма и феодализма, подрыв их, избавление от гнета поработителей. Эти войны содействовали консолидации наций и образованию буржуазных национальных государств. В них, однако, имелись элементы грабежа и завоеваний чужих земель, что создавало возможность превращения их в реакционные, захватнические войны.

Особый тип образовали колониальные войны, проходившие в то время и сыгравшие крайне реакционную роль. В результате колониальных войн, происходивших в XVII—XVIII веках, возникли огромные колониальные империи крупных капиталистических держав Европы, создана колониальная система империализма. Многие народы мира были лишены политической самостоятельности, обречены на колониальное рабство, на экономическую и культурную отсталость.

Отдельный тип составляли освободительные войны народов колоний и зависимых стран против своих угнетателей. Эти войны были направлены против колониального ига, против грабежа, разорения, эксплуатации со стороны капиталистических хищников.

В XVIII—XIX веках наряду с крестьянскими войнами против феодально-крепостнической эксплуатации происходили войны за национальное воссоединение, за возвращение ранее отторгнутых национальных территорий; войны и восстания пролетариата против буржуазии.

Империализм резко обострил все противоречия капи-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 312.

талистического общества, породил войны различных типов, наложил на них свой отпечаток, расширил их масштабы, придал им истребительный и разрушительный характер. Самым распространенным типом войн этой эпохи являются империалистические, несправедливые с обеих сторон войны между крупными державами за передел мира, за захват новых территорий, новых рынков сырья, сбыта, приложения капиталов. «Для империалистской эпохи,—писал В. И. Ленин,—типичны именно такие войны между «великими» державами...»¹ К ним относится первая мировая война 1914—1918 годов, возникшая в результате резкого нарушения соотношения сил империалистических держав. Это была несправедливая, реакционная война в интересах монополий, которые наряду с устранением или ослаблением своих конкурентов преследовали также цель удушения нараставшей пролетарской революции и национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах. Несправедливыми были также многочисленные империалистические войны локального масштаба.

Вместе с тем происходили колониальные войны. Они велись империалистическими государствами против народов Африки, Азии и Латинской Америки. В. И. Ленин подчеркивал, что история XX века «полна колониальных войн»². С их помощью империалистические державы стремились расширить колониальные владения, превратить их в сферы вывоза капитала, в источники получения максимальных прибылей.

В этот период имели место национально-освободительные войны народов колоний и зависимых стран против колонизаторов за свободу и независимость. К этому типу войны следует отнести также восстания угнетенных народов. «Если возможны национальные восстания при

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 152.

² Там же, с. 132.

империализме,— писал В. И. Ленин,— то возможны и национальные войны. Никакой серьезной разницы между тем и другим в политическом отношении нет»¹. Национально-освободительные войны справедливы и прогрессивны по своему характеру. Они ослабляют империализм, облегчают борьбу пролетариата за социализм.

В результате крайнего обострения противоречий между трудом и капиталом в эпоху империализма в огромной мере усиливаются масштабы, напряженность и сфера распространения войн, возникают гражданские освободительные войны пролетариата против буржуазии. Со стороны пролетариата, трудящихся масс они носят прогрессивный, революционный характер, ибо ведут к освобождению от гнета капитала, уничтожают отжившие буржуазные порядки, расчищают почву для социалистического строя. Гражданские войны часто сливаются с войной против иностранной империалистической интервенции.

Таким образом, марксистско-ленинская классификация войн основана на всестороннем конкретно-историческом подходе к войнам, на выделении социально-экономических и классово-политических характеристик и критериев в качестве исходных, определяющих оснований для группировки войн по различным типам.

Буржуазные теоретики выдвигают надуманные, произвольные схемы классификации войн, в основе которых лежат идеализм, метафизика, софистика, неверное понимание сущности войны, ее социального характера, общественной роли. В этом отношении весьма характерен неоднократно издававшийся двухтомный труд американского социолога и правоведа Квинси Райта «Изучение войн». Автор пытается построить свою классификацию войн. Он выделяет четыре типа прошлых войн. Первый тип, по его мнению, образуют войны между животными.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 115.

Это войны, основанные на применении насилия одного вида животных против другого или против членов данной группы. Второй тип составляют войны между «примитивными народами». Эти войны, по словам Квинси Райта, будто бы «были важнейшим фактором развития культуры». Третий тип представляют «исторические войны» между цивилизованными народами, обладавшими письменностью. Причины их автор видит в привычке к жестокости, к агрессивности, в военной морали, политическом деспотизме. Наконец, в четвертый тип входят войны, ведущиеся высоко развитыми нациями с применением техники и оружия¹.

Что касается современных войн, то они также подразделяются Квинси Райтом на четыре типа: «1) гражданская война, происходящая в границах суверенной нации; 2) война «баланса сил», в которой члены государственной системы ведут борьбу между собой; 3) оборонительная война, в которой действия ведет цивилизация против вторжения чужой культуры; 4) «имперская война», в которой одна цивилизация пытается покрыть военные расходы за счет другой»². Такого рода классификации придерживаются и другие западные исследователи, в частности американские социологи Д. Сингер, М. Смолл и Д. Крафт в изданной ими работе о войнах³.

Такая типология войн базируется на ложном абстрактно-метафизическом понимании сущности войн, их социального характера, причин возникновения. Авторы эти смазывают качественное различие между конфликтами в животном мире и человеческом обществе, стирают качественную грань между бесклассовым и классовым обществом, принципиальное различие между вооруженными столкновениями первобытного общества и войнами антагонистических формаций. Делается это для того,

¹ Wright Q. Study of War. Chicago, 1965, p. 20, 50.

² UNESCO Yearbook on Peace and Conflict Studies, p. 140.

³ Ibidem.

чтобы увековечить войну, беспредельно расширить исторические рамки ее существования, изобразить ее неискоренимым явлением в жизни общества. Классовое назначение этой апологетической классификации войн не вызывает сомнения.

Подобным социальным заказом руководствуется и другой буржуазный теоретик — американский социолог Г. Спайер в работе «Социальные типы войны». В основу своей группировки он кладет способы уничтожения противника, выделяя сообразно с этим три типа войн. К первому из них автор относит «абсолютные войны», которые являются, по его мнению, неограниченными, ведутся до полного уничтожения противника. В пределах этого типа, утверждает Спайер, не существует различия между «хорошей» и «грязной», справедливой и несправедливой войной. Второй тип — это «инструментальные войны» ради завоевания страны противника и извлечения экономической выгоды. Третий тип — «поединки» во имя «славы и справедливости»¹. Нетрудно заметить, что и в этой классификации обходятся стороной или неверно толкуются вопросы об экономических корнях, классово-политической сущности, социальном характере, исторической роли войн, их месте в общественном прогрессе.

Произвольный подход к классификации войн характерен и для иных буржуазных социологов. Например, американский социолог Э. Луард в работе «Конфликт и мир в современной международной системе» подразделяет войны на четыре типа. Первый тип — захватнические войны, преследующие цель завоевания чужой территории. Второй тип — объединительные войны, в которых завоевывается территория с населением, близким по национальному составу с завоевателем. Третий тип — стратегическая война, ведущаяся с целью улучшения

¹ Krieg und Frieden im industriellen Zeitalter. Gutersloh, 1966, S. 240—243.

стратегического положения. Четвертый тип — вынужденная война. Американский социолог Д. Розенау выдвигает свою группировку, основу которой составляют три типа войны: персональные войны, ведущиеся ради захвата государственной власти (к ним относятся многие государственные перевороты); войны за власть, за иное ее устройство; структурные войны, в которых ведется борьба за иную социальную и экономическую структуру общества¹. И эта классификация лишена прочного объективного основания, так как строится без учета коренных социально-экономических и классово-политических характеристик войн. Такая группировка не имеет научной ценности и предназначена для обмана народных масс, их идеологической обработки.

Для ряда представителей современной буржуазной военно-теоретической мысли характерна фетишизация роли количественных методов в изучении общественных явлений, в том числе войны. В основу классификации в данном случае кладутся только количественные характеристики. Английский социолог и математик Л. Ричардсон тридцать лет посвятил математическому исследованию войны, ее количественных связей и отношений. В труде «Статистика смертоносных конфликтов» он положил в основу классификации войн чисто количественные данные — число жертв. Им разработана «логарифмическая шкала», в каждое из семи делений которой входят войны со строго определенным количеством убитых². Односторонность чисто математического подхода очевидна. Качественная, социально-политическая характеристика их, конечно, затушевывается, отодвигается на второй план. Тем самым маскируется подлинная сущность войны, ее социальный характер, связь с политикой классов и государств.

¹ UNESCO Yearbook on Peace and Conflict Studies, p. 141.

² Ibidem.

Классификация войн строится некоторыми буржуазными идеологами также на абсолютизации военно-технических и пространственных характеристик. Например, американский социолог В. Кёниг в книге «Оружие третьей мировой войны» дает следующую классификацию будущих войн: «война ученых», «война атома», «война в космосе», «война ракет», «сухопутная война», «воздушная война», «океанская война»¹. Классово-политическая характеристика упомянутых войн маскируется, что выгодно империалистическим агрессорам, подготавливающим и развязывающим войны.

Значительное внимание уделяют буржуазные идеологи классификации локальных войн. При этом они фальсифицируют источники, сущность, социальный характер этих войн. Обратимся к книжке западногерманского философа и историка В. Гальвега «Типология современных малых войн». В ней рассматриваются два главных типа «малых» войн: «восточный» и «западный». «В восточном,—пишет автор,—доминирует политика», а в западном «на первом месте стоят военно-стратегические интересы»². Западногерманский генерал Г. Карст со своей стороны подразделяет локальные войны на три группы: 1) «разрушительная война», под которой автор понимает современную «мировую гражданскую войну»; 2) «классическая война» — война солдат, танков, артиллерии и т. д.; 3) «война техников, инженеров, химиков»³. Это еще одна попытка извратить сложную проблему, скрыть от народов классовую сущность, социальный характер и реакционную роль «ограниченных» войн, являющихся орудием захватнической политики монополистического капитала.

Таким образом, буржуазная типология войн носит

¹ Koenig W. Weapons of World War 3. N. Y. etc., 1981, p. 5.

² Hahlweg W. Typologie des modernen Kleinkrieges. Wisbaden, 1967, S. 52—53.

³ Aktive Friedenspolitik, S. 185.

антинаучный характер. Она является следствием реакционных классовых позиций ее авторов, результатом их идеалистического мировоззрения и плюралистической методологии, неверного понимания источников, сущности и социального характера войн, их общественно-исторической роли. Подобная классификация служит идейно-теоретическим основанием реабилитации контрреволюционного вооруженного насилия, абсолютизации его роли в общественной жизни, оправданием несправедливых, захватнических войн, развязываемых империалистическими агрессорами.

Отвергая буржуазную типологию, марксизм-ленинизм выдвигает свое решение проблемы, основанное на научных диалектико-материалистических, классовых принципах, на учете не только количественных, но прежде всего качественных их характеристик. Лишь такой подход позволяет создать подлинную типологию. Она воплощает в себе научное понимание сущности войны как продолжения политики классов и государств насильственными средствами, социального характера, общественно-исторической роли, применяемых способов и форм военных действий.

Агрессивность империализма порождает конфликты и войны между социалистическими и капиталистическими государствами. Войны в защиту социализма образуют особый тип войн современной эпохи, коренным образом отличающихся от всех других типов войн. Это самые справедливые, законные и прогрессивные войны. Они носят последовательно революционный характер, являются продолжением революционной политики социалистических стран, направлены против агрессивных поползновений империализма, против международной реакции и контрреволюции. Эти войны — подлинно народные. К их числу относится война Советской России против международной и внутренней контрреволюции в 1918—1920 годах, Великая Отечественная война Советского Союза про-

тив немецко-фашистских захватчиков в 1941—1945 годах; война КНДР против корейских реакционеров и американских интервентов в 1950—1953 годах; война вьетнамского народа против сайгонского режима и иностранных интервентов и другие.

Постоянная забота об обеспечении безопасности страны отражена в Конституции СССР. «Защита социалистического Отечества,— записано в Основном Законе,— относится к важнейшим функциям государства и является делом всего народа». Своим самоотверженным трудом наш народ создает необходимые материальные и духовные предпосылки для упрочения обороны страны, для совершенствования Советских Вооруженных Сил, чтобы они были всегда готовы надежно защитить социалистическое Отечество, дать немедленный отпор любому агрессору.

В современных условиях защита завоеваний социализма — дело всех государств мирового социалистического содружества. Объединение идейно-политических, экономических, научно-технических и оборонных потенциалов братских стран умножает мощь реального социализма, позволяет ему динамично развиваться, успешно противодействовать агрессивной политике империализма. Реальный социализм — это главный оплот мира и безопасности народов, это поддержка национально-освободительного движения, это интернациональная политика сплочения всех прогрессивных, миролюбивых сил.

Глубокие противоречия раздирают капиталистический мир. Эти противоречия, политическая система государственно-монополистического капитализма и милитаризма уже неоднократно порождали империалистические войны, составляющие особый тип. По социальному характеру это несправедливые, захватнические, грабительские войны между империалистическими хищниками или их группировками за передел мира и установление господства над ним. Такие войны глубоко реакционны, враж-

дебны народным массам, чужды общественному прогрессу.

Глубокий антагонизм разделяет империалистические государства, с одной стороны, и страны, завоевавшие национальную независимость, борющиеся за свое освобождение,—с другой. Этот антагонизм порождает национально-освободительный тип войн. Их истоком служит колониальная политика и национальное угнетение народов империализмом.

Со стороны угнетенных народов, борющихся за свою свободу, государственную независимость, эти войны носят справедливый характер, ведутся ими против империалистических попыток насадить неоколониалистские режимы, навязать освободившимся странам реакционный политический строй. Национально-освободительные войны представляют собой ответную меру на агрессивные действия империалистов.

Социальное, классово-политическое содержание национально-освободительных войн в современную эпоху углубилось и расширилось. Это обусловлено характером общественных сил, участвующих в национально-освободительной борьбе: возрастающей ролью рабочего класса, все большей активностью трудового крестьянства, положительным отношением к освободительной борьбе известной части национальной буржуазии, хотя последняя и имеет двойственную классовую природу.

Особое место в национально-освободительных войнах занимают войны в защиту независимости государств, вставших на некапиталистический путь развития. История последних десятилетий показывает, что империализм проявляет крайнюю враждебность к этим молодым государствам, то и дело предпринимает против них агрессивные акции. Убедительным подтверждением этому служат яростные атаки сил империализма и реакции против Эфиопии, Анголы и других государств.

В современную эпоху стали иными и последствия на-

ционально-освободительных войн. Прежде, когда империализм был безраздельно господствующей системой, вооруженные выступления народов колониальных и зависимых стран почти всегда кончались поражением последних. Ныне положение совсем иное. Хотя и не исключены временные неудачи или даже поражения сил освобождения, но в отличие от прошлого это уже не является типичным событием. Исход освободительных войн в решающей мере зависит от прочности содружества социалистических государств, от размаха международного рабочего и национально-освободительного движения в целом.

Сущность, социальный характер и общественно-историческая роль национально-освободительных войн грубо искажаются буржуазными идеологами, политическими и военными деятелями. Им дается крайне отрицательная характеристика, на них навешивается ярлык «подрывных», «террористических» войн. Так, бывший государственный секретарь США А. Хейг в одном из своих интервью назвал национально-освободительные войны «террористическими», а борцов за национальную свободу и независимость — «террористами»¹. Это злостная попытка отождествить священное право народов на борьбу за освобождение от колониальной зависимости, от империалистического гнета с международным терроризмом.

Президент Р. Рейган, выступая в мае 1984 года с речью по телевидению, посвященной политике США в отношении Центральной Америки, откровенно призывал к военному вмешательству с целью подавления охватившего этот регион революционного и национально-освободительного движения, изображая его как результат «происков Москвы» и «инострального вмешательства»². Его утверждения — грубая голословная ложь, не имеющая никакого отношения к действительности, прикрывающая

¹ См.: Правда, 1981, 13 февраля.

² См.: Правда, 1984, 11 мая.

истинные цели политики «государственного терроризма», к которому прибегает американская администрация.

Марксистско-ленинская классификация, таким образом, включает в себя деление многочисленных войн на роды и типы по коренным социально-политическим признакам. Вместе с тем она не исключает, а предполагает и осуществляет группировку войн по видам. Основу подразделения войн на виды составляют их специфические признаки и характеристики: применяемые средства и масштабы вооруженной борьбы, число участников и характер военных действий и т. п.

В зависимости от средств ведения современные войны могут делиться на войны с применением обычного или с применением ядерного оружия. По масштабам современные войны могут быть мировыми и локальными. С точки зрения числа стран-участников войны могут происходить между двумя государствами или коалициями государств.

Как уже отмечалось, на протяжении истории сложились не только различные типы войны, но и мира. Первым историческим типом является мир в первобытном обществе, мир между различными родами и племенами. Вторым типом — мир в классовом, эксплуататорском обществе. Третий тип мира ознаменовала коммунистическая формация.

Политика Советского Союза, социалистических стран направлена против безумной гонки вооружений, в защиту мира. Государства социалистического содружества желают жить в мире со всеми странами. Их цели и устремления воплощаются в конкретных делах и предложениях, направленных на то, чтобы добиться решающего поворота к улучшению международной обстановки, уменьшить опасность ядерной войны. СССР, социалистические страны будут и впредь делать все возможное, чтобы отстоять и сохранить мир на нашей планете.

ОТКУДА ИСХОДИТ УГРОЗА МИРУ

1. Современный милитаризм — источник ядерной угрозы

Острый характер идеологическая борьба приняла также по вопросу об источниках и причинах возникновения вооруженных конфликтов и войн, о виновниках их подготовки и развязывания. И здесь борются два противоположных по своей сущности взгляда — марксистско-ленинский и буржуазный, дающих принципиально различное решение и истолкование данной проблемы.

Война в марксистско-ленинском понимании порождается определенными социально-экономическими условиями. Истоки всякой войны — в эксплуататорском способе производства, в экономическом и политическом строе, основанном на частной собственности и эксплуатации человека человеком. Война возникла вместе с появлением частной собственности на средства производства, разделением общества на непримиримые, антагонистические классы, обострением борьбы между ними. Частнособственнические производственные отношения обусловили необходимость появления эксплуататорского государства, армии и войны как средства осуществления политики господствующих классов насильственными средствами, методами организованной вооруженной борьбы.

Частная собственность — экономическая основа всех антагонистических формаций есть глубинный источник и наиболее общая причина, порождавшая и порождающая войны при рабовладельческом, феодальном и капиталистическом строе. Война есть неизбежное следствие частной собственности и эксплуатации человека человеком.

Но возникновение войны определяется не одними экономическими закономерностями, причинами и факторами. Война представляет собой не только экономическое, но и общественно-политическое явление, подверженное действию закономерностей, причин и факторов общественно-политической, классовой борьбы. Эксплуататорские классы преднамеренно, в глубокой тайне от народных масс замышляют, подготавливают, развязывают и ведут войны для достижения своих политических целей, сознательно определяют пути и средства их осуществления. Это значит, что война, будучи обусловлена экономически, возникает не прямо и непосредственно из частно-собственнических производственных отношений, а имеет сложную систему причин, определяющих ее появление, ход и исход.

Наряду с частной собственностью — фундаментальной причиной, порождающей войны, при их возникновении действуют и особые причины: историческая обстановка, реальное соотношение сил между противниками, конкретные общественно-политические, классовые противоречия и антагонизмы, которые в конечном счете определяются причинами первого рода, то есть экономическими.

На возникновение войны влияют также частные причины, связанные с личными особенностями политических, государственных и военных деятелей, с их интеллектуальными и волевыми качествами, с их пониманием обстановки, ошибками, просчетами и т. п. Влияние частных причин определяется в конечном счете действием общих и особых причин. По мере развития антагонистического

общества все более усложнялся и маскировался механизм подготовки и развязывания войны, что затрудняет его познание.

Капитализм не устранил коренную причину, порождавшую войны при рабовладельческом и крепостническом строе,— частную собственность и эксплуатацию. Более того, он ознаменовал новую эпоху в истории войн. Становление капиталистического способа производства вписано в историю человечества «языком крови и огня». Силой оружия формировались национальные государства, буржуазные нации. Обещанный идеологами буржуазии вечный мир, отмечал Ф. Энгельс, «превратился в бесконечную вереницу завоевательных войн»¹.

Эти войны коренятся в самой сущности капитализма. Они являются его порождением и постоянным спутником. Система эксплуатации человека человеком и система истребления человека человеком — две неразрывные, взаимосвязанные стороны буржуазного общества, порождающие вооруженные конфликты. Цель капиталистического производства — создание прибавочной стоимости и присвоение ее капиталистами. Ради обогащения и наживы они идут на любые преступления, развязывают многочисленные войны, служащие им средством расширения сферы эксплуатации, способом захвата новых источников сырья и рынков сбыта, методом упрочения политического господства.

С переходом капитализма в империалистическую стадию агрессивность его усилилась, приобрела еще более зловещий характер. История империализма — сплошная цепь невиданных по своим масштабам истребительных войн, корнящихся в его экономической и социально-политической структуре. Империализм, по определению В. И. Ленина, это монополистический, паразитический, гнивающий, умирающий капитализм, канун социали-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 267.

стической революции. Законом империализма является неравномерность экономического и политического развития государства, порождающая конфликты и войны мирового и локального масштабов.

Монополии возникают в ожесточенной конкурентной борьбе, сосредоточивая в своих руках ведущие отрасли производства. Рожденная конкуренцией монополия, в свою очередь, усиливает и обостряет ее. Экономические кризисы ведут к гибели мелких и средних предприятий, ускоряют рост монополий, транснациональных корпораций — ударной силы империализма. Наряду с промышленными образуются финансовые монополии — спруты, прибирающие к своим рукам денежные средства буржуазных стран, происходит сращивание банковского капитала с промышленным, на основе чего возникает финансовый капитал и финансовая олигархия — кучка финансовых воротил, господствующих в экономике капиталистических стран. Финансовые магнаты, подхлестываемые жадой наживы, не довольствуются внутренним рынком, вывозят капитал за границу, захватывают внешний рынок. Они наживаются на беспощадной эксплуатации трудящихся слаборазвитых стран, хищническом ограблении их природных богатств, а после краха колониальной системы тормозят процесс экономической деколонизации, выступают противниками прогрессивных социально-политических преобразований в бывших колониальных и зависимых странах, вмешиваются во внутренние дела молодых государств, превращая их в военно-стратегические базы монополистического капитала.

Особенно быстро растут монополии, занятые производством оружия и боевой техники. Американский социолог Р. Барнет пишет, что транснациональные корпорации господствуют не только в экономике, но и контролируют торговлю оружием и технологию создания глобального военного потенциала. Крупнейшие контракты с Пентагоном принадлежат транснациональным корпора-

циям. Их роль в «бизнесе оружия возрастает»¹. Военное производство достигло огромного размаха, превратилось в крупнейшую отрасль хозяйства. Оно приносит монополиям баснословные прибыли, в то же время придает экономике однобокий, уродливый характер, ведет к разорению народов, изнывающих под бременем налогов, растущей инфляции, дороговизны, безработицы.

Всевластие монополий, пронизывающее все стороны жизни капиталистического общества, усиливается благодаря их связи с буржуазным государством и его многочисленными органами. Монополии подчиняют себе государственный аппарат и используют его для укрепления и расширения своего господства, для вмешательства в процесс капиталистического воспроизводства и обеспечения интересов монополий во внутренней и внешней политике. Вследствие этого образуется государственно-монополистический капитализм — закономерное порождение империалистической стадии, результат изменений в экономическом базисе и политической надстройке буржуазного общества.

Система государственно-монополистического капитализма концентрирует в своих руках огромные материальные и духовные возможности для подготовки мировых и локальных войн, выступая опасным их источником. Государственно-монополистический капитализм соединяет силу монополий с силой государства в единый механизм в целях обогащения монополий, подавления рабочего движения и национально-освободительной борьбы, укрепления капиталистического строя, развязывания агрессивных войн. В новой программе Коммунистической партии США подчеркивается: «Стремление к установлению контроля над источниками сырья и выгодными сферами приложения капитала предопределяет неизменно агрессивный, воинственный характер капиталистической системы.

¹ *Barnet R. The Lean Years. N. Y., 1980, p. 224.*

Это обстоятельство является основной угрозой международному миру. А стремление капиталистов к установлению мирового господства таит в себе угрозу ядерной катастрофы. Капитализм служит источником гонки вооружений, на которую расходуются триллионы долларов»¹.

Неотъемлемой стороной государственно-монополистического капитализма является милитаризм. Милитаризм присущ всем эксплуататорским, классовым формациям. Но государственно-монополистический капитализм в огромной мере усиливает милитаризм, доводит его до небывалого размаха как в национальных, так и в международных масштабах, умножает его реакционность и опасность для народов и стран, для всего человечества. Корни милитаризма кроются в недрах империалистической системы, в ее экономике, агрессивной политике и воинственной идеологии монополистического капитала, в его общем кризисе.

Милитаризм, достигший поистине небывалых масштабов, поражает, подобно раковой опухоли, все стороны жизни буржуазного общества. В отличие от германского и японского милитаризма времен первой и второй мировых войн современный милитаризм, центром которого стали США, опирается на более мощную индустриально-промышленную базу, основанную на новейших достижениях науки, техники, технологии, располагает мощным ядерным потенциалом. Это намного увеличивает его опасность не только для отдельных стран и народов, но и для всего человечества.

Современный милитаризм — преемник агрессивных черт прежнего милитаризма представляет собой целую систему существующих в ведущих капиталистических государствах военных, политических, экономических, научно-технических, разведывательных, идеологических и иных органов и проводимых ими мероприятий, направ-

¹ США. Экономика. Политика. Идеология. 1983, № 2, с. 121.

ленных на подготовку вооруженных конфликтов и войн. Эта система включает в себя: зловещий союз милитаристских кругов с капиталистическими монополиями, военно-промышленный комплекс, ставший своеобразным «государством в государстве»; милитаризацию экономики, расширение военной индустрии; небывалый рост военных бюджетов; военизацию науки и техники, использование их достижений для производства средств массового истребления, бешеную гонку ракетно-ядерных, космических и обычных вооружений; качественное совершенствование материально-технической базы империалистических армий и флотов; сколачивание, функционирование и расширение агрессивных военных блоков и разветвленной сети военных и военно-морских баз на чужих территориях; милитаризацию общественно-политической жизни, применение террористических методов подавления трудящихся, революционных, демократических сил; усиление пропаганды войны, выдвижение военных доктрин, оправдывающих применение ядерного оружия; дискредитацию процесса разрядки международной напряженности; психологические диверсии против миролюбивых сил, идеологический «крестовый поход» против коммунизма.

Рост милитаризма усиливает напряженность в международных отношениях, создает почву для войн. Милитаризм есть выражение кризиса государственно-монополистического капитализма, свидетельство его глубокой социальной порочности и обреченности.

Государственно-монополистический капитализм и милитаризм обостряют и усиливают неравномерность экономического, политического и военного развития империалистических государств. Эта неравномерность, являющаяся одним из законов империализма, приводит к нарушению равновесия между империалистическими государствами, к столкновениям между ними, к войнам.

Мировая война 1914—1918 годов, как и предсказывал

В. И. Ленин, возникла в результате неравномерного развития капиталистических стран, нарушения равновесия между ними. Вырвавшаяся вперед в промышленном развитии Германия перегнала в конце прошлого века Англию и стала стремиться к переделу мира в свою пользу. Противоречия между германскими и английскими империалистами были основной причиной войны. Важную роль в ее возникновении сыграли также противоречия между Германией и Францией, Россией и Германией.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции, прорвавшей империалистический фронт в России и вырвавшей ее из войны, иностранные интервенты в союзе с белогвардейцами выступили против Советской власти. Они по-разбойничьи вторглись в пределы нашей страны, оккупировали многие жизненно важные районы. В течение трех лет германские, американские, английские, французские, японские интервенты и белогвардейцы заливали кровью молодую Советскую республику, грабили ее богатства, разрушали промышленность, города и села, уничтожали мирное население, чинили над ним неслыханные зверства и чудовищные преступления. Однако героический советский народ и его Красная Армия разгромили и внутренних и внешних врагов, отстояли завоевания революции.

Первая мировая война и Великая Октябрьская социалистическая революция положили начало первому этапу общего кризиса капитализма — сложного исторического процесса революционного крушения капитализма и замены его социализмом. Этот кризис был подготовлен всем ходом развития монополистического капитала, обострением всех его противоречий, неравномерностью развития империалистических государств. Главным признаком общего кризиса явился раскол мира на две системы. Капитализм перестал быть единой всеохватывающей системой, сфера его господства сузилась. Он утратил доминирующие позиции на мировой арене. Ро-

дилась новая, коммунистическая цивилизация, ознаменовавшая полный разрыв с буржуазной цивилизацией, основанной на угнетении и эксплуатации, социальном и национальном неравенстве, вооруженных конфликтах и войнах. Борьба между капитализмом и социализмом приняла всемирный характер, сделалась стержнем мировой политики, главным звеном международных отношений.

Однако и в этих условиях источником военных конфликтов и войн остается империализм, а не сама по себе противоположность между двумя системами, не историческое противоборство между ними. Источник войн кроется в агрессивной природе империализма, стремящегося взять классовый реванш, вооруженным путем уничтожить социализм, восстановить прежние утраченные позиции, утвердить свое господство в мире. «Авантюризм, готовность ставить на карту жизненные интересы человечества во имя своих узких корыстных целей,— подчеркнул XXVI съезд КПСС,— вот что особенно обнажено проявляется в политике наиболее агрессивных кругов империализма»¹.

В противовес империализму, являющемуся источником военной опасности, истребительных войн, социализм не нуждается в вооруженном насилии, выкорчевывает его социальные корни, обеспечивает прочную и устойчивую базу для всеобщего мира. Именно возникновение социализма открыло возможность развития человечества в направлении к устойчивому и прочному миру. Рост и укрепление социализма неуклонно расширяет эту возможность. От него в первую очередь зависят дальнейшие успехи в деле упрочения мира. Чем могущественнее социализм, тем надежнее всеобщий мир. Борьба за мир представляет собой кардинальную проблему современности, в которой общечеловеческие интересы сливаются

¹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 20.

с интересами передового класса эпохи — класса рабочих, борющегося за социалистическое преобразование общества. Движение мирового сообщества и коммунистической цивилизации может совершаться успешно лишь в условиях устойчивого и прочного мира на земле.

Если первая мировая война явилась началом общего кризиса капитализма, то дальнейшее развитие, обострение и углубление этого кризиса привело ко второй мировой войне. В ходе второй мировой войны и социалистических революций, происшедших в ряде стран Европы и Азии, развернулся второй этап общего кризиса мирового капитализма, еще более обостривший все его противоречия. Вторая мировая война также была порождена системой империализма, углублением его общего кризиса, обострением неравномерности экономического и политического развития стран монополистического капитала. Она возникла как прямое продолжение агрессивной политики империалистических государств за передел мира, за мировое господство. Непосредственно война была развязана гитлеровской Германией. Но за ее подготовку вина ложится на всю международную империалистическую реакцию, которая поощряла фашистскую агрессию, направляла ее против Советского Союза.

Тем не менее вторая мировая война возникла и протекала в обстановке, коренным образом отличной от обстановки, в которой началась и проходила первая мировая война. Отличие заключалось прежде всего в том, что капитализм перестал быть единой системой. Наряду с капитализмом в мире существовал социализм; в странах капитала выросли и окрепли компартии, поднималась волна национально-освободительного движения. Все это превращало вторую мировую войну в более сложное и противоречивое явление, чем первая мировая война. Важнейшей составной частью второй мировой войны была Великая Отечественная война Советского Союза,

представлявшая собой самое крупное столкновение социализма с ударными силами империализма.

Вторая мировая война имела глубочайшие социальные последствия. Победа советского народа и его Вооруженных Сил, разгром фашистской Германии и милитаристской Японии привели к дальнейшему ослаблению империализма, к распаду колониальной системы, к росту сил социализма, изменению облика нашей планеты. Соотношение сил в мире коренным образом изменилось в пользу социализма, вышедшего за рамки одной страны и превратившегося в мировую систему.

В связи с образованием мировой социалистической системы возможности империализма по развязыванию войн сузились, хотя хищническая природа его осталась прежней. Война перестала быть фатальной неизбежностью. Решение вопроса о том, быть или не быть войне, зависит теперь от нового соотношения сил на международной арене и прежде всего от сплоченности и могущества миролюбивых сил во главе с мировым социалистическим содружеством. Империализм не может ныне не считаться с мощностью социалистического содружества, с его активной внешней политикой, с международной солидарностью сил мира и прогресса.

В середине 50-х годов развернулся новый, третий этап общего кризиса капитализма, пережившего серьезные внутренние и внешние потрясения. Важнейшая особенность этого этапа состоит в том, что он возник не в связи с мировой войной, а в обстановке сравнительно мирного сосуществования и соревнования двух систем, в условиях изменившегося соотношения сил на мировой арене в пользу социализма, крушения колониальной системы, обострения внутренних и внешних противоречий империализма, упорной борьбы народов за всеобщий мир, против ядерной опасности.

Общий кризис охватывает не только экономическую основу буржуазного общества, но и его политическую

надстройку. Монополистический капитализм установил диктатуру меньшинства над большинством, он не мирится с прежними буржуазно-демократическими свободами, осуществляет милитаризацию общества, государства. Профессор В. Бергхан в книге «Милитаризм» называет США «гарнизонным государством» и «гарнизонным обществом»¹. Империалистическая буржуазия все чаще прибегает к террористическим методам расправы над народными массами. Она делает ставку на вооруженные силы и полицию как на средство продления своего господства. С помощью насилия монополисты безуспешно пытаются изменить направление общественного развития в свою пользу. Насильственный характер империализма делает особенно очевидной его реакционность и историческую обреченность.

События, прошедшие после XXVI съезда КПСС, полностью подтвердили его вывод о том, что общий кризис капитализма продолжает углубляться. Обстановка в главных центрах капитализма в экономическом и социально-политическом отношении остается неустойчивой. Падение темпов экономического развития, беспрецедентное наращивание военных расходов, ожесточенная межмонополистическая конкуренция на внешних рынках вызвали непрекращающийся рост армии безработных, разгул инфляции, сокращение бюджетных ассигнований на здравоохранение, образование, жилищное строительство. Все это ведет к обострению социальных противоречий в капиталистическом мире, усиливает неспособность империализма справиться с социальными и экономическими проблемами.

В обстановке обострения борьбы двух социальных систем и развертывания научно-технической революции государственно-монополистический капитализм стремится осуществлять регулирование и программирование

¹ *Berghahn V. Militarism. Lemington Spa, 1981, p. 87.*

экономики в общенациональных масштабах, а также проводить экономическую интеграцию ряда капиталистических стран, которая вызывается как потребностями развития производительных сил, так и желанием объединить усилия для борьбы против социализма. Однако подобные мероприятия не в состоянии обуздать стихийные силы капитализма, избавить его от потрясений, кризисов, противоречий, преодолеть две присущие ему противоположные тенденции — одну, делающую неизбежным союз всех империалистов, другую — противопоставляющую одних империалистов другим...¹

Во главе опасных реакционных, агрессивных сил выступают империалисты США. После второй мировой войны американский империализм в еще большей степени, чем после первой, нажился на гонке вооружений, стал самым могущественным и безжалостным эксплуататором других стран и народов за всю историю человечества. «Американский капитализм,— говорится в новой программе Коммунистической партии США,— вышел из второй мировой войны как самая мощная империалистическая держава мира в финансовом, экономическом и военном отношениях. Какое-то время он обладал монополией на атомную бомбу. Монополистические правители США стремились господствовать во всем мире и эксплуатировать его. Их цель состояла в установлении «американского века».

Монополии США стали крупнейшими «торговцами смертью» во всей истории. Американские банки превратились в финансовых акул мирового капитализма. Огромные ресурсы были брошены на обеспечение сверхприбылей монополий, «отбрасывание социализма» и подавление национально-освободительных движений².

Взяв на себя роль мирового жандарма, спасителя буржуазного строя от гибели, американские империали-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 332.

² США. Экономика. Политика. Идеология. 1983, № 1, с. 119.

сты грубо вмешиваются во внутренние дела многих стран и народов, попирают их суверенитет, стремятся задушить силой оружия национально-освободительное движение и установить неокOLONиалистские порядки, устраивают провокации против социалистических стран, ведут против них политическое, экономическое и идеологическое наступление. «Потерпев в 60—70-е годы ряд крупных поражений на мировой арене, империализм, прежде всего американский,— подчеркнул июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС,— предпринимает все более массированные, беспрецедентные по своему размаху атаки на наш общественный строй, марксистско-ленинскую идеологию, стремится отравить сознание советских людей, извратить цели нашей внешней политики, блокировать растущее влияние реального социализма — главного оплота дела мира и свободы народов»¹.

Основным очагом опасности на европейском континенте является западногерманский империализм, восстановленный и вскормленный монополистами США для использования своего бывшего врага против своего прежнего союзника — Советского Союза. В результате в Европе противостоят друг другу главные силы империалистического лагеря и социалистического содружества, располагающие мощными экономическими и военными потенциалами. В лице социалистических стран европейские народы, борющиеся за мир, безопасность и общественный прогресс, имеют мощный бастион мира. Социалистические страны являются решающим фактором, определяющим соотношение сил в Европе. В связи с этим дальнейшие успехи социалистических стран означают упрочение позиций миролюбивых сил, знаменуют шаг вперед в деле упрочения мира на европейском и других континентах.

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14—15 июня 1983 года, с. 29.

В противовес социалистическим странам западногерманские милитаристы, реваншисты и неонацисты, опираясь на поддержку США, стремятся к пересмотру итогов второй мировой войны, к изменению границ ряда европейских государств, ратуют за агрессивную политику, наращивают вооруженные силы, превратили страну в стартовую площадку американских ядерных ракет.

Раскрывая пагубность последствий послевоенной милитаристской политики правителей ФРГ, Г. Мисс подчеркнул: «Западногерманский монополистический капитал и представители его интересов несут историческую ответственность за вовлечение нашей страны в реакционную авантюристическую стратегию «отбрасывания социализма», подавления революционных, демократических движений. Вступление в 1955 году ФРГ в НАТО означало, что Федеративная республика, как и другие западноевропейские государства — члены НАТО, подчиняется империализму США при решении кардинальных вопросов войны и мира, а ее народу готовится судьба стать пушечным мясом для Пентагона»¹.

Корни агрессивности западногерманского милитаризма кроются в его социально-экономической и политической структуре, в монопольно-капиталистических отношениях, господствующих в ФРГ. Эта агрессивность связана с завершением перехода в Западной Германии от монополистического к государственно-монополистическому капитализму, сосредоточивающему в своих руках экономическую, политическую и военную мощь.

Другой важной причиной агрессивности западногерманского империализма является противоречие между его выросшим экономическим потенциалом и ограниченной сферой политического влияния. Будучи территориально небольшим государством, ФРГ располагает боль-

¹ Правда, 1984, 5 апреля.

шей экономической мощью, чем вся гитлеровская Германия накануне второй мировой войны. Это противоречие между возросшими экономическими и ограниченными политическими возможностями западногерманские империалисты пытаются преодолеть путем занятия ключевых позиций в атлантическом альянсе, обеспечения гегемонии в Западной Европе, повышения своей активности в реализации агрессивных планов США и НАТО.

Причиной агрессивности западногерманского империализма является и его реакционный политический и военный союз с американским империализмом, в котором заинтересованы обе стороны. Монополистические круги США стремятся к тому, чтобы превратить Западную Германию в главный оплот реакции в Европе, в форпост против социалистических стран, в опору своего политического и экономического давления на другие западноевропейские страны. Западногерманские империалисты со своей стороны находят в этом союзе гарантию осуществления своих планов в Европе, опору в проведении своего политического курса, направленного против социалистических стран. Этот союз, хотя и не свободен от империалистических противоречий, представляет собой источник военной опасности в Европе.

Обеспечение прочного мира на европейском континенте требует настойчивой и последовательной борьбы против западногерманских реваншистов и их заокеанских покровителей. Одна из ключевых проблем укрепления всеобщего мира — обеспечение европейской безопасности на основе признания сложившихся в результате второй мировой войны территориальных и политических реальностей. Важную роль в обеспечении безопасности на европейском континенте играет борьба против любых действий, направленных на подрыв заключенных договоров и соглашений, определяющих территориально-политические реальности в Европе, на нарушение хельсинк-

ского Заключительного акта, на вмешательство во внутренние дела и осуществление дискриминационных мер в отношении социалистических стран.

Особую опасность представляет собой размещение в ряде европейских стран НАТО американского ракетно-ядерного оружия средней дальности. Как неоднократно отмечали руководители Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства, угроза ядерной войны действительно возрастает в результате начавшегося размещения в Европе новых американских ракет, резкой активизации сил империализма, откровенно стремящегося к военно-стратегическому превосходству над СССР, к мировому господству.

Источником опасности в Азии является военный, политический и экономический союз американских и японских империалистов. Этот союз нацелен прежде всего против Советского Союза и других социалистических государств, против национально-освободительного и демократического движения азиатских народов. После второй мировой войны США сохранили в Японии господство монополистического капитала. Они превратили эту страну в свою союзницу, в опорную индустриальную базу военно-политических блоков, сколоченных на Дальнем Востоке, в важнейшее звено своей азиатской политики и стратегии.

Японские империалисты также извлекают выгоду из союза с более сильным партнером. С его помощью они рассчитывают возродить военную мощь Японии, восстановить ее вооруженные силы, оснастить их всеми видами современной боевой техники и оружия для осуществления своих планов в Азии.

В «новой военной стратегии» на 80-е годы, разработанной администрацией Р. Рейгана, уделяется большое внимание дальнейшему укреплению военно-политического союза американского империализма и японского милитаризма, расширению военного присутствия США на

Дальнем Востоке. Соединенные Штаты стремятся навязать Японии бремя обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии, превратить отношения между двумя странами в «активное военное партнерство», в котором Япония должна значительно усилить свой военный потенциал, нарастить мощь своих вооруженных сил.

Однако милитаристские круги Японии со своей стороны вовсе не хотят быть послушными исполнителями опасных планов Пентагона на Дальнем Востоке. Опираясь на помощь своего сильного партнера, они пытаются сколотить так называемое «тихоокеанское сообщество», которое призвано объединить тихоокеанские государства, чтобы сделать XXI век «тихоокеанской эрой». Идея подобного рода «сообщества» смоделирована с пресловутой доктрины 30-х годов — «великой восточноазиатской сферы современного процветания». Попытки японских милитаристов осуществить ее в ходе второй мировой войны закончились для них полным крахом.

Таким образом, азиатский континент, ставший первым полигоном применения Соединенными Штатами ядерного оружия, — это еще один, восточный, фронт борьбы империализма против социалистических стран. Курс США на возрождение японского милитаризма дестабилизирует обстановку в Азии. Вашингтонская администрация не скрывает намерений превратить Японию в свой «непотопляемый авианосец». Это — опасная игра. В нашем столетии японский милитаризм уже не раз обнаруживал свое экспансионистское, колонизаторское нутро, не раз развязывал войну. Между тем из Токио вновь звучат реваншистские ноты, выдвигаются территориальные претензии. Попытки повторить историю — причем на более опасной основе, в эпоху ядерного оружия — не могут не вызывать настороженности у многих азиатских государств. Ничего доброго не сулит эта агрессивность и самой Японии. Серьезную опасность для народов азиатского континента несет и политика американ-

ского империализма, стремящегося разыграть «китайскую карту».

Главная роль в отстаивании мира на Дальнем Востоке, как и во всей Азии, принадлежит Советскому Союзу — великой социалистической державе, которая, по словам В. И. Ленина, «географически, экономически и исторически относится не только к Европе, но и к Азии»¹. С момента рождения Советское государство провозгласило важнейшей задачей своей политики перестройку международных отношений на азиатском континенте на основе прочного мира, независимости и равноправия его народов. Борьба за мир и безопасность Азии, отпор империалистической агрессии и милитаризму — одно из важнейших направлений внешнеполитической деятельности СССР.

Политика империализма в Африке направлена на удержание африканских государств в сфере капиталистической системы, переориентацию на буржуазный Запад африканских стран, избравших некапиталистический путь развития, ослабление влияния Советского Союза, социалистических стран на континенте. Наряду с подрывной деятельностью империализма на нестабильность военно-политической обстановки на африканском континенте существенное влияние оказывают внутренние причины: различие путей и неравномерности экономического и политического развития стран, борьба политических партий и группировок, соперничество африканских государств за лидерство в своих регионах, нерешенность на континенте политических, социальных, этнических и других проблем.

Вооруженные конфликты и войны в Африке тесно связаны с политическими, социальными и другими противоречиями, отражают характер борьбы в странах континента. Возникновение этих конфликтов и войн чаще

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 326.

всего обусловлено агрессивной политикой и стратегией империализма, в союзе с реакционными кругами африканских стран выступающего против освободительного движения, сил прогресса и демократии.

Важное место в глобальной стратегии американского империализма отводится одному из крупнейших регионов мира — Латинской Америке. США стремятся превратить Латинскую Америку в тыловую базу американского империализма, в глубинный стратегический плацдарм в интересах борьбы против сил демократии и социализма, насаждения диктаторских режимов, которые возглавляются ставленниками американских монополий. Основным средством осуществления экспансионистской политики США в этом регионе является военная сила, а наиболее частой формой ее применения — государственные перевороты. Самыми тяжелыми и кровавыми из них явились контрреволюционный фашистский переворот в Чили в 1973 году и бандитское нападение США на Гренаду в 1983 году. Однако остановить таким путем революционный процесс не удалось и не удастся. В странах Латинской Америки усиливается борьба в защиту суверенитета и демократии, против диктаторских режимов и разграбления американскими монополиями природных ресурсов, против диктата США, их провокаций.

В противовес империализму, являющемуся источником военной опасности в мире, социализм, основанный на общественной собственности на средства производства, на отсутствии эксплуатации, не нуждается в войнах. В природе социализма нет таких противоречий, какие присущи природе капитализма. Войны, которые вынуждены были вести социалистические страны, вызывались не внутренними, а внешними причинами, навязывались им извне империалистическими агрессорами. Эти войны — ответные действия на происки международной реакции, пытающейся силой оружия затормозить развитие народов и стран по пути социализма.

2. Против апологетики вооруженного насилия

Идеологи буржуазии извращают вопрос об истоках и причинах войн, навязывают свои антинаучные взгляды. Они создали многочисленные теории происхождения войны, являющиеся неотъемлемой частью идеологии империализма. Эти теории не остаются неизменными: одни из них отодвигаются на второй план, другие приобретают активную роль в оправдании вооруженного насилия, маскировке его истоков. Под влиянием глубоких общественно-политических перемен в мире и коренных преобразований в военном деле претерпевают значительные изменения доводы, модернизируются аргументы буржуазных теорий, но их классовая сущность и агрессивная направленность остается неизменной.

Для буржуазных теорий характерно то, что они затушевывают подлинные истоки конфликтов и войн, рассматривают их в отрыве от общественного бытия, социально-политического строя, захватнической политики империалистических государств. В основе этих теорий лежат произвольно подобранные второстепенные явления и факторы, не затрагивающие подлинных социально-экономических и политических истоков вооруженных столкновений и войн.

Идеологи буржуазии маскируют агрессивный характер политики империализма, ее реакционную сущность, клеветают на политику Советского Союза и других социалистических стран, обвиняют их в стремлении к «мировому господству» и т. п. Так, Р. Рейган заявил: «Мы находимся в борьбе с опаснейшим врагом, который противостоит человечеству в его длительном восхождении от болота к звездам. Существует коммунистический план завоевания мирового господства». Его конечная цель — «уничтожение Америки»¹. Эти вздорные, лживые измы-

¹ Europa — Archiv. Bonn, 1981, N 9, S. 275.

шления направлены на то, чтобы скрыть агрессивный характер политики рвущегося к мировому господству американского империализма, очернить миролюбивую политику Советского Союза, социалистических стран. Такова злонамеренная суть высказываний, рассчитанных на то, чтобы замаскировать истоки ядерной опасности, исходящей от империализма.

В натовских странах модной является и теория, согласно которой основным источником войн в современную эпоху является стремление различных стран отстоять национальный суверенитет. По этой теории, войны будут существовать до тех пор, пока сохраняются государственный и национальный суверенитет, порождающий анархию в международных отношениях. «Эта анархия» объявляется главной причиной конфликтов и войн.

В целях предотвращения войны сторонники этой теории предлагают покончить с государственной и национальной самостоятельностью, заменить национальные институты наднациональной, космополитической структурой — мировым государством с мировым правительством, парламентом, судом, полицией, армией и т. д., что приведет будто бы к искоренению вооруженных конфликтов и войн.

Несостоятельность теории, провозглашающей единственной причиной войн государственный и национальный суверенитет, очевидна. Эта теория преследует цель опорочить борьбу народов за национальную свободу и государственную самостоятельность, затормозить национально-освободительное движение, оправдать неокOLONиализм, создать вместо суверенных государств «сверхгосударство», глобальную антикоммунистическую империю во главе с США.

Наряду с этим пропагандируется и противоположная концепция, усматривающая причины войн в существовании крупных национальных государств. А для того чтобы устранить эти причины, предлагается заменить круп-

ные государства мелкими. В книге «Исследование мира и мирового порядка», подготовленной группой американских политологов, говорится: «Великие державы — эти монстры национализма — должны быть разрушены и заменены малыми государствами»¹. Таким способом будто бы можно искоренить конфликты и войны.

Главные причины войн — не в национальном суверенитете и не в размерах государств, а в экономической и политической системе империализма, попирающей национальный и государственный суверенитет. Марксисты-ленинцы выступают против империалистической «интеграции», против агрессивных военно-политических блоков и вмешательства во внутренние дела суверенных государств, а также против политики и идеологии национальной исключительности, за равноправие, за социалистическую интеграцию, всестороннее добровольное сближение и сотрудничество наций, народов, суверенных государств во имя мира, демократии и социализма.

Более чем шестидесятилетний опыт образования и развития первого в мире социалистического многонационального государства — СССР свидетельствует о способности социализма за короткий срок выкорчевать экономические и социально-политические корни классовых и национальных антагонизмов, обеспечить на базе равноправия сближение и дружбу наций и народностей, решить национальный вопрос. В нашей стране стала реальностью новая историческая общность — советский народ. Эта общность основывается на глубоких изменениях как в материальной, так и в духовной жизни общества, на возникновении и развитии социалистических наций, между которыми сложились отношения нового типа. Такие отношения исключают социальные и национальные конфликты и войны, обеспечивают мир и дружбу между народами. Советский многонациональный народ по праву

¹ Peace and World Order Studies. N. Y., 1981, p. 17—18.

гордится той революционной исторической миссией, которую выполняет наша Родина, идущая в первых рядах борцов за мир, независимость, свободу и счастье народов.

Буржуазной пропагандой распространяется также концепция, будто идеологические противоречия между двумя системами, идеологическая борьба между ними являются главным источником военной опасности в наше время. В книге Б. Рихтгофена и Р. Огейма «Мировое господство», изданной в ФРГ, говорится: «Третья мировая война уже началась. Еще в 1918 году, когда закончилась горячая война с применением оружия, Советы разработали план: победить и уничтожить свободный мир с помощью идеологического оружия»¹. Проповедники этих взглядов переносят идеологические расхождения на область межгосударственных отношений, рассматривают идеологию как самодовлеющий фактор, порождающий опасность войны. В действительности идеологические противоречия не являются первичными, они производны от экономических и социально-политических противоречий. Непримируемость идеологических позиций, острая борьба между буржуазной и марксистско-ленинской идеологиями не исключают возможности мирного сосуществования капиталистических и социалистических государств. В ядерный век мирное сосуществование необходимо народам, как никогда ранее.

В идеологическом арсенале милитаристов действует и этическая теория войны. В современных условиях буржуазные этики не отваживаются объявить войну с применением современного оружия средством нравственного прогресса. Но ими проповедуется идея о том, что современный человек, несмотря на совершенную технику и науку, в моральном отношении остался на первобытном уровне. В этом противоречии кроется корень войн.

¹ *Richthofen B., Oheim R. Weltherrschaft. Preußische Oldendorf, 1981, S. 20.*

«Западный человек», по их мнению, находится ныне между двух зол: его ожидает либо физическая гибель от ядерного оружия, либо моральная смерть в результате «капитуляции перед мировым коммунизмом».

Значительное распространение в капиталистическом мире получили взгляды, будто опасность истребительных войн таится в современной науке и технике. Идеино-теоретической основой этих взглядов служат технико-социологические концепции, рассматривающие науку и технику как самостоятельные, изолированные от общественных отношений явления. Носители таких воззрений заявляют, что наука и техника, особенно военная, превратились в «демоническую» силу, которая вышла из-под контроля политики, сделалась чудовищным фактором, угрожающим будущему человечества. По мере дальнейшего развития науки и техники, совершенствования производства оружия возрастает опасность возникновения новой мировой войны, в том числе по мотивам случайности или просто по причине «безумия»¹. Идеологи буржуазии при этом умалчивают о том, что именно капиталистический строй, его социальная структура придали уродливый, милитаристский характер развитию науки и техники, вызвали к жизни бешеную гонку ядерных, космических и обычных вооружений, породили опасность возникновения ядерной войны, которая усиливается в результате агрессивной политики американского империализма и его союзников.

Кризис буржуазных социологических теорий отражается в научной несостоятельности их мировоззренческих и методологических основ. Это проявляется в крайней абстрактности и субъективизме, в тенденциозном, подклассовом подходе к выявлению истоков современных конфликтов и войн, в преднамеренном или непреднамеренном искажении и антинаучном истолковании причин

¹ *Strasser J., Traube K. Die Zukunft des Fortschritts, S. 348.*

их происхождения, в проповеди фатализма, неустранимости вооруженного насилия из жизни общества.

В маскировке подлинных истоков войны активную роль выполняют психологические теории. Они сложились на базе психологического направления буржуазной социологии, которая считает психику отдельных лиц или социальных групп главным фактором общественного развития, источником войн и других социальных бедствий. Представители этого направления рассматривают психику не как отражение условий материальной жизни общества, а как нечто самодовлеющее, неизменное, раз и навсегда данное, в самой же психике на первый план выдвигаются подсознательные инстинкты и воинственные влечения.

Такой иррационалистический подход к психике характерен прежде всего для сторонников психоаналитической школы, которые, по примеру австрийского врача и психолога З. Фрейда, считают психику людей источником бессознательных сил. В их представлении человек — это комплекс врожденных разрушительных инстинктов, главным из которых является «инстинкт агрессивности». Этот инстинкт, присущий якобы массам и руководителям, объявляется коренной причиной войн.

Неизбежность и неустранимость вооруженных схваток приверженцы психологизма обосновывают тем, что природа человека будто бы глубоко агрессивна и неизменна. Американский социолог С. Хантингтон в книге «Солдат и государство» категорически заявляет: «Насилие коренится в перманентной биологической и психологической природе человека... Человеческая природа, помимо того, является универсальной и неизменной. Человек во всех местах и во все времена в своей основе тот же самый... Человек в оценке военной этики является, по существу, человеком Гоббса»¹. Аналогичным образом тол-

¹ *Huntington S. Soldier and the State. Cambridge (Mass.) etc., 1981, p. 63.*

кует этот вопрос и неоконсерватор из ФРГ Г.-К. Кальтенбруннер. Он утверждает, что «человек дикий, ужасный, страшный, сам находится в опасности и сам угрожает другим». В оценке этого социолога, человек есть «опаснейшее существо»¹.

Психологическая трактовка причин войны многолика. Одни из ее поборников продолжают пропагандировать фрейдистскую концепцию «агрессивного инстинкта»; другие придерживаются теории фрустрации, согласно которой причина войн — в резком кризисе индивидуальной или социальной психологии, крушении общественных надежд, желаний, чаяний людей; третьи проповедуют концепцию «гуманистического психоанализа», ищут истоки войн в болезненных явлениях человеческой психики; четвертые связывают войну с несовершенством формирования психологии подрастающего поколения и т. п. Для этих разновидностей психологизма характерно признание важности различных социальных факторов, но определяющая роль все же отводится психологическому истолкованию войны, причин ее возникновения.

К психологической группе относится и поведенческая теория, сводящая человеческое сознание, психику к внешним реакциям организма на воздействие среды, к условным рефлексам, навыкам и привычкам. По их мнению, политика — это «практическая психология», война — ответная психологическая реакция на угрозу извне, а стратегия — «поединок двух волей»².

В последние годы, по свидетельству западных социологов, наблюдается возрождение биологического подхода к общественным явлениям, к войне. Сторонники этого направления распространяют законы развития животного мира на человеческое общество. Они рассматривают войну как биологическое явление, корни которого будто бы

¹ *Kaltenbrunner G.-K. (Hrsg.) Illusion der Brüderlichkeit. München, 1980, S. 21.*

² *Löser J. Gegen den Dritten Weltkrieg. Hamburg. 1982, S. 51.*

кроются в биологической природе человека, в его крови, в генах. Исходя из таких посылок, социобиологи пытаются объяснить причины вооруженных конфликтов, войн, обосновать их неизбежность.

Одной из распространенных биологических теорий является социал-дарвинистская, согласно которой войны порождаются борьбой за существование, якобы свойственной людям в такой же мере, как животным. Войны, полагают они, являются естественным состоянием общества. В ходе этих войн выживают «наиболее приспособленные». Социал-дарвинизм пытается модернизировать свои аргументы, сделать их более современными. В этих целях он стремится опереться на этологию — науку о поведении животных. При этом закономерности поведения животных переносятся на поведение людей. Социальное поведение человека направляется, по мнению социал-дарвинистов, биологическими законами. В этом кроются истоки войны, являющейся будто бы «законом природы».

Попытки объяснить общественные явления законами природы Ф. Энгельс резко высмеивал, называл совершенным ребячеством¹. В. И. Ленин в свою очередь подчеркивал, что игра в биологические термины, перенесение биологических понятий на область общественных наук есть пустая фраза, схоластическое, мертвое занятие. «На деле,— писал В. И. Ленин,— никакого *исследования* общественных явлений, никакого уяснения *метода* общественных наук *нельзя* дать при помощи этих понятий»². Эти доводы целиком применимы и к разоблачению попыток биологизации войны современными буржуазными идеологами.

Другой разновидностью биологических теорий является расовая, представители которой усматривают источник войны в существовании вечной вражды и борьбы за

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 622.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 348.

господство в мире между различными расами. Главный порок этой теории — провозглашение природного неравенства различных рас, а также смешение расы как биологической категории с нацией — категорией социально-исторической, насаждение ненависти между различными расами и нациями.

Расовая, националистическая теория, составляющая основу идеологии и политики фашизма, возрождается современными милитаристами. Они восхваляют духовные качества людей капиталистического Запада, отрицают наличие таких качеств у восточных народов, стремятся запугать людей мнимой угрозой, исходящей будто бы со стороны цветнокожих.

Расово-националистическая теория используется империалистической реакцией в качестве идейного прикрытия агрессивной политики, для разжигания расовых и националистических конфликтов, натравливания одних народов на другие.

Марксистско-ленинская идеология разоблачает утверждения империалистической пропаганды о расовых и национальных различиях как источнике войн. Эти утверждения основаны на раздувании и абсолютизации национально-расовых различий между людьми. Как показывает современная наука, представители всех рас обладают одинаковыми биологическими, психологическими и интеллектуальными возможностями. Различная историческая роль, неодинаковый вклад в мировую науку и культуру, отставание некоторых народов в экономическом развитии объясняются не расовыми различиями, а социальными причинами, характером общественного строя, многовековым колониальным гнетом. Марксисты-ленинцы отстаивают равноправие всех рас и наций, спланивают их на борьбу за демократию, социализм и коммунизм, за мир против войны.

Третья теория, относящаяся к биологической группе, — неомальтузианство. Нынешние последователи Т. Маль-

туса считают источником войн «чрезмерную плодovitость», катастрофический рост избыточного населения. Войну, в том числе ядерную, неомальтузианцы рассматривают как средство устранения «лишних ртов».

Теоретическую и методологическую несостоятельность мальтузианства вскрыли еще основоположники научного коммунизма. К. Маркс установил, что каждому способу производства свойственны свои особые, имеющие исторический характер законы народонаселения¹. Научкой доказано, что при рациональном использовании посевных площадей, которыми располагают все страны мира, а также возможностей современного производства можно было бы прокормить примерно 10 миллиардов человек. А если увеличить посевные площади, повысить урожайность, добиться широкого внедрения достижений науки и техники в сельскохозяйственное производство, то можно обеспечить полноценное питание не одному десятку миллиардов человек. Но помехой является капиталистическая система.

К биологическим теориям примыкает геополитическая теория войны. Как утверждают ее приверженцы, причины войн кроются в географическом факторе, прежде всего в нехватке «жизненного пространства». Геополитика, служившая германским империалистам одним из средств подготовки двух мировых войн, в наше время вновь пускается в ход в странах НАТО для оправдания насилия в отношениях между государствами, для пересмотра сложившихся границ между ними.

Современные геополитики натовских стран пытаются реабилитировать и подновить старую теорию, приспособить ее к новым условиям². Модернизация геополитики идет по линии устранения ряда дискредитировавших себя положений, пропитанных географическим фатализмом, и провозглашения идей, которые в большей мере учиты-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 646.

² Lowe J. Geopolitics and War. Washington, 1981, p. 2, 10.

вают социальные и духовно-психологические факторы. Вследствие этого прежняя геополитика пространства обрела форму геосоциологии, учитывающей как реальность пространства, так и «человеческой души». Подновленная геополитика изображается ее последователями в качестве «метода исторического познания».

Новая геосоциологическая форма не меняет принципиально старого реакционного содержания геополитики и сохраняет ее агрессивную сущность. Ее истинная цель — замаскировать истоки современных войн, подвести «географический фундамент» под агрессивную политику и стратегию НАТО и других военных группировок империализма. Таков подлинный смысл и назначение современной геополитики.

Опираясь на геополитический метод, буржуазные социологи стремятся доказать неизбежность военного столкновения не только между империалистическими, но и между социалистическими государствами. Подобного рода геополитические «прогнозы», носящие откровенно провокационный характер, обосновываются в работах ряда буржуазных идеологов. В них желаемое выдается за действительность.

Все большее распространение получает экологическая концепция войны, ее истоков. Причины войн она объясняет «экологическим кризисом», нарушением равновесия между человеческим обществом и окружающей средой. По этой концепции, война вызывается необходимостью борьбы за лучшие природные условия существования, за новые источники сырья, энергии. Ее последователи считают, что по мере дальнейшего развития человечества борьба за «выживание» усилится и поэтому не удастся избежать вооруженных столкновений. По их мнению, войны будущего — это «войны из-за продовольствия и источников сырья»¹. Эта концепция, тесно переплетаю-

¹ Greiff B. (Hrsg.) Das Orwellsche Jahrzehnt und die Zukunft der Wissenschaft. Hamburg, 1981, S. 194.

щаяся с геополитикой, также не в состоянии объяснить действительных причин войны.

Как показывают факты, биологические, геополитические и экологические концепции отражают идейно-теоретическое бессилие защитников капитализма, их классовую тенденциозность, враждебность научному мировоззрению и методологии.

Искажение и мистификация причин войны доведены до предела в клерикальных социально-философских концепциях. Истоки войны, согласно учению клерикалов, таятся в «греховной душе» человека, в нарушении людьми законов и норм, установленных богом. «Причины войн — в греховности человека»¹, — утверждают теологи. Реакционные клерикалы, тесно связанные с руководящими кругами НАТО, вместе с военными священниками, действующими в вооруженных силах этого агрессивного блока, распространяют идею о том, что война, в том числе с применением ядерного оружия, не противоречит христианской морали, если она будет вестись в «защиту религиозных ценностей», против «безбожного» коммунизма. В действительности же войны возникают не из-за «первородного греха» человека, о чем твердят клерикалы, а являются «первородным грехом» империализма, его порождением и спутником.

Стремясь преодолеть односторонность теорий, ищущих источник войн в каком-либо единичном явлении или процессе, буржуазные социологи выдвигают концепцию плюрализма — множественности факторов, обуславливающих возникновение войн. Так, американский социолог М. Хаас в работе «Международный конфликт» пишет о большом числе факторов, вызывающих конфликты и войны². Плюрализм — поверхностная, эклектическая теория, произвольно сваливающая в одну кучу самые различные

¹ Flucht aus der Freiheit? S. 134.

² Handbook of Political Conflict. N. Y., 1980, p. 337.

факторы, влияющие на возникновение войны, и не способная выделить из них главные, определяющие. Хотя плюралисты называют себя проводниками нового направления в социологии, на деле они проповедуют идеалистические, метафизические и софистские взгляды и представления на войну, ее источники.

Сердцевину рассмотренных буржуазных теорий составляет злобный антикоммунизм и антисоветизм. Все они пронизаны также духом фатализма, так как изображают войну неустрашимым явлением человеческого общества, его постоянным спутником, роковой неизбежностью, неумолимо свирепствующей на протяжении всей истории, во всех без исключения общественных формациях. Устранение войны из жизни общества расценивается как невозможное и даже нежелательное явление, так как вместе с войной исчезнут будто бы «динамические движущие силы истории».

Примером в этом отношении может служить книга под названием «Война. Психологические, социологические и антропологические исследования», изданная американскими социологами. В ней помещены отрывки из работ наиболее видных современных буржуазных философов и социологов. Буржуазные авторы приходят к общему выводу о том, что «война есть часть человеческой судьбы», «трагедия, которой нельзя избежать»¹. В работе западногерманских социологов И. Штрассера и К. Траубе «Будущее прогресса» также утверждается, что две мировые войны и атомная бомбежка Хиросимы и Нагасаки продемонстрировали возможность «самоуничтожения человечества» и сильно подорвали «легковесную веру в прогресс»². Сходными мрачными пророчествами изобилуют работы и других буржуазных философов, историков и социологов.

¹ War. Studies from Psychology, Sociology, Anthropology. N. Y., 1968, p. 14.

² Strasser J., Traube K. Die Zukunft des Fortschritts, S. 18.

Для многих буржуазных теорий характерны иррационалистические тенденции, принижающие роль разума в познании сущности войны и ее истоков. В ряде работ выражена мысль, что война происходит в конечном счете от причин, недоступных рациональному познанию. Это свидетельствует о кризисе буржуазной философско-социологической мысли, ее неспособности решить проблему источников войны.

Раскрытие глубинных истоков войн и причин их возникновения имеет важное теоретическое и практическое значение. От того, как это решается, в значительной степени зависит направление и активность борьбы миллионов масс за мир, против ядерной катастрофы. И не случайно вопрос об источниках войн является предметом ожесточенной борьбы между марксистско-ленинской и буржуазной идеологиями. Его верное решение стало возможным лишь на базе марксизма-ленинизма — идеологии научного познания и революционного действия.

3. Идеологическая битва за мир

В современных условиях идеологическая борьба достигла небывалого размаха, напряжения и остроты, приняла глобальные масштабы. Она охватила все области жизни народов, классов, партий, государств, отражая общие закономерности социального развития, логику классовой борьбы. От исхода идеологического противоборства в значительной мере зависит направление общественно-исторического развития, будущее человечества.

Вместе с тем ему присущи особенности, отличающие его от политической, экономической, научно-технической и других форм борьбы. Важнейшая из них заключается в том, что на него не распространяется мирное сосуществование. Как писал В. И. Ленин: «...вопрос стоит *толь-*

ко так: буржуазная или социалистическая идеология. Средины тут нет...»¹ Вся история борьбы с буржуазной идеологией подтверждает верность ленинских положений. Сейчас более чем когда-либо они актуальны и действительны.

В единоборстве с буржуазной идеологией марксизм-ленинизм завоевывает на свою сторону все новые массы людей. Неуклонно возрастает его благотворное влияние на общественно-политические процессы, международные отношения. Марксистско-ленинская идеология определяет стратегию и тактику борьбы коммунистических партий, вооружает рабочий класс, всех трудящихся глубоким пониманием закономерностей и перспектив развития общества, помогает верно ориентироваться в обстановке, правильно определять и решать кардинальные проблемы мировой политики, в том числе вопросы войны и мира.

Могучая притягательная сила марксистско-ленинских идей, рост авторитета и влияния реального социализма вызывают ожесточенное сопротивление классового противника. Империалистическая буржуазия и ее идеологи, реформисты и ревизионисты всех мастей усиливают борьбу против марксизма-ленинизма, пытаются выхолостить его революционную сущность, принизить всемирно-историческое значение марксистско-ленинского учения. В этих условиях особую важность приобретают классовая закалка трудящихся, бескомпромиссная борьба против буржуазной, реформистской и ревизионистской идеологии.

Обострение идеологической борьбы на мировой арене вызвано рядом причин: изменением соотношения сил между противоположными общественными системами в пользу социализма, установлением военно-стратегического равновесия между ними, усилением влияния на-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 39.

родных масс на ход событий, происходящих в мире, возрастанием авторитета идей научного коммунизма и примера реального социализма; ростом влияния мирового освободительного движения, а также огромным размахом борьбы за мир, против ядерной катастрофы.

Одновременно с этим происходит интенсивное развитие материально-технической базы идеологической борьбы, расширение возможностей идеологического воздействия средств массовой информации и коммуникации на сознание и поведение масс. Каждый день на различных широтах зажигаются экраны 500 миллионов телевизоров, включаются 1,3 миллиарда радиоприемников, в продажу поступают 8200 газет, выпускается 1800 названий книг и брошюр.

Расширению масштабов идеологической борьбы способствует также рост образовательного и культурного уровня населения планеты. Если в 1950 году в мире насчитывалось 44,3 процента неграмотных, то в 1980 году их количество снизилось до 29 процентов. К 2000 году, по подсчетам ученых, количество неграмотных упадет до 10 процентов¹. Иными словами, подавляющее большинство населения планеты включено в идеологический процесс, и сфера его действия раздвигается все шире.

В центр идеологической борьбы на международной арене сегодня выдвинут вопрос о войне и мире. В этом вопросе сталкиваются различные взгляды: марксистско-ленинский — по одну линию идеологического фронта, буржуазный — по другую линию. Проблема войны и мира рассматривается нами и нашими противниками с противоположных классово-политических, мировоззренческих и методологических позиций, ей дается принципиально различное решение и обоснование. В постановлении июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС подчеркивается: «Надо последовательно и настойчиво разоблачать

¹ *Fritsch B.* Wir werden überleben. München etc., 1981, S. 109.

врагов мира и прогресса, милитаристские планы империализма, в первую очередь американского, который является сегодня источником нависшей над человечеством угрозы мировой войны»¹.

Марксистско-ленинская идеология — цельная и стройная система философских, экономических и социально-политических взглядов, отражающая закономерности и движущие силы развития общества. Она имеет классовый, научный, творческий характер, проникнута глубоким оптимизмом, верой в будущее. Это идеология подлинного гуманизма и социальной справедливости, социалистического патриотизма и интернационализма, свободы, равенства и братства народов, идеология мира. Ей принадлежит главная роль в формировании духовного облика, психического склада людей. Марксистско-ленинские идеи способствуют росту идейной убежденности масс, выработке у них высоких морально-политических качеств, сплочают тружеников всех наций и народностей нашей страны. Это благотворно сказывается на упрочении духовного, морально-политического потенциала Советского государства, его обороноспособности, его решимости защитить мир.

Его несокрушимая мощь была ярко продемонстрирована в суровые годы Великой Отечественной войны. В кровопролитных боях с врагом и на трудовом фронте наш народ, его воины проявили свои лучшие морально-политические и боевые качества: высокую идейность, беспредельную преданность Родине, партии, делу коммунизма, верность воинскому долгу, непоколебимую стойкость, негибаемую волю, мужество, храбрость, воинское мастерство, массовый героизм. Марксистско-ленинская идеология явилась важнейшим фактором победы над врагом. Это была победа социалистической идеологии над

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14—15 июня 1983 года, с. 74.

человеконенавистнической идеологией империализма и фашизма. В постановлении ЦК КПСС «О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» отмечается, что эта Победа «подтвердила могучую жизненную силу марксистско-ленинской идеологии»¹.

В условиях развитого социализма, характеризующегося высокой организованностью, идейностью, сознательностью и единством взглядов трудящихся, неизмеримо возрастает роль духовного фактора, идеологии. Глубоко проникнув в сознание рабочих, колхозников, интеллигенции, воинов армии и флота, марксистско-ленинская идеология стала важнейшим источником их активной жизненной позиции, регулятором их поведения и деятельности, компасом в жизни и труде.

Образуя важнейшую часть духовных, морально-политических сил, идеология тем не менее не исчерпывает всего их содержания. Другой их составной частью является общественная психология, охватывающая психологию классов, наций, социальных групп. Это — совокупность понятий, чувств, настроений, привычек, интересов, волевых качеств, возникающих под воздействием общих условий жизни социальной группы, класса, нации, их деятельности, взаимного общения. В ней отражаются их непосредственные интересы, потребности и цели.

Вопрос о сущности, содержании и структуре духовных сил всячески искажается буржуазными теоретиками. Это искажение приняло прежде всего форму психологизации всего общественного сознания, абсолютизации роли индивидуальной и социальной психологии, провозглашения ее определяющим фактором социального развития. Поведение людей в мирной и боевой обстановке всецело ставится в зависимость от психологического фактора, прежде всего от инстинкта самосохранения, стра-

¹ Правда, 1984, 17 июня.

ха. Воззрения такого рода имеют классово-политическую подоплеку: подменить идейно-теоретическое сознание психологическими мотивами, притупить элементы сознательности у населения и личного состава вооруженных сил империалистических государств, растворить идеологию в психологии, сделать людей послушными марионетками милитаризма.

Руководствуясь подобными установками, теоретики империализма стремятся разработать формы и методы ведения «психологической» войны. Наряду с внутренним фронтом, в задачу которого входит психологическая подготовка населения, армии к войне, «психологическая» война имеет также внешний антикоммунистический, антисоветский фронт. Ее острие направлено прежде всего против стран социалистического содружества, против марксистско-ленинской идеологии. Западногерманский социолог Франц Зайдель в книге «Война или мир» пишет, что назначение «психологической» стратегии состоит в том, чтобы «морально вооружить собственный народ, благоприятно влиять на нейтральные страны в интересах собственной политики и ослаблять готовность к обороне противника, его вооруженных сил, его населения»¹. С помощью психологических атак на внутреннем и внешнем фронтах агрессивные силы империализма пытаются не только психологически обработать население и личный состав собственных вооруженных сил, подготовить их для ведения несправедливых, грабительских войн, но также подорвать духовные, морально-политические возможности социалистических государств, их обороноспособность, их борьбу за мир. Однако эти попытки безнадежны, обречены на неминуемый провал.

Если одна часть буржуазных идеологов искажает сущность психологического компонента духовных, морально-политических сил, то другая точно так же поступает с

¹ Seidel F. Krieg oder Frieden. Gutersloh, 1980, S. 60.

идеологическим элементом. Проявляется это прежде всего в субъективистском истолковании идеологии, отрицании ее научного обоснования. В книге «Философия гуманистического общества», подготовленной группой американских теоретиков, утверждается, что современная идеология «эквивалентна античным мифам»¹. Социолог Р. Кэрк в работе «Дух консерватизма» в свою очередь утверждает, что если мы хотим понять идеологию современного американского консерватизма, то необходимо прежде всего расценивать ее в качестве «духовного феномена», корни которого кроются во «вневременных» абстрактных принципах². По словам Г.-К. Кальтенбруннера, идеология представляет собой «комплекс норм, ценностей и идеалов, которые обладают независимостью от пространства, времени и общества»³. При этом маскируется классовая, эксплуататорская сущность буржуазной идеологии, ее агрессивный характер, враждебность делу мира, общественного прогресса.

Марксизм-ленинизм раскрывает несостоятельность идеалистического объяснения сущности, содержания и структуры духовных, морально-политических сил, не допускает противопоставления идеологии и психологии, рассматривает их во взаимосвязи, с научных позиций объясняет их действительную роль в общественной жизни. Для него присущ конкретно-исторический подход к оценке этих двух главнейших элементов духовных сил.

Влияние идеологии на психологию, на общественные процессы зависит от классовой природы самой идеологии, от характера экономического и социально-политического строя, на основе которого возникает и который обслуживает идеология. Степень эффективности влияния

¹ Philosophy of the Humanistic Society. University Press of America, 1981, p. 196.

² Kirk R. Conservative Mind. Chicago, 1978, p. 7—8.

³ Kaltenbrunner G.-K. Der schwirige Konservatismus. Berlin etc., 1975, S. 23.

идеологии зависит также от правильности отражения в ней назревших потребностей общества, глубины усвоения ее массами, от наличия современных технических средств внедрения идеологии, средств массовой информации и пропаганды и т. п.

Империалистическая пропаганда ведет незатухающую «идеологическую» и «психологическую» войну против советских людей, яростное наступление на их умы и чувства, стремится отравить их сознание клеветой на нашу действительность, очернить реальный социализм, опорочить исторические завоевания, достигнутые нашим народом под руководством Коммунистической партии, подорвать духовный потенциал Советского государства, ослабить его оборонное могущество. Это требует усиления контрпропаганды против идеологических и психологических атак империализма.

Современная буржуазная идеология, все ее основные направления — неоконсерватизм, либерализм и мелкобуржуазный радикализм — переживают глубокий кризис.

Стремясь выбраться из идеологического тупика, группа теоретиков империализма, именуемая себя «неоконсерваторами», — И. Кристол, Д. Белл, Н. Подгорец, Р. Нисбет, С. Хантингтон, Г. Кан и другие — задалась целью преодолеть «духовный вакуум», создать идеологию, которая помогла бы затормозить процесс революционного обновления мира, законсервировать буржуазные порядки, продлить их существование, обосновать агрессивную политику империалистических государств. Ради реализации этих целей неоконсерваторы, занимающие видные посты в администрации США, вузах, печати, издательствах, создали «мозговые центры» типа Гудзоновского института стратегических исследований, а также международную «интеллектуальную» организацию — «Комитет свободного мира», или «интернационал неоконсерваторов».

Бессильные выработать новую систему взглядов на мир, на социальную действительность, выдвинуть новые общественные идеалы, творцы неоконсерватизма возрождают реакционные идеи и теории, модернизируют их и используют в своих интересах. Их идейные построения пронизывает принцип: «Старые истины, старые законы, старые сапоги, старые книги и старые друзья являются лучшими». И на этой шаткой основе теоретики неоконсерватизма, как признал И. Кристол, стремятся преодолеть «духовное обнищание» капиталистического Запада, сформировать «консервативные идеалы», угодные и выгодные властвующей империалистической элите, которая благосклонно относится к такого рода стараниям неоконсервативных «интеллектуалов», их активности на идеологическом фронте.

Пестрый набор старомодных идей, нашпигованный различного рода футурологическими вымыслами и сценариями, искаженно рисующими картину развития человеческого общества, широко афишируется неоконсерваторами не только как идеология настоящего, но и будущего. Так, например, Г. Кан в своей книге «Будущее мира» самоуверенно заявил: «Идеологию 2000 года мы представляем себе как более или менее западную капиталистическую идеологию», которая благодаря нашей деятельности становится «трансидеологической»¹, то есть надклассовой, наднациональной, планетарной. Оценка эта носит откровенно рекламный характер и, конечно, не отражает действительных тенденций движения мировой истории.

Главным идейно-политическим средством неоконсерваторов в их борьбе против сил мира, демократии, социализма был и остается антикоммунизм и его наиболее агрессивная форма — антисоветизм.

¹ Kahn H. Die Zukunft der Welt 1980—2000. Wien etc., 1981. S. 513.

В книге «Неоконсерватизм в Соединенных Штатах и его влияние на атлантический союз», изданной американскими и западногерманскими идеологами, подчеркивается, что капиталистический Запад «находится в титанической битве с непримиримым врагом — коммунизмом»¹. В последние годы, подчеркивается в этой книге, в США наблюдается переход идей неоконсерватизма из области теории в область практики, осуществляемый президентом Р. Рейганом, которого авторы называют «чистокровным консерватором». Поднявшись к власти на «консервативной волне», Р. Рейган, по мнению этих идеологов, совершил «консервативную революцию», придав консерватизму обличье «неоконсерватизма». Журнал «Commentary», редактируемый идеологом неоконсерватизма Н. Подгорцем, в свою очередь, именует Р. Рейгана «нашим идеологическим шефом-исполнителем»².

Руководствуясь постулатами неоконсерватизма, президент США Р. Рейган подписал в мае 1982 года директиву об экономическом, дипломатическом и пропагандистском наступлении на социалистические страны. В июне того же года, выступая в английском парламенте, он объявил «крестовый поход» против коммунизма, пообещав сделать все для того, чтобы «оставить марксизм-ленинизм на пепелище истории». В августе 1982 года Р. Рейган призвал к «всемирному крестовому походу» в защиту свободы и к глобальной кампании в защиту демократии». В марте 1983 года в речи о военной политике американский президент назвал Советский Союз «средоточием мирового зла»³. Злобную, пропитанную патологическим антикоммунизмом речь Р. Рейган произнес в сентябре 1983 года на XXXVIII сессии Генеральной Ас-

¹ Der Neo-Konservatismus in der Vereinigten Staaten und seine Auswirkung auf die Atlantische Allianz. St. Augustin — Melle, 1982, S. 47—48.

² Commentary. N. Y., 1983, N 1, p. 17.

³ См.: Правда, 1983, 30 марта.

самблен ООН. Такой же характер носят и другие его многочисленные речи и выступления, в которых СССР ставится «вне закона» и содержится угроза применения против него военной силы.

Распространяемый администрацией США антикоммунизм служит идеологической завесой для оправдания и прикрытия политики агрессии, гонки вооружений, подготовки ядерной войны. «Подобно тому, как антикоммунизм гитлеровского фашизма в конце концов навлек большую беду на немецкий народ,— подчеркнул Гэс Холл,— так и антикоммунизм рейгановско-пентагоновского толка в конце концов толкнет американский народ на гибельный путь»¹.

Для усиления провозглашенного Р. Рейганом «крестового похода» против коммунизма политические деятели правого толка стремятся объединить свои силы в международном масштабе. На совещании 22 консервативных партий из стран Запада, состоявшемся в июне 1983 года в Лондоне, был создан блок правых политических сил, названный «Международным демократическим союзом». Наиболее активную роль в создании реакционного альянса играли вице-президент США Дж. Буш, премьер-министр Великобритании М. Тэтчер, председатель баварского христианско-социального союза Ф.-Й. Штраус и другие консервативные деятели. Прикрываясь лозунгами борьбы за «демократию» и «свободу», это реакционное формирование ведет антисоветскую и антикоммунистическую пропаганду, наступление на левые, прогрессивные силы. Поэтому борьба против антикоммунизма и антисоветизма — первейшая задача всех, кому дорог социальный прогресс, мир и безопасность народов.

Одновременно с беспрецедентной по масштабам пропагандой антикоммунизма и антисоветизма среди насе-

¹ Правда, 1984, 9 апреля.

ления и личного состава вооруженных сил НАТО и других военно-политических группировок апологеты империализма усиленно восхваляют капиталистический образ жизни, буржуазную демократию. В целях обмана масс они всячески приукрашивают буржуазный экономический и социально-политический строй, маскируют его антагонизм и пороки, создают о нем наукообразные мифы. С помощью изощренной риторики они набрасывают покров миролюбия на агрессивную политику США и НАТО.

Несмотря на огромный размах пропаганды антикоммунизма и апологетики капитализма, она не приносит се организаторам желаемых результатов. Поэтому усиленно насаждается также идеология национализма, шовинизма и расизма. Как известно, с помощью этой идеологии, проникнутой лютой ненавистью к социализму и коммунизму, ко всему передовому, прогрессивному, гитлеровцам удалось отравить сознание личного состава вооруженных сил и большей части населения Германии фальшивыми идеями превосходства арийцев над другими нациями и народами, втянуть их в кровавую авантюру, сделать соучастниками тяжчайших преступлений фашизма во второй мировой войне.

Ныне подобного рода отравленное идеологическое оружие используется милитаристами США и НАТО для затемнения классового сознания трудящихся масс, для натравливания одних народов на другие, для разжигания конфликтов между ними, для подрыва дела мира. И. Кристол характеризует национализм в качестве «сильнейшей идеологической и политической силы»¹. По его словам, «неоконсерватизм привел к возрождению национализма в Соединенных Штатах» и в других натовских странах. Неоконсерваторы по примеру гитлеровцев де-

¹ Der Neo-Konservatismus in der Vereinigten Staaten und seine Auswirkung auf die Atlantische Allianz, S. 73.

лят нации на высшие и низшие, последние они сравнивают с «людьми низкого происхождения», обосновывают «право» первых господствовать над вторыми.

Идеология национализма по своему содержанию неоднородна. В ней различается, во-первых, национализм угнетенных наций и народов, который, как правило, направлен против империалистического гнета и играет известную прогрессивную роль; во-вторых, национализм угнетающих наций — реакционный, оправдывающий угнетение и порабощение. Эту разновидность национализма, особенно его крайнюю форму — шовинизм, а также расизм, в первую очередь использует империалистическая пропаганда для духовного растрепания населения, особенно молодежи.

Насаждая национализм, шовинизм и расизм, теоретики буржуазии не могут не учитывать, что такого рода идеология не объединяет, а разъединяет сами империалистические государства, препятствует достижению единства внутри атлантического и других блоков. Это вынуждает антикоммунистов модернизировать старое идеологическое оружие. Так, Н. Подгорец отстаивает идею «нового национализма», который будто бы пришел на смену старому, культивировавшему изоляционизм, обособленность. «Новый национализм» в отличие от прежнего, уверял Н. Подгорец, учитывает будто бы не только интересы США, но и «интересы всего атлантического сообщества»¹. Иными словами, предпринимаются попытки превратить национализм отдельных буржуазных наций в его космополитическую разновидность — «атлантический» национализм, расценивая последний в качестве цементирующего фундамента блока НАТО, противовеса социалистическому интернационализму.

Реакционные идеи «атлантизма» используются империалистической пропагандой, с одной стороны, для выт-

¹ Der Neo-Konservatismus in der Vereinigten Staaten und seine Auswirkung auf die Atlantische Allianz, S. 83.

равливания национального самосознания у европейских народов и личного состава вооруженных сил НАТО, обработки их в духе «атлантической солидарности», лакейской верности лидеру блока — США; с другой стороны, для разжигания шовинистических настроений у широких слоев населения и личного состава вооруженных сил НАТО, внедрения в их сознание идей «духовного» превосходства над другими народами, восхваления «западной цивилизации», усиления пропаганды антикоммунизма и антисоветизма.

Идеология национализма, шовинизма и расизма, тесно переплетающаяся с антикоммунизмом и антисоветизмом, с реформизмом и ревизионизмом, глубоко пропитывает общественно-политическую, идейную и культурную атмосферу в странах капитала. Яд расизма изуродовал политическую, экономическую и социальную жизнь Соединенных Штатов. Расизм — это хроническая болезнь американского общества, которая отравляет жизнь народа, самое большое препятствие для социального прогресса США. В результате уровень безработицы среди черных американцев в два раза превышает общенациональный уровень, а среднегодовой доход негритянской семьи составляет немногим более половины дохода белой семьи.

В программе компартии США отмечается, что «около 50 миллионов наших граждан подвергаются угнетению, дискриминации, сегрегации и эксплуатации в связи с их расовой или национальной принадлежностью». Небывалых масштабов в Соединенных Штатах достигли политические и расовые репрессии. Только за 1982 год от рук полицейских в стране погибло около 300 человек. Примерно 60 процентов убийств было совершено по расовым и политическим мотивам¹. Так на практике выглядит изуверская идеология «нового национализма», разжига-

¹ США. Экономика. Политика. Идеология. 1983, № 2, с. 123.

емая реакционными империалистическими силами. Под влиянием волны национализма, шовинизма и расизма в США активизируются неонацисты и реваншисты в Западной Германии и милитаристы в Японии, творят свои кровавые деяния сионисты и южно-африканские расисты.

Идеология национализма, шовинизма и расизма во всех ее проявлениях встречает растущий отпор со стороны коммунистических партий, трудящихся масс, на опыте двух мировых и многочисленных локальных войн убедившихся в ее пагубности. В противоборстве идей побеждает марксистско-ленинская идеология интернационализма, которая провозглашает и отстаивает равноправие всех наций и народностей, отвергает любые формы национального и социального гнета, решительно разоблачает национализм, какую бы личину он на себя ни набрасывал, защищает дело мира и безопасности народов.

Триумфом этой идеологии является образование и развитие многонационального социалистического государства — СССР. Идеология пролетарского, социалистического интернационализма служит одним из источников могущества социалистических стран. В постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик» подчеркивается: «...учитывая, что национализм является одним из главных средств в подрывной деятельности империализма против реального социализма, необходимо вести последовательную, наступательную борьбу с попытками разжечь националистические предрассудки у отдельных людей, решительно выступать против любых отклонений от ленинских принципов национальной политики»¹.

Важное место в идейно-политическом арсенале монополистического капитализма занимает клерикализм — реакционное политическое и идеологическое течение, нап-

¹ О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982 года, с. 29—30.

равленное на усиление роли духовенства в жизни капиталистических стран.

Религиозно-клерикальная идеология привлекает теоретиков прежде всего своим космополитическим характером. Американский философ С. Хук в книге «Философия и публичная политика» характеризует религию как «сверхнациональную силу, которая управляет судьбами людей и служит космической опорой человеческих идеалов»¹. На религиозно-клерикальной базе, не связанной с национальными рамками, империалистические круги хотят добиться идеологического единства атлантического блока, создать «духовные основы» для сплочения народов и личного состава вооруженных сил стран НАТО и других блоков во имя защиты «религиозных ценностей» от угрозы «атеистического» коммунизма.

Другой чертой религиозно-клерикальной идеологии, импонирующей милитаристам, является ее непримиримость к социализму и коммунизму. Клерикальные круги, тесно связанные с империалистической реакцией, ведут злобную антикоммунистическую пропаганду среди населения, личного состава вооруженных сил стран НАТО. Образчиком могут служить высказывания одного из деятелей американской религиозной организации «Христианский голос» — Гари Джермина: «Мы видим мир расколотым на две части — бога и дьявола. Единственно морально оправданной внешней политикой США является та, которая призывает к тотальному уничтожению коммунизма и к освобождению всех живущих при нем»². Нападая на коммунизм, такие клерикальные проповедники внушают массам идеи незыблемости и прочности капиталистического строя, ниспосланного будто бы самим «богом», прививают им рабскую покорность власти имущим, политическое верноподданство, разжигают неп-

¹ Hook S. Philosophy and Public Policy. London etc., 1980, p. 272.

² Borch H. Amerika — Dekadenz und Größe. München etc., 1981, S. 132.

риязнь ко всему передовому, прогрессивному, призывают к борьбе против «безбожного» атеизма и коммунизма.

Теоретик неоконсерватизма М. Новак в докладе «Политическая роль церкви и национальная безопасность», сделанном им на одном из симпозиумов, заявил, что «глубоко религиозный американец прочнее верит в способность американской политической системы справиться с проблемами», проявляет «позитивное отношение» к этой системе, показывает более высокую активность на выборах, чем американец, стоящий в стороне от религии¹. Этим и объясняется тяга неоконсервативных деятелей к религиозной мистике.

Однако стремление империалистических кругов подчинить религию милитаристским целям встречает протест даже со стороны церковных деятелей. Подтверждением может служить конференция католических епископов США, состоявшаяся в мае 1983 года в Чикаго. Ее участники проголосовали не только за ограничение, но и за прекращение испытаний, производства и развертывания нового ядерного оружия.

Приведенные факты со всей очевидностью показывают, что неоконсерваторы-антикоммунисты демонстрируют полную несостоятельность в разработке новой системы социальных взглядов и обосновании позитивной программы политической деятельности.

В единоборстве с буржуазной идеологией марксизм-ленинизм — самое влиятельное идейное течение во всей истории мировой цивилизации — завоевывает на свою сторону широчайшие народные массы, борющиеся за свое социальное и национальное освобождение, за мир против войны. И никакие злобствования наших идейных противников не могут ослабить его благотворного воздействия на социальный прогресс и битву народов за мир.

¹ Der Neo — Konservativismus in der Vereinigten Staaten und seine Auswirkung auf die Atlantische Allianz, S. 299.

Введение	5
ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОЛИТИКИ, ВОЙНЫ И МИРА	11
1. Война — продолжение политики насильственными средствами	—
2. Социально-политическая сущность мира	26
3. Две политики — два курса перед судом народов . . .	53
РЕАЛЬНОСТИ ЯДЕРНОГО ВЕКА	69
1. У ядерного порога	—
2. Кредо политической идеологии современного милитаризма	88
3. Идеология и политика локального авантюризма . . .	100
МОРАЛЬ И ПРАВО ПРОТИВ АМОРАЛИЗМА И БЕСПРАВ- ВИЯ	117
1. Мораль и война	—
2. Справедливость в войне — побеждающий фактор . . .	131
3. Многообразие войн и состояний мира	144
ОТКУДА ИСХОДИТ УГРОЗА МИРУ	157
1. Современный милитаризм — источник ядерной угрозы . . .	—
2. Против апологетики вооруженного насилия	177
3. Идеологическая битва за мир	190

Тимофей Романович Кондратков

КАРДИНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

**Идеологическое противоборство
по вопросам войны и мира**

Заведующий редакцией *Л. И. Греков*

Редактор *В. И. Дмитриев*

Младший редактор *В. В. Калина*

Художник *П. В. Меркулов*

Художественный редактор *В. А. Бондарев*

Технические редакторы: *О. В. Лукьянова, И. А. Золотарева*

ИБ № 4125

Сдано в набор 17.12.84. Подписано в печать 09.04.85. А00070. Формат 70×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл.
печ. л. 9,10. Усл. кр.-отт. 9,45. Уч.-изд. л. 9,50. Тираж 70 тыс. экз. Заказ 252.
Цена 35 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

**STOP
TRIDENT**

**STOP
TRIDENT**

11 Gower Street, London WC4E 6NF Tel 01 263 0977

REA
OU
THAT NE
G

